

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Жуйкова Елена Викторовна**

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИКО-  
ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ  
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ  
ВОПЛОЩЕНИЕ В ЭПОПЕЕ "КРАСНОЕ КОЛЕСО"**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

**ДИССЕРТАЦИЯ**  
на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Научный руководитель:  
доктор филологических наук,  
профессор М.М. Голубков

Москва – 2018

## Содержание

|                                                                                                                                              |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Введение .....                                                                                                                               | 3   |
| § 1. «Красное Колесо» А.И. Солженицына в контексте литературы о Первой мировой войне.....                                                    | 3   |
| § 2. Точка зрения героев и позиция автора: к проблеме соотношения..                                                                          | 23  |
| Глава 1. Война в восприятии профессиональных военных .....                                                                                   | 34  |
| § 1. Образ Полковника Воротынцева и его значение для историософской концепции А.И. Солженицына.....                                          | 34  |
| § 2. Мистико-философское осмысление войны (генерал Самсонов и Ирина Томчак).....                                                             | 51  |
| § 3. Война и геополитика: полковник Воротынцев и генерал Свечин .....                                                                        | 54  |
| § 4. «Философия войны» и эволюция общественного мнения: полковник Воротынцев и генерал Крымов.....                                           | 63  |
| § 5. Война и политика: Воротынцев и кадетское общество в доме депутата А.И.Шингарева .....                                                   | 74  |
| § 6 «Рыцари»: полковник Воротынцев и генералы Нечволодов и Марков ..                                                                         | 80  |
| Глава 2. Саня Лаженицын и интерпретация «толстовства» в ситуации войны .....                                                                 | 89  |
| § 1. Образ Сани Лаженицына в системе персонажей «Красного Колеса» .....                                                                      | 89  |
| § 2. Философия истории: А.И. Солженицын и Л.Н. Толстой.....                                                                                  | 101 |
| § 3. Саня Лаженицын и отец Северьян: толстовское осмысление войны в свете христианства.....                                                  | 108 |
| Глава 3. Народный взгляд на войну (фольклорные представления; место образа Арсения Благодарёва в системе персонажей «Красного Колеса») ..... | 121 |
| § 1. Арсений Благодарев и его окружение.....                                                                                                 | 121 |
| § 2. Экономия Захара Томчака и ее обитатели. ....                                                                                            | 136 |
| § 3. Отражение военных событий в фольклоре .....                                                                                             | 141 |
| § 4 Солдат и офицер перед искушением .....                                                                                                   | 152 |
| Глава 4. Позиция царя и его окружения.....                                                                                                   | 158 |
| § 1. Специфика создания образа Николая II .....                                                                                              | 158 |
| § 2. Николай II и Вильгельм II: предыстория военного конфликта .....                                                                         | 162 |
| § 3. Николай Второй в восприятии полковника Воротынцева и других офицеров .....                                                              | 178 |
| § 4. Роль императрицы Александры в Первой мировой войне.....                                                                                 | 184 |
| § 5. Внешнеполитические ошибки Николая II в оценке А.И. Солженицына («Русский вопрос» к концу XX века») .....                                | 191 |
| Глава 5. Первая мировая война в восприятии революционеров .....                                                                              | 196 |
| § 1. Исторические деятели: позиция В.И. Ленина и других социалистов ...                                                                      | 196 |
| § 2. Вымышленные персонажи: социалистические воззрения в кругу семьи Ленартовичей.....                                                       | 213 |
| § 3. Конституционные демократы и «Союз 17 октября» .....                                                                                     | 221 |
| Заключение .....                                                                                                                             | 227 |
| БИБЛИОГРАФИЯ .....                                                                                                                           | 235 |

## Введение

### § 1. «Красное Колесо» А.И. Солженицына в контексте литературы о Первой мировой войне

Обращение А.И. Солженицына к теме Первой мировой войны неслучайно: рожденный «под сенью революции», он большую часть жизни посвятил тому, чтобы обнаружить ее истоки. В процессе работы над своим главным произведением – эпопеей «Красное Колесо» – ему приходилось все дальше и дальше отступать назад по исторической шкале в поиске истоков и первопричин революции, а потом стало понятно, что нужно начинать повествование с августа 1914 года, когда Германия объявила войну России. Именно с этого момента, как считает А.И. Солженицын, с Самсоновской катастрофы, и началось неизбежное «сползание России в революцию». Известны также высказывания автора о том, что именно ему выпала доля осветить эти события: если не он – то и никто не напишет, потому что события Первой мировой войны и революции все глубже уйдут в историю и станут недостижимым прошлым. Кроме того, у писателя был и личный интерес – ему важно было понять, почему отец, которого он никогда не видел, ушел добровольцем на войну. Этот фактор, личную вовлеченность, Л.И. Сараскина называла едва ли не самым важным: ведь по сути, в эпопее предпринимается попытка реконструкции семейной истории А.И. Солженицына. В послесловии к первому узлу А. Немзер напоминает читателям: «Как известно от самого автора, уже задуманный им в 1937 году «большой роман о русской революции» должен был открываться описанием начальных событий Первой мировой войны – Самсоновской катастрофы. Мысль о том, что роковые злосчастья России коренятся именно в ненужной войне, оборвавшей течение сложной и конфликтной, но органичной жизни, стала для писателя заветной»<sup>1</sup>. Она появляется и в других произведениях

---

<sup>1</sup> Солженицын Александр. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Август Четырнадцатого, кн.2 // Собрание сочинений. В 30 томах. Т. 8. С.493. Далее мы будем ссылаться на это издание с указанием названия Узла, книги и страницы. Для этого будут использоваться сокращения: А-14 – Август

А.И. Солженицына, например, в рассказе «Матренин двор». Писатель всю историю XX века размечает некими “точками бифуркации”, и первой (возможно, и самой важной из них) становится Самсоновская катастрофа в августе 1914 года. Из нее, как и из всей Первой мировой войны, вытекают все последующие трагические события XX века, вплоть до распада Советского Союза, эпохи 90-х, которая также нашла отражение в многогранном творчестве писателя (например, в двучастном рассказе «На изломах»).

В эпопее А.И. Солженицына теме Первой мировой войны отведено огромное художественное пространство. Ей даже в большей степени, чем самой революции, посвящены первые два узла книги – «Август Четырнадцатого» и «Октябрь Шестнадцатого». В последующих узлах обращения к теме Первой мировой войны постепенно сходят на нет, поскольку писатель вплотную подходит к анализу революционных событий в России. Именно этим будет обусловлено более частое и подробное обращение к первым двум узлам «Красного Колеса» в данной работе.

Чтобы понять, какое положение занимает эпопея А.И. Солженицына в литературе о Первой мировой войне, важно очертить круг всего написанного на эту тему не только в русской, но и зарубежной литературе. Это крупнейшее историческое событие начала века традиционно ассоциируется с литературой «потерянного поколения», названного так с легкой руки Гертруды Стайн. Однако известность и распространение это понятие получило благодаря использованию его в качестве эпиграфа к роману Э. Хемингуэя «И восходит солнце (Фиеста)». Моментом появления этой литературы принято считать публикацию в 1929 году двух книг: «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя и «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка. Кроме творчества этих двух писателей, к литературе «потерянного поколения» принято относить произведения Анри Барбюса, Ричарда

Олдингтона, Эзры Паунда, Джона Дос Пассоса, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и некоторых других. Книги данных авторов объединяет не родство формальных приемов и даже не только тема войны, сколько ощущение своей «потерянности» и ненужности миру. Это литература о совсем юных людях, ушедших на фронт Первой мировой войны, переживших все ее ужасы, смерть товарищей, но так и не сумевших смириться с ее бессмысленностью. Далеко не во всех произведениях вышеперечисленных авторов есть война как таковая, даже чаще они обращаются к послевоенному времени, рассказывают о возвращении с фронта. Героев литературы «потерянного поколения» объединяет разочарование в итогах войны, они не могут влиться в русло мирной жизни, война не отпускает их и часто снится по ночам. Именно произведения авторов «потерянного поколения» стали своеобразной «визитной карточкой» Первой мировой войны в литературе, однако в национальных литературах других стран сложился свой, особый взгляд на события Первой мировой.

Мимо славянских стран война тоже не прошла, оставив глубокий след в национальной истории. Особая трагедия славянских народов заключалась в том, что они порой вынуждены были воевать «по разные стороны баррикад». На момент начала Первой мировой многие славянские народы входили в состав Австро-Венгерской империи, которая напала на Сербию. Историки отмечают, что чешские и словацкие солдаты австро-венгерской армии в массовом порядке сдавались в плен, вступали в формировавшиеся на российской территории чехословацкие легионы, чтобы вместе с «русскими братьями» бороться против Габсбургов, добиваясь для своих народов независимости, а польские легионеры из Галиции во имя той же свободы сражались против русских. На стороне Австро-Венгрии и Германии выступила против стран Антанты, а стало быть, против России и Сербии – Болгария, некогда освобожденная Россией от османского ига. Как считает известный специалист по славянским литературам Н. Яковлева, в произведениях, созданных на всех языках распавшейся Австро-Венгерской

империи, Первая мировая война предстает чудовищной бессмыслицей. Во многом это связано с тем, что в этой войне многие славянские народы гибли за интересы своего угнетателя, а не за свои собственные. Она называет имена Гашека и Запотоцкого, Ванчуры и Пуймановой, Гидаша и Крлежи. Исследовательница отмечает: «Старейший писатель Югославии Мирослав Крлежа – сам участник боев австрийской армии в Галиции – с болью и гневом писал в 20-е годы (рассказы «Хорватский бог Марс», драмы «Галиция», «Волчий лог») и позже, почти полвека спустя, в романе «Знамена», о трагедии хорватов, воевавших под желто-черными австрийскими знаменами»<sup>2</sup>.

Из книг славянских авторов на данную тему широкую мировую известность приобрели «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» чешского писателя Я. Гашека. Этот неоконченный роман стал буквально национальным символом Чехии и представляет собой цепь новелл о жизни торговца краденными собаками, отставного пехотинца Швейка. Это история его пути на фронт в качестве добровольца, куда его гонит «приступ» патриотизма. Необходимо учитывать нетипичность образа главного героя в традиции уже рассмотренной литературы о Первой мировой войне: Швейк – образ комический, с ним постоянно происходит что-то абсурдное. С особой иронией показана работа военной медкомиссии, призванная отличить симулянтов от по-настоящему больных людей. Работа настолько хорошая, что даже Швейка, который буквально рвется на фронт, обвиняют в симуляции и запирают в больницу. Герой успевает побывать в полиции, военном госпитале, психиатрической больнице, затем в тылу и на фронте. И хотя большинство персонажей книги имеют реальных прототипов, она воспринимается не как масштабная эпопея, а как гротескное произведение с элементами народного площадного юмора.

Более полную картину того, как военные события отразились в национальных литературах славян, позволяет представить сборник «Первая

---

<sup>2</sup> Яковлева Н. Добрица Чосич и его роман «Время смерти» // Чосич Д. Время смерти: Роман. М., 1985. С. 10.

мировая война в литературах и культуре западных и южных славян»<sup>3</sup>, вышедший больше десяти лет назад в Институте Славяноведения к 90-летию начала Первой мировой войны.

В данном контексте особое место в ряду славянских авторов занимает сербская литература. Сербия – страна, наверное, больше всех пострадавшая от этой войны, породила писателя, который заговорил о ней в полный голос. Этим писателем был Добрица Чосич, знакомый многим не только как автор книг, но и как общественный деятель и президент союзной республики Югославия в 1992-1993 году. Он в своем знаменитом четырехтомном романе «Время смерти» представил войну с ее изнаночной стороны, без поэтизации – как подлинную национальную катастрофу, но именно так он раскрыл истинное величие Сербии и ее народа. Как считает крупный исследователь сербской романной традиции Н.Б. Яковлева, «Д. Чосич обращается к Первой мировой войне, чтобы поставить ряд важнейших проблем, касающихся и характера войны, которую вела Сербия, и особенностей исторического пути сербского народа»<sup>4</sup>.

Своим романом «Время смерти» Добрица Чосич продолжает тему трагической судьбы Сербии и сербов в период Первой мировой войны, которая волновала также Бранислава Нушича, Стевана Яковлевича. Но он выделяется и из ряда сербских произведений данной проблематики: другие писатели показывают только небольшую часть или эпизод войны, вне их творческого контекста, Д. Чосич же идет другим путем, в его книге война рассматривается в контексте индивидуальной и национальной истории от конца XIX века до Второй мировой войны. В романе «Время смерти» представлен только небольшой отрезок полувековой истории Сербии. Позволим себе чуть более подробно остановиться на этом романе, поскольку в нем можно обнаружить множество точек пересечения с непосредственным объектом нашего исследования: эпосеи А.И. Солженицына «Красное

---

<sup>3</sup> Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2004.

<sup>4</sup> Яковлева Н.Б. Современный роман Югославии. – М.: Наука, 1980. С. 185.

Колесо».

Действие романа «Время смерти» разворачивается на протяжении двух календарных лет Первой мировой войны, но фактически этот период даже меньше: около года с момента начала войны и до отступления через Албанию. В первую очередь, эта книга затрагивает несчастную судьбу Сербии и ее народа в период войны, но, погружаясь в документальный материал, мы можем наблюдать, как пространство расширяется до Европы и ее крупных городов, в которых происходят знаковые для Сербии события. В центре внимания художника находится война, но она разветвляется в бесчисленных эпизодах и ситуациях, которые происходят в различных регионах, городах и деревнях, делится на общие и личные судьбы людей, семей. Роман «Время смерти» имеет мощное антивоенное, антимилитаристское звучание: Добрица Чосич действительно показал войну без прикрас – случаи воровства и диверсии, трупы солдат, брошенные поля и деревни. В романе сербского писателя можно обнаружить немало типологических сходжений с эпопеей А.И. Солженицына, самые яркие из которых – переключки на уровне системы персонажей, привлечение документального материала и обращение к историософии Л.Н. Толстого, явленной в романе-эпопее «Война и мир».

Удивительно, что в богатейшей русской литературе, всегда столь живо откликающейся на военные катастрофы, оказалось не так уж и много художественных произведений, посвященных Первой мировой войне (именно «посвященных» этой теме напрямую, а не затрагивающих ее попутно). Возможно, это связано с уникальным ореолом, который она приобрела в массовом сознании в России. В советское время эта война всячески порицалась, ее клеймили ярлыками как «позорную» и «империалистическую». Кроме того, события Первой мировой были заслонены революцией, гражданской войной, а затем и Второй мировой, которые нашли свое яркое отражение в литературе.

Предпосылки и причины этой войны с трудом поддаются

рациональному объяснению и ставят перед писателем, перед историком и вообще человеком, стремящимся осмыслить свое и национальное бытие в историческом контексте, много вопросов. Их неразрешенность проявляется хотя бы в том, что за прошедшие с ее начала сто с лишним лет война так и не обрела своего окончательного, закрепленного названия. Их три, бытующих и по сей день: Первая мировая, Германская, Империалистическая. «В этой войне, из-под досужих перьев то Великой, то Отечественной, то Европейской, – не чувствовалось неотвратимости»<sup>5</sup>, – скажет о ней один из любимых героев писателя, обращая внимание на отсутствие и целей и, как следствие, номинации исторического события. В настоящее время различными учеными, как историками, так и филологами, предпринимаются попытки заново переосмыслить эти знаковые события в мировой истории, «очистить» их от ненужных коннотаций и вернуть войне статус «великой», какой ее называли раньше. А в некоторых других языках, например, в чешском, Первая мировая до сих пор продолжает называться «Великая война».

Среди наиболее крупных и значимых эпических произведений русской литературы советского периода, в которых так или иначе затрагивается тема Первой мировой войны, можно назвать трилогию «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» и эпопею «Тихий Дон» М. Шолохова. Война выступила в этих текстах в первую очередь как предтеча революционных событий в России и почти не рассматривается отдельно.

В романе М.А. Шолохова Первая мировая показана сквозь призму восприятия донских казаков. Поэтому она и предстает в самых мрачных тонах, которые отражают отношение к ней простых людей. С одной стороны, это и является самым ценным, потому что точку зрения казачества на события Первой мировой войны вряд ли где-то еще в литературе можно

---

<sup>5</sup> А-14, кн.2. С. 493.

увидеть. С другой стороны, масштабной панорамы военных событий у М.А. Шолохова нет – но он и не ставил перед собой такой задачи. Представлены лишь отдельные штрихи, эпизоды, дополняющие общую картину военных действий. Так, Григорий Мелехов, убивший австрийского солдата, долго не может справиться с собой: в разговорах с соседом по палате в госпитале он узнает истинные причины войны, и его представления о казачьем долге перед народом и царем рушатся. Но этот эпизод не выглядит столь уж масштабным на фоне тотального уничтожения народного бытия, который принесла Гражданская война. И сами герои, представители казачьей жизни, вовсе не склонны видеть в ней событие, сопоставимое с Гражданской войной на Дону, которой, в первую очередь, и посвящен роман М. Шолохова. Ведь погибают почти все главные герои романа на Гражданской, а не на Германской войне.

В центре внимания автора «Хождения по мукам» стоит трагедия русской интеллигенции, честных и мужественных людей, вставших лицом к лицу с событиями мирового масштаба – Первой мировой войной, Революцией 1917 года. Только в первой части трилогии, книге «Сестры», А.Н. Толстой касается Первой мировой войны, вторая же и третья части посвящены Революции и ее итогам: тому, как она изменила жизнь людей. Как и полагается, в центре внимания советского писателя лежало революционное преобразование России. Самой войны там практически нет, есть в большей степени рефлексия по ее поводу. Эту книгу довольно трудно поставить в ряд с литературой, посвященной теме Первой мировой войны, ведь сама война там почти не показана, находится «за кадром» и служит фоном для разворачивающихся в романе событий. По мнению исследователя послевоенного творчества А.Н. Толстого Воронцовой Г.Н., «в «Хождении по мукам» Толстой не стремится к полноте в изображении военных операций, в воспроизведении внешнего рисунка войны. его главные усилия направлены на воссоздание атмосферы военного времени, на передачу характера

разразившейся катастрофы»<sup>6</sup>. Темы Первой мировой войны писатель касается также в рассказе «Обыкновенный человек» и в ряде очерков.

Подобным образом ситуация складывается и в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Первая мировая война не может стать объектом исследования и пристального внимания Б. Пастернака уже хотя бы потому, что главный герой романа «Доктор Живаго» всячески пытается укрыться от истории и ее разрушительного воздействия на личность. Хотя по сюжету Юрий, уже довольно опытный врач, отправляется на фронт и там лечит раненых, делает операции. Они более близко знакомятся с Ларой именно в военном госпитале, где она работает медсестрой. Но речь о Первой мировой войне идет только в четвертой части романа, которая называется «Назревшие неизбежности».

Примерно то же самое можно сказать о многих произведениях крупных писателей первой половины XX столетия: обойти вниманием Первую мировую войну нельзя, но сделать ее главным предметом художественной рефлексии тоже, по каким-то причинам, не получается. Она затронута в «Жизни Клима Самгина», в «Чевенгуре», даже в «Защите Лужина», пусть и мельком, штрихами. Но не осмыслена как глобальное историческое явление, переломившее течение национальной жизни, ни М. Горьким, ни А. Платоновым, ни В. Набоковым.

Отдельный интерес в свете данной проблемы представляет повесть Л. Андреева «Иго войны», написанная в форме дневника. Казалось бы, она должна быть целиком и полностью посвящена теме Первой мировой войны. Но книга имеет антимилитаристское звучание: в ее начале главный герой пишет о том, что война ему лично совсем не нужна; и как он рад тому, что его не призвали. Хотя в ней и содержится ряд важных наблюдений по данной теме, на масштабное многогранное осмысление этого исторического события Л. Андреев тоже не претендует. Скорее, в ней показано, как война подминает

---

<sup>6</sup> Воронцова Г.Н. Тема Первой мировой войны в творчестве А.Н.Толстого. Режим доступа: <http://ruslitwwi.ru/files/content/2411/voroncova-g-n-tema-pervoj-mirovoj-vojny-v-tvorchestve-a-n-tolstogo-808-pdf.pdf>

под себя жизнь частного человека, даже если он всячески сопротивляется этому.

В поэзии начала века к теме Первой мировой войны обращались многие: Н. Гумилев, А. Блок, В. Хлебников, В. Маяковский и другие поэты. Но так или иначе, по мнению Л.Н. Будаговой, «в русской советской литературе и литературоведении тема Первой мировой войны, оттесненной куда-то на задворки истории Октябрьской революцией, получила, пожалуй, самое слабое и тенденциозное освещение по сравнению с литературой и литературоведением других стран. Произведения ряда русских поэтов - Н. Гумилева, служившего во время войны в уланском полку (сб. «Колчан», 1916; «Костер», 1918), В. Брюсова, работавшего военным корреспондентом, В. Хлебникова, В. Маяковского, которые не были на фронте, но отдали должное военной теме, анализировались с опаской и под социальным углом зрения. Военные стихи Маяковского укоряли за «пацифизм», хоть и хвалили за «социальную подоснову кровавых и ничем не оправданных битв», показанную в поэме «Война и мир». Позитивное отношение к антивоенным стихам Хлебникова (цикл «Война в мышеловке») за выраженную в них ненависть к ее виновникам и тем, кто наживается на войне, сочеталось с игнорированием славянских и конкретно сербских (косовских) мотивов, получивших у Хлебникова героическую интерпретацию»<sup>7</sup>.

Философское осмысление развернулось шире, чем поэтическое: так, нельзя не отметить сборник статей Н. Бердяева «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности». Это не художественное произведение, а, скорее, публицистическое, но оно написано в период Первой мировой войны (буквально с 1914 по 1917 год) и позволяет представить взгляд на войну с точки зрения интеллигенции. Большая часть книги посвящена национальному аспекту, «душе России», соотношению национальности и человечества, национализма и империализма, одна из глав посвящена

---

<sup>7</sup> Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 14-15.

собственно психологии войны. И хотя Н. Бердяев намеренно подчеркивает, что хочет говорить не о Первой мировой, а о любой войне, все же отвлеченного от современной ему политической ситуации разговора не получается. В предисловии, написанном позднее, автор делится своими размышлениями о том, что выход России из войны способствовал военным успехам Германии, но не увеличил опасности для всего остального мира: напротив, германская империя надорвалась. Но и русский народ не выдержал испытания войной, потеряв свою национальную идею. Н. Бердяев подчеркивает, что во время событий Первой мировой он стоял за войну до победного конца, но теперь изменил свою точку зрения: продолжение войны также вредит всем европейским странам, как и России; им грозит варваризация. Свою книгу философ называет «опытами по психологии русского народа» и высказывает мысли, сходные с позицией А.И. Солженицына в «Красном Колесе»: «Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну»<sup>8</sup>. К проблемам войны и ее философского осмысления в этот период обращались также С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и многие другие<sup>9</sup>.

Так же, как художественная проза о Первой мировой войне, не очень богатой была до недавнего момента и библиография работ, посвященных этой теме. Особенно резко это бросалось в глаза на фоне богатства и разнообразия сборников, посвященных революции 1917 года и Великой

---

<sup>8</sup> Бердяев Н. А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. Режим доступа: [http://www.krotov.info/library/02\\_b/berdyaev/1918\\_15\\_0.html#1](http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_0.html#1)

<sup>9</sup> Русские философы о войне : Ф.М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005.

Отечественной войне. Но в 2014 году эта ситуация несколько изменилась: вышло довольно много книг, приуроченных к столетию с начала первой мировой войны и посвященных ей. Среди них – антология «Первая мировая война в русской литературе», составленная Г. Красниковым и К. Семеновым. В книгу вошли как стихотворные, так и прозаические произведения писателей, касавшихся этой темы или бывших непосредственными участниками войны. В антологию вошли фрагменты из «Жизни Клима Самгина» М. Горького и «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, стихи Н. Гумилева, А. Блока, В. Маяковского, В. Катаева, произведения М. Зощенко, прошедшего большую часть войны и получившего сильнейшее отравление газами. Свой страшный опыт писатель изложил в повести «Перед восходом солнца», название которой перекликается с романом Э. Хемингуэя «И восходит солнце». В антологию вошли также менее известные авторы, такие, как А. Несмелов (Миропольский), и почему-то дневники генерала А. Брусилова, которого назвать писателем все же довольно сложно.

Т.Н. Фоминых считает, что среди факторов, побудивших А.И. Солженицына к написанию «Красного Колеса», решающим стало опровержение господствующей в общественном сознании лжи. А именно – эпопея вступает в открытую конфронтацию с «революционным мифом», воплощенным в советской литературе того периода. Как отмечает исследователь, «писать так, будто не существовало советских произведений об "империалистической бойне", Солженицын тоже не мог. При этом речь, вероятно, не может идти о его полемике с каким-то одним из них; на наш взгляд, целесообразнее вести разговор о противостоянии "Августа Четырнадцатого" сложившейся в советской литературе традиции художественного воплощения исторического катаклизма, ознаменовавшего начало XX века»<sup>10</sup>. В основе революционного мифа лежала ленинская идея о том, чтобы империалистическую войну превратить в гражданскую (эти его

---

<sup>10</sup> Фоминых Т.М. «Август Четырнадцатого» А. Солженицына и русская советская проза о Первой мировой войне. Режим доступа: [http://netrover.narod.ru/lit3wave/2\\_2.htm](http://netrover.narod.ru/lit3wave/2_2.htm)

мысли подробно представлены в самом «Красном Колесе» и рассматриваются в одной из глав нашего исследования). Более того, эта идея повторяется почти в каждой части книги в разных формулировках: «Тупоумный предательский лозунг “мира”! Для чего же пустышка никому не нужного “мира”, если не превращать его тотчас в гражданскую войну и притом беспощадную?! Да как предателя надо клеймить всякого, кто не выступит за гражданскую войну!»<sup>11</sup>

Помимо мифа об «империалистической бойне», Т.Н. Фоминых отмечает также миф о войне как национальном освобождении, о славянском богоизбранничестве в борьбе против германского варварства. События Первой мировой войны породили множество славянофильских идей. Война осмыслялась в аналогии с Троянской, но этот миф вскорости был развенчан самими же советскими писателями. По словам Т.Н. Фоминых, «своеобразной пародией на несостоявшуюся "Илиаду" великой войны стали "Необычайные похождения Хулио Хуренито" (1922) И. Эренбурга. В его антиэпосе мир - балаган, разрушенный войной, лишенный будущего, достойный осмеяния и своей жалкой судьбы. "Всеобщее эпическое состояние мира" осмыслено как фарс»<sup>12</sup>.

У И. Эренбурга есть еще одна книга, посвященная Первой мировой войне – это «Лик войны», сборник разрозненных новелл и заметок. Книга отличается фрагментарностью стиля и даже некоторой кинематографичностью, это, скорее, записная книжка военного корреспондента, где он фиксирует то, что видит, но не успевает подвергнуть увиденное рефлексии и философскому осмыслению. В юбилейный 2014 год эта работа И. Эренбурга была переиздана и дополнена газетными публикациями автора.

В советской литературе можно обнаружить еще ряд обращений к теме

---

<sup>11</sup> А-14, кн.1. С. 210.

<sup>12</sup> Фоминых Т.М. «Август Четырнадцатого» А. Солженицына и русская советская проза о Первой мировой войне. Режим доступа: [http://netrover.narod.ru/lit3wave/2\\_2.htm](http://netrover.narod.ru/lit3wave/2_2.htm)

Первой мировой войны. Как правило, эти авторы и их книги сейчас малоизвестны даже в профессиональной филологической среде или и вовсе забыты. Так, Марк Криницкий (М.В. Самыгин) в романе «Час настал» (1915) предпринимает попытку осмыслить эти события. При этом даже современники писателя оценивали его романы как «полубульварную» литературу из-за необычайной плодовитости автора. Первая же опубликованная в 1917 году книга С.З. Федорченко принесла ей большую известность. В ее работу «Народ на войне: Фронтовые записи» вошли подлинные записи солдатских и офицерских разговоров, услышанных писательницей на войне, которую она прошла сестрой милосердия, а также солдатский фольклор (песни, сказки, заговоры, заклинания). А. Дроздов также обращается к теме Первой мировой войны в романе «Антонов огонь» (1923). Ю.Л. Слезкин посвятил этому событию два своих романа – «Отречение» (1935) и «Брусилов» (1947), как и Н.Н. Брешко-Брешковский («Дикая дивизия» и «Ремесло сатаны»). Роман Л. Успенского «1916 (Перед потопом)» был написан в 1937 году, но увидел свет только в 2010, поскольку редакторский состав предполагаемого издательства был арестован. Возможно, если бы книга была опубликована в срок, ее судьба сложилась иначе.

В советской военной литературе была очень популярна и многократно переиздавалась и переводилась книга А.Г. Лебеденко «Тяжелый дивизион». Писателю, хорошо знавшему изнанку жизни царского офицерства, служившему и участвовавшему в Первой мировой войне, удалось создать широкую панораму военных событий в двухтомном романе. В архиве А.Н. Степанова, автора знаменитого в советское время романа «Порт-Артур», хранятся и ждут часа публикации несколько работ, посвящённых Первой мировой войне: это «Записки гвардейца», повести «Поход в Восточную Пруссию» и «Артиллеристы».

Тема Первой мировой войны была затронута и в эмигрантской литературе того периода. Так, в 1928 году М.Осоргиным уже в эмиграции,

после того, как он на философском пароходе покинул страну, был написан роман «Сивцев Вражек». В книге М.А. Осоргина было показано, как большинство воспринимало Первую мировую войну на ее первых порах – в то время очень распространено было мнение, что это событие должно завершиться через два-три месяца, но растянулось на годы. Недавно был переиздан роман главы Всевеликого войска донского генерала П.Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени», который был извлечен из спецхранов библиотек только в 1990 году. Книга написана с белогвардейских позиций, но автор не снимает с них вины за то, что произошло с Россией. Когда готовилось второе издание, книга уже была переведена на многие языки, и в предисловии ее автор высказал пожелание, чтобы, прочтя ее, в мире поняли, «что такое была Российская Империя и что такое русский большевизм»; то есть, автора также волнует не Первая мировая война как таковая, а последовавшие за ней исторические события.

Среди советских произведений о Первой мировой войне стоит упомянуть еще два текста с одним и тем же названием «Война» - повесть Н. Тихонова и неоконченный роман Вс. Вишневского. Но первый писатель сам говорил о том, что создавал книгу о развитии огнемета и боевого газа, «инструкцию для огнеметчика». Это в какой-то мере соответствовало позиции локафовцев (ЛОКАФ – Литературное Объединение Красной Армии и Флота): "В ряд мировых произведений о войне - в противовес Ремарку, чтобы большевистски развить Барбюса и произведения других попутчиков, - нужно включить большую книгу, наполненную абсолютно точным политическим и военно-техническим материалом. Книга, которая в отношении стиля делала бы историю, а не вела явно устаревшую линию планиметрического реалистического повествования классического образца"<sup>13</sup>. Т.Н. Фоминых говорит о книге Вс. Вишневского следующее: «Вс. Вишневский в эпосе "Война" (1939), следуя логике революционного мифа, акцентировал внимание на обострении классовых противоречий,

---

<sup>13</sup> Вишневский Вс. Заметки непрофессионального критика // Литературная газета. 1932. 5 апреля.

стихийном большевизме массы, сознательном политическом протесте пролетариата и т. п. Повествуя о жизни рабочих до войны, солдат на фронте, автор чередовал отобранные в строгом соответствии с основополагающей идеей зарисовки "с натуры" с обобщениями, прямо выражающими его политические симпатии»<sup>14</sup>. Таким образом, книга Вишневского являет собой попытку противопоставить западным представлениям о войне (в частности, литературе «потерянного поколения» и самому Э.М. Ремарку) советский вариант восприятия действительности.

В ряду современной литературы также есть книга, события которой разворачиваются на фоне мировых катастроф начала XX века, в том числе, и Первой мировой войны. Это роман Алексея Варламова «Мысленный волк», который представляет собой, по словам самого автора, его личную «попытку высказаться о Серебряном веке и его персонажах». Во многом основой для романа послужили биографии известных исторических и литературных деятелей, над которыми работал А. Варламов ранее. В интервью «Российской Газете» писатель говорит о том, какие темы волнуют его в книге: «Есть в романе и неизвестная, оболганная, трагически проигранная Россией Первая мировая война, есть ее герои и антигерои - "авторы" нашего поражения, ибо ни Серебряный век без войны, ни война без Серебряного века поняты быть не могут, как не может быть понят без них весь русский путь, да и наше время тоже»<sup>15</sup>.

Безусловно, точечные упоминания событий Первой мировой войны можно обнаружить еще во многих произведениях. Эта война оказалось историческим событием не только национального, но и мирового уровня. Однако в литературе до Солженицына не нашлось ни одного художника, способного предложить адекватную многоаспектную художественную и философскую интерпретацию военно-политических событий; в истории

---

<sup>14</sup> Фоминых Т.М. «Август Четырнадцатого» А. Солженицына и русская советская проза о Первой мировой войне. Режим доступа: [http://netrover.narod.ru/lit3wave/2\\_2.htm](http://netrover.narod.ru/lit3wave/2_2.htm)

<sup>15</sup> Басинский П. Век мой, волк мой [Интервью с А. Варламовым] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/03/28/varlamov.html>

литературы практически нет произведений, которые вошли бы в сферу национального сознания и дали бы удовлетворяющее объяснение не только Самсоновской катастрофы, но и войны, ввергнувшей Россию в революцию и войну гражданскую. Литература того времени не смогла объяснить ни причины войны, ни ее конкретно-исторические цели, ни ее онтологический смысл. Перечисленных выше и других писателей, так или иначе обращавшихся к этой теме, нельзя упрекнуть в том, что им не удалось создать масштабной многоплановой эпопеи о Первой мировой войне, вошедшей в «золотой фонд» русской классики – как правило, у них были иные художественные и исторические задачи. Но А.И. Солженицын, «Красное Колесо» которого изначально задумывалось как книга на совершенно другую тему, с присущей ему документальностью создал в десяти томной эпопее образ Первой мировой войны – так, как не удавалось никому в русской литературе.

В Темплтоновской лекции писатель дает свою общую оценку событиям Первой мировой войны: «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту всего XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: “Люди — забыли — Бога.” Пороками человеческого сознания, лишённого божественной вершины, определились и все главные преступления этого века. И первое из них — Первая мировая война, многое наше сегодняшнее — из неё. Ту, уже как будто забываемую, войну, когда изобильная, полнокровная, цветущая Европа как безумная кинулась грызть сама себя, и подорвала себя может быть больше, чем на одно столетие, а может быть навсегда, — ту войну нельзя объяснить иначе как всеобщим помрачением разума правящих, от потери сознания Высшей Силы над собой»<sup>16</sup>.

Герой романа Г. Гарсиа Маркеса «Любовь во время чумы»<sup>17</sup> доктор Урбино, человек с европейским образованием, не может найти для себя ответ

---

<sup>16</sup> Солженицын А. Темплтоновская лекция // Солженицын А. Подлинная свобода: избранная публицистика в годы изгнания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 101-102.

<sup>17</sup> Гарсиа Маркес Г. Любовь во время чумы. – М.: Издательство АСТ, 2018.

о смысле безумного и оголтелого саморазрушения, в которое погрузилась любимая им Европа в 1914 году. Житель Карибского региона, поборник европейского просвещения и прогресса, он с ужасом вдумывается в сводки военных действий, приходящие из-за океана. Буквально одной фразой писатель обнаруживает полную растерянность доктора Урбино: он не способен ни объяснить войну, ни понять ее смысл. Война прервала стремительное ускорение Европы рубежа веков, и это ставит в тупик человека, Европой воспитанного и образованного. Если герой Маркеса, заставший войну, и сам писатель, живущий сто лет спустя, в равной степени бессильны объяснить ее логику, то мы оказываемся в еще более сложном положении, до сих пор задаваясь вопросом: зачем она была нужна России? Почему Россия одной из первых вступила в войну в августе 1914 года?

Как становится очевидно, традиционные для советской историографии трактовки причин войны вряд ли целиком их исчерпывают, и А.И. Солженицына, конечно же, никак не могли удовлетворить. Хрестоматийные представления о том, что она была вызвана «обострением коренных противоречий» между «крупнейшими империалистическими государствами», приведшим к военному столкновению «за рынки сбыта» и «источники сырья», никак не объясняют вторжение Российской Империи в Восточную Пруссию и последовавший затем крах армии генерала Самсонова. Обладая неисчерпаемыми, как тогда казалось, демографическими и природными ресурсами, Россия не нуждалась ни в новых рынках сбыта (вполне достаточно было уже существовавших, делавших страну «житницей Европы»), ни в источниках сырья – столыпинские реформы показывали, что важнейшей социально-политической задачей являлось освоение собственных территорий и их несметных богатств, а не завоевание новых.

Идея панславизма и защиты Сербии тоже не имеет достаточных рациональных оснований: защитить Сербию, и значительно более эффективно, можно было не военными действиями, но последовательной внешней политикой, целенаправленными дипломатическими усилиями, а так

же всемерной экономической поддержкой, правильно организованными военными поставками – но не вторжением в Пруссию и бессмысленной, с военно-политической точки зрения, жертвой всей Второй армии.

Таким образом, вступление Российской Империи в Первую мировую войну не было обусловлено ни сколько-нибудь очевидными и неоспоримыми причинами, ни какими-либо национальными целями, которые преследовала Россия. Вероятно, страна в большей мере руководствовалась интересами союзников, а не своими собственными (критика подобной логики вступления в войну будет рассмотрена в одной из глав диссертационного исследования, посвященной позиции полковника Воротынцева).

Особенностью повествовательной стратегии писателя, тем, что отличает его в ряду литературы о Первой мировой, стало желание захватить и отобразить максимальное количество точек зрения, взглядов на события этой войны. Для примера можно сравнить точки зрения, представленные в литературе «потерянного поколения», с многообразием позиций, которые рассматриваются в «Красном Колесе». В романе Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» выразителями взглядов на войну целого поколения являются главный герой Пауль Боймер, от лица которого ведется повествование, и его одноклассники. У Э. Хемингуэя в книге «Прощай, оружие!» это – Фредерик Генри, лейтенант, также являющийся повествователем. В отличие от своих западных предшественников, взгляд А.И. Солженицына значительно шире и многоаспектнее. С присущей ему полифоничностью и стремлением к объективности писатель не делает какого-то одного героя «рупором» для выражения своего мнения. Свои взгляды на последствия военного столкновения для страны и каждого конкретного человека выражают множество персонажей. И это взгляд не только рядовых солдат и младших чинов, которые чувствуют себя пешками в руках властей и клянут офицеров (как у западных авторов), но и тех самых офицеров и генералов, от которых в некоторых ситуациях зависит, безусловно, больше, чем от солдат.

Очевидно, в эпопее А.И. Солженицына носители взглядов на войну менее однородны: они отличаются не только статусом и занимаемым положением в армии, но среди них можно выделить разные поколения. Многие исследователи отмечали неслучайность обращения Солженицына к фигуре П.А. Столыпина, который хронологически не мог являться участником военных событий, но, тем не менее, был выразителем взглядов на войну целого поколения, стоя при этом на высшей ступеньке иерархической лестницы<sup>18</sup>. П.А. Столыпин, согласно Солженицыну, понимал, что именно сильная, профессиональная, свободная от придворных и политических вмешательств армия, где солдаты не воспринимаются как «пушечное мясо», которое не жалко отправить на верную смерть, способна уберечь страну от войны. Эта точка зрения дана через восприятие полковника Георгия Воротынцева, непосредственного участника трагических событий и чрезвычайно важного персонажа в художественном мире эпопеи. Забегая вперед, стоит сказать, что этот герой является представителем тех немногих «чутких» офицеров, которые все понимают: Воротынцев решается поставить под удар свою карьеру и выступает с разгромным и обвинительным докладом перед Верховным командованием. Знаменитая толстовская идея о том, что война есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», звучит в словах рядовых солдат у западных авторов, а у Солженицына ее высказывает блестящий офицер: он говорит, что выгода для России иногда может не совпадать с честью мундира, и иногда профессиональный военный должен думать о том, как будет лучше для его страны – с войной или без нее. Вот так сообщают об этом шоферы в книге Э. Хемингуэя: «Страшнее войны ничего нет. Мы тут в санитарных частях даже не можем понять, какая это страшная штука – война. А те, кто поймет, как это страшно, те уже не могут помешать этому, потому что сходят с ума. Есть люди, которым никогда не понять. Есть люди, которые

---

<sup>18</sup> Немзер А. Диалог с русской классикой в «Августе Четырнадцатого». Путь Солженицын в контексте большого времени», - М., Русский путь, 2009. С. 137-149.

боятся своих офицеров. Вот такими и делают войну»<sup>19</sup>. И чуть позднее: «Страной правит класс, который глуп и ничего не понимает и не поймет никогда. Вот почему мы воюем»<sup>20</sup>.

И А.И. Солженицын, и западные писатели показывают важность для солдата простых человеческих ценностей, таких как сон и еда, изнанку солдатской жизни, страх перед атакой, разочарованность в разумности действий Верховного командования. Но несмотря на схожесть проблематики и тем, к которым обращаются Солженицын и авторы «потерянного поколения», принципиальное различие между ними состоит в понимании войны. Э.М. Ремарк и Э. Хемингуэй трактуют ее как трагический тупик, в котором оказалась европейская цивилизация. А.И. Солженицын же все-таки хочет видеть в войне и ее исторических итогах не только «бессмысленную мясорубку», но и духовное испытание для России, проявление Божьего промысла, постижению которого направлено все его творчество. Русский писатель, с присущим его мироощущению оптимизмом и верой в Высшую предопределенность, оставляет надежду на разумное завершение войны, которое можно достичь лишь при понимании ее целей, а также сплочением усилий «правлящих верхов» и рядовых солдат.

## **§ 2. Точка зрения героев и позиция автора: к проблеме соотношения.**

Понятие «точка зрения» в зарубежном литературоведении было введено Г. Джеймсом в эссе «Искусство романа» («The Art of the Novel»), а также описано П. Лаббоком в работе «Искусстве прозы» («The Craft of Fiction»). О проблеме соотношения различных точек зрения с позицией автора в русской научной традиции писали такие ученые, как Б.А. Успенский, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.В. Виноградов, Н.Д. Тамарченко, Б.О. Корман и некоторые другие исследователи. Применительно к изучению творчества

---

<sup>19</sup> Хемингуэй Э. Прощай, оружие!: роман: Вешние воды: повесть. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С. 51.

<sup>20</sup> Хемингуэй Э. Прощай, оружие!: роман: Вешние воды: повесть. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С. 51.

А.И. Солженицына к этому вопросу обращались А.В. Урманов, П.Е. Спиваковский, М.М. Голубков, А.С. Немзер и другие.

М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», как и во многих других своих исследованиях, проверяет свои теоретические выводы на материале романов Ф.М. Достоевского и некоторых других классических произведений XIX века. По мнению ученого, наиболее эстетически продуктивным отношением автора к герою становятся отношения «напряженной вненаходимости автора всем моментам героя», то есть, устранение автора из поля жизни персонажа. Также М.М. Бахтин рассматривает основные случаи отклонения писателем от данной модели. Б.О. Корман разрабатывал свою теорию преимущественно на поэтическом материале творчества Н. А. Некрасова, применительно к ролевой лирике он разделит носителя сознания и носителя речи. Также исследователь рассматривал пространственную точку зрения (физическую) и временную (положение во времени). Методика исследователя получила название «системно-субъектный подход» или, иными словами, «теория автора», и во многом была полемична по отношению к работам М.М. Бахтина. В частности, его замечания касались самого толкования слова «автор» в работах М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском: Б.О. Корман призывал уходить от многозначности этого термина, который, как казалось исследователю, при таком подходе неизбежно смешивается с понятием «повествователя» и «рассказчика».

В.В. Виноградов в работе «О языке Толстого»<sup>21</sup> пишет о том, что автор «Войны и мира» развивает принцип повествовательного изложения, заложенный А.С. Пушкиным и продолженный Н.В. Гоголем, а именно: принцип субъектной многопланности повествования. Также ученым рассматривается метод «скольжения» речи по разным субъектным сферам и не прямой передачи чужой речи.

---

<sup>21</sup> Виноградов В. О языке Толстого (50—60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1939.

Одной из центральных работ при анализе позиций автора и его героев и соотношении их точек зрения является книга Б. Успенского «Поэтика композиций». В ней исследователь выстраивает типологию композиционных возможностей в связи с проблемой точки зрения и выделяет четыре плана (уровня) рассмотрения художественного произведения: план идеологической оценки, фразеологии, психологии (субъективность\объективность описания) и пространственно-временной характеристики. Это позволяет произвести некую типологию точек зрения в тексте. В своем диссертационном исследовании мы будем опираться преимущественно на эту работу, поскольку использование ее в качестве методологической базы кажется нам особенно продуктивным при изучении нарративной системы А.И. Солженицына, а ее основные положения – наиболее адаптивными для историко-литературной работы в целом. Кроме того, «Поэтика композиций» удобна еще и тем, что включает в себя не только открытия ее автора, но и аккумулирует достижения и опыт предшественников в изучении данной проблематики. Но хотелось бы также подчеркнуть, что все названные работы формировали и выстраивали свою теорию преимущественно на материале классической литературы XIX века, и ни одна из них не подходит под описание нарратологической модели в «Красном Колесе» полностью. Кроме того, в диссертационном исследовании не ставится задачи продемонстрировать то, как теоретические исследования, касающиеся проблемы «точки зрения», могут быть применены к творчеству А.И. Солженицына. В историко-литературной работе такого плана данные из теории литературы служат, скорее, вспомогательными материалами, а первичным здесь выступает соотношение истории и художественного текста.

По мнению Б. Успенского, совмещение нескольких точек зрения возможно не только в пределах повествования, но и внутри одного предложения; это особенно характерно для устной речи, когда мы невольно становимся вдруг на точку зрения того, о ком рассказываем: «Так образуется та разновидность повествования, которую принято называть «внутренней

речью» или «внутренним монологом». Во многих случаях подобные примеры с равным правом могут рассматриваться и как результат воздействия авторского слова на слово героя, и как результат обратного воздействия (т.е. как случай изменения авторской речи под влиянием чужого слова). Но иногда одной замены местоимений недостаточно для того, чтобы получить из речи автора речь персонажа, поскольку само слово персонажа может быть обработано автором, окрашено авторской интонацией; в этом случае точка зрения автора и точка зрения персонажа неразрывно сливаются в тексте, в результате чего мы, воспринимая переживания героя с его точки зрения, все время слышим вместе с тем и интонацию самого автора»<sup>22</sup>. В работе ученого подчеркивается, что проблема точки зрения относится к принципам организации повествования и является основополагающей для художественного воплощения мировоззренческих установок писателя (что особенно актуально для описания художественного мира автора «Красного Колеса»).

А.И. Солженицын для характеристики героя и его восприятия событий редко использует формы прямого выражения авторской позиции. Причем здесь не так важно, совпадает авторская точка зрения с точкой зрения героя или же они противоположны. Он использует, скорее, формы несобственно-прямой и несобственно-авторской речи: даже когда повествование о персонаже ведется в третьем лице, оно нередко бывает ориентировано именно на его тип сознания и восприятия. Сам Солженицын, когда речь шла о «Красном Колесе», говорил так: «...для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить свою главу полностью в его психологии, и стараясь передать его правоту. Больше того, я свой язык – не прямую речь, а свой авторский язык – строю так, чтобы он был верным фоном именно этому герою, именно в этой главе. И вот у меня столько точек

---

<sup>22</sup> Успенский Б.А. Поэтика композиции. - СПб.: Азбука, 2000. С. 29.

зрения в романе, сколько героев»<sup>23</sup>. Эта книга, как и многие другие произведения Солженицына, относится к тем наиболее характерным для данного автора случаям, когда идеологическая оценка в произведении дается не с одной какой-то (доминирующей) точки зрения, а с разных относительно равноправных, которые могут вступать между собой в какие-то отношения. В таком случае можно говорить, что в произведении нет одной точки зрения, которой подчинено все повествование. По мнению А.В. Урманова<sup>24</sup>, тип повествования в процессе создания эпопеи значительно эволюционировал: если в первых узлах А.И. Солженицын не мог «удержаться» от того, чтобы давать завершающие авторские оценки историческому процессу, то в последующих книгах он все реже претендует на роль судьи и «всеведущего автора», как это было у Л.Н. Толстого. Однако, по мнению исследователя, полностью преодолеть тенденцию давать завершающие оценки автор «Красного Колеса» все-таки не смог, поэтому корректнее говорить о разных повествовательных вариантах единого авторского стиля.

Вероятно, абсолютно объективированное повествование практически не достижимо, но нельзя не отметить, что А.И. Солженицын ставил одной из своих художественных задач стремление к объективной оценке Первой мировой войны и других исторических событий, проявляющейся в том числе и в повествовательной манере писателя. Так, для достижения наибольшей объективности А.И. Солженицын иногда пользуется таким приемом, как «скольжение» авторской мысли или смена авторской позиции в пределах фрагмента текста. Авторское отношение порой или совсем неуловимо, или присутствует очень косвенно, можно только догадаться, позиция какого из персонажей наиболее близка авторской и в чьи уста он вложил свои слова. Такой подход, по мысли П.Е. Спиваковского, ведет к «деконструкции единого имплицитного образа автора». Исследователь считает, что «в

---

<sup>23</sup> Цит. по: Спиваковский П. Академик Александр Исаевич Солженицын / Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. М.: Наука, 2003. Т. 62, № 6. С. 65

<sup>24</sup> Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие / А.В. Урманов. – 3-е изд. – М: Флинта: Наука, 2009. С. 305.

результате такой калейдоскопической смены авторских нарративных масок читатель лишается привычной для него опоры на "единственно правильную" авторскую точку зрения, и это вызывает серьезные затруднения при чтении, нередко приводя читателя в состояние растерянности и недоумения»<sup>25</sup>. По его мнению, такая нарративная структура трудна для восприятия современного читателя, который не привык к тому, чтобы образ автора подвергался такой кардинальной деконструкции.

Слова Ж. Нивы, сказанные по поводу «Красного Колеса», применимы к позиции Солженицына в выражении авторской мысли во многих его произведениях: "Я долго — и даже отчаянно — искал <...> в этом лабиринте зеркал точку зрения автора. К моему удивлению, я понял, что ее нет, что она почти исчезла. Каждый раз, когда я ее улавливал, она ускользала. И приходилось приписывать ее одному из персонажей"<sup>26</sup>. Но самом деле, слова, сказанные французским исследователем, описывают сам процесс чтения эпопеи. По завершении прочтения «Красного Колеса», дополнив это чтением публицистических высказываний писателя, вдумчивый, квалифицированный читатель все же выделяет в тексте собственно авторскую точку зрения. Но она требует длительного изучения и осмысления.

Мы привыкли воспринимать то, что было создано А.И. Солженицыным, как «литературу факта», «прозу документа». Об идее документальности как одном из элементов композиционной структуры говорит М.М. Голубков: «Принцип работы с документом определяет сам Солженицын. Это «газетные монтажи», когда автор то переводит газетную статью того времени в диалог персонажей, то вводит документы в текст произведения»<sup>27</sup>. Это связано со стремлением писателя к объективности в передаче изображаемых событий. Д.М. Штруман подчеркивает: «Для всего повествования характерна глубочайшая и точнейшая документальность, историческая цитатность. При этом цитаты (и событийно-хроникальные, и

---

<sup>25</sup> Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд / ИНИОН РАН. М., 1999. С. 59

<sup>26</sup> Нива Ж. Поэма о "разброде добродетелей" // Континент. М.; Париж, 1993. № 75. С. 289

<sup>27</sup> Голубков М.М. Александр Солженицын. — М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 39

портретные, и документальные) то разворачиваются в глубинах художественного текста и от его ткани совершенно неотделимы, то выходят на его поверхность в качестве открытых дословных имплантаций со ссылками.»<sup>28</sup>.

Обращение к документу не является единственным приемом художественной реконструкции истории. Писатель в редких случаях позволяет себе довольно резкие отступления от нее. В эпопею А.И. Солженицын не изменяет своему художественному принципу документального изложения событий, но значительно расширяет его рамки. Так, писатель позволяет себе введение недостающих, на его взгляд, персонажей (П.А. Столыпин, убитый за несколько лет до событий Августа Четырнадцатого) и фантасмагорических сцен (встреча Ленина и Парвуса). Это связано с пониманием автором своей задачи, которая заключается не столько в создании авторской версии революционных событий, но в художественно-документальной реконструкции подлинной истории, реконструкции, которая должна выявить во всем подлинном объеме механику действия глобальных исторических и метаисторических законов, объективных факторов и таинственных мистических сил.

На создание «калейдоскопа» из самых разнообразных точек зрения «работает» также привлечение обширнейшего документального материала. Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом<sup>29</sup>, указывали на то, что при передаче ключевых событий Солженицын использует более десяти разных печатных изданий. Кроме того, во всем «Красном Колесе» более ста наименований газет и журналов. Среди них не только московские и петроградские, но и русские провинциальные издания, а также грузинские, узбекские, украинские, из иностранных – европейские, азиатские, американские. Более того, газеты разделяются по политической

---

<sup>28</sup> Штруман Д.М. Остановимо ли Красное Колесо?: Размышления публициста над заключительными Узлами эпопеи А. Солженицына // Новый мир. 1993. – №2. С. 146.

<sup>29</sup> Алтынбаева Г. Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 20.

направленности на левые, правые, монархические, эсеровские, большевистские, кадетские, черносотенские и т.д., а по адресату на рабочие-крестьянские, правительственные, экономические, военные, епархиальные. Солженицын показал перебранку между газетами, их соперничество между собой, каждая из них в книге имеет свой облик. Все это тоже создает некий образ множества «неслиянных» голосов, или полифонию, как принято называть данную ситуацию начиная с работ М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском. Однако А.В. Урманов предлагает для характеристики нарративной организации «Красного Колеса» использовать более точный термин «стереофония»<sup>30</sup>, поскольку за термином «полифония» закрепилось представление о полном равноправии голосов автора и его героев. По мнению ученого, «стереофония» позволяет описать уникальную ситуацию нарративной структуры эпопеи, при которой с помощью совмещения различных голосов создается эффект объемного звучания.

Одной из самых ярких и настойчивых позиций в эпопее предстает точка зрения полковника Воротынцева – по личному признанию писателя, одного из персонажей, особенно близких к выражению «Alter ego» автора в «Красном Колесе». Полковник представляет взгляд на войну с точки зрения профессионального военного, блестящего стратега. Это подчеркивается в самом тексте эпопеи: «Переменно-несчастный ход войны покрывал своей ужасающей тенью мелкое служебное крушение полковника Воротынцева. Не утратив способности **стратегического** взгляда, он часто, сколько мог судить, не верил в высший смысл операций, в которые втягивалась их дивизия, корпус, армия, и с высоты полка было ясно, что лезть через Карпаты да без снарядов – крупная глупость»<sup>31</sup>.

Второй герой, который близок к трансляции авторской позиции в определенном аспекте – это Саня Лаженицын. В связи с этим персонажем и

---

<sup>30</sup> Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие / А.В.Урманов. – 3-е изд. – М: Флинта: Наука, 2009.

<sup>31</sup> О-16, кн. 1. С. 126.

порой даже «через него» А.И. Солженицыну удастся ввести концептуально важную линию полемики с Л.Н. Толстым и его философией истории.

Еще одна точка зрения, которая особенно важна и интересна в контексте «Красного Колеса», формируется взглядами В.И. Ленина и других социалистов-революционеров. По шокирующему признанию, записанному о. Александром Шмеманом, Ленин в «Красном Колесе», как и Воротынцев, может быть выразителем идей автора: "...у меня в "узлах" три прототипа (то есть в них я вкладываю себя, пишу о себе) – Воротынцев, Саня Лаженицын (был ещё Саша Ленартович, да безнадежно разошлись...) и... Ленин! У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно анти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела... Разве не символично: он из Цюриха – в Москву, я из Москвы – в Цюрих..."<sup>32</sup>

Такое утверждение представляется спорным многим исследователям, однако при подробном текстологическом анализе «Красного Колеса» можно обнаружить, что писатель наделяет образ известного революционера некоторыми своими внешними чертами и привычками, сохраняя при этом диаметрально противоположность позиции. Так или иначе, фигура Ленина была очень интересна А.И. Солженицыну, а его точка зрения на события Первой мировой войны является одним из ключевых объектов изображения в «Красном Колесе».

Помимо «личностных» точек зрения, А.И. Солженицына интересуют позиции различных социальных слоев или групп. В частности, в «Красном Колесе» представлен также народный взгляд на Первую мировую войну. Причем сделано это несколькими способами: через семью Арсения Благодарева и его односельчан, а также с помощью отображения народного взгляда в различных фольклорных текстах.

Кроме того, представляя столь широкий спектр взглядов на Первую мировую войну, писатель не мог не дать слово и главному действующему

---

<sup>32</sup> Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М. 2007. С. 102.

лицу с русской стороны на мировой арене – императору Николаю II. Особенно подробно показано восприятие царем первых событий, с которых развязывается война. Здесь очень органичным представляется вкрапление дневниковых записей и переписки Николая с Вильгельмом. Помимо восприятия самого императора, своим вниманием А.И. Солженицын не обходит и точку зрения императрицы, здесь же писатель касается и позиции Григория Распутина, поскольку он дан через позицию Александры Федоровны.

А.И. Солженицына сложно упрекнуть в отсутствии объективности при изображении исторических событий или действующих лиц. В «Красном Колесе» повествование в каждой главе нередко ведется от лица того персонажа, который является основным в этой части текста. Поэтому автор может стать на точку зрения того героя, идеи и действия которого в реальной жизни вряд ли могли быть ему близки. Несмотря на это, в его адрес все же раздавались упреки в излишней эмоциональности при изучении революции и субъективности в отборе материала. Зная, что «художественно-стилевая манера Солженицына отличается повышенной экспрессивностью», ученый-историк А. Шепель предпринял попытку исследования реконструкции Восточно-Прусской операции в «Красном Колесе». В ходе проделанной работы он сделал следующий вывод: «Высочайший художественный уровень солженицынской исторической прозы не просто совмещается у писателя с оригинальной и глубоко продуманной концептуальной оценкой изображаемой эпохи, ее идеологической атмосферы и ее фатальной роли в дальнейших судьбах России, но оказывается способом углубленного исторического анализа, приближенного по своим достоинствам и результатам к приемам научного анализа»<sup>33</sup>.

О четкой границе между историей и литературой говорил Л.Н. Толстой, творчество которого было знаковым для писателя: «Историк и

---

<sup>33</sup> Шепель А. Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 92.

художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом»<sup>34</sup>. Художественное «достраивание» важных исторических фигур произведения отражается на его эстетической ценности. На это указывает Н.М.Щедрина: «Для писателя в «Красном Колесе» важно, сохраняя достоверность документа, выявить его эстетическую сущность. Документ ассоциируется со многими явлениями жизни, понимается и как отдельное звено в цепи исторических событий, и как средство выражения авторской концепции»<sup>35</sup>. Вымышленные элементы (герои и ситуации) служат для создания более полной картины времени и отображения трагической судьбы народов и отдельных людей.

Очевидно, что образ Первой мировой войны в «Красном Колесе» складывается из необъятного множества различных точек зрения на эти трагические события и роль войны в целом в контексте российской истории. Задача же, которую мы ставим перед собой в нашей работе, – попытаться описать, проанализировать и систематизировать их, и, насколько это позволяет сам текст, сгруппировать вокруг какого-либо идеологического центра.

---

<sup>34</sup> Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Режим доступа: [http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol\\_7/0030\\_6.htm](http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_7/0030_6.htm)

<sup>35</sup> Щедрина Н. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 109.

## Глава 1. Война в восприятии профессиональных военных

### **§ 1. Образ Полковника Воротынцева и его значение для историософской концепции А.И. Солженицына**

Образ полковника Воротынцева – один из центральных в эпопее. Это вымышленный герой, включенный в систему персонажей «Красного Колеса», где главенствуют все же образы реальных исторических лиц. При этом Воротынцев играет в книге не меньшую роль, чем Николай II, В.И. Ленин, А.Парвус, адмирал Колчак и др. Эпопея “Красное Колесо” ориентирована на документальное изложение событий, как и большинство произведений А.И. Солженицына. Вероятно, поэтому в книге не так много вымышленных лиц, и если А.И. Солженицын включил Воротынцева в повествование и наделил его особыми “полномочиями”, можно предположить, что этот герой чрезвычайно важен для автора.

Особую роль полковник Воротынцев играет в оценке событий Первой мировой войны: он является участником военных событий, а значит, непосредственным их очевидцем. Полковнику удастся взглянуть на ситуацию как бы «с разных уровней»: он вхож в круг крупнейших полководцев, генералов и старших офицеров, но этого ему недостаточно. Он не может «отсиживаться» в Ставке и сам едет на передовую, чтобы собственными глазами увидеть, что там происходит. Помимо этого, его судьба складывается так, что вместе с солдатами ему приходится выходить из окружения после гибели Второй армии. В подобной экстремальной ситуации, когда речь идет о жизни и смерти, все чины невольно уравнивается, и сам полковник настаивает на этом. Благодаря всему вышеперечисленному он видит и анализирует разные стороны войны, не только как полководец над картой, но еще и изнутри, с позиции, близкой простому солдату. Именно из-за такого своего промежуточного положения Воротынцев видит то, что недоступно штабным офицерам. И именно из-за

этого происходит конфликт во время его доклада в Ставке, поэтому же закрывается для него путь карьерного возвышения.

Георгий Воротынцев – это персонаж «с историей», причем его история не ограничивается многотомной эпопеей. Как мы знаем, Солженицын планировал довести свое повествование в «Красном Колесе» до 1945 года, но последний Узел называется «Апрель Семнадцатого». Далее следует краткий конспект глав, где нет места неисторическим персонажам, и Воротынцев не становится исключением – его в конспекте уже нет. Следовательно, его жизненная линия в читательском восприятии должна оборваться в апреле 1917 года. Но мы знаем также, что Воротынцев появляется на страницах еще одного произведения, написанного раньше «Красного Колеса» - пьесе «Пленники», и его образ связывает эти тексты в единое целое. Помимо этого, в пьесе высказываются сходные мысли, хоть и о другой войне (Великой Отечественной):

Видишь сам, он говорит, вот ты войну прошёл, —  
За кого мы лили кровь? Когда от дурости излечимся?..  
Хоть и горько, а выходит: там, где хорошо, —  
Только там отечество<sup>36</sup>.

В той же пьесе есть важный эпизод - момент суда над Холуденевым, где в обвинительном приговоре над ним сказано, что тот вел подрывную деятельность и «выявил свое звериное антисоветское нутро следующей фразой: «немцы тоже люди». Эти слова прямо соотносятся с фразой Воротынцева, появляющейся в «Красном Колесе» и определяющей отношение к нации, воюющей на противоположной стороне: «...немцы – не нехристи». Исследователи жизни и творчества А.И. Солженицына не раз подчеркивали, что в ранних его произведениях (а пьеса «Пленники» как раз относится к раннему периоду его творчества) наметился весь спектр тем, мотивов и проблем, которые будут раскрыты в дальнейшем, более зрелом творчестве.

---

<sup>36</sup> Солженицын А.И. Пьесы. – М., 1990. С. 132.

Вероятно, полковник Воротынцев, в представлении писателя, это некий собирательный образ «идеального офицера». Офицера, понимающего свою роль в истории, желающего своей стране блага: «Одна глубокая тяга сосала Воротынцева от самой молодости: иметь благое воздействие на историю своего отечества. Тянуть его или толкать его, непричёсанное, куда ему лучше. Но силы такой, но влиянья такого не отпускалось в России отдельному человеку, не осенённому близостью короны. И за какое место он ни хватался и как из сил ни выбивался – всегда втуне»<sup>37</sup>.

А рядом с таким офицером в тексте появляется и условно «идеальный солдат» - Арсений Благодарев. Эта пара позволяет вспомнить подобный прием в литературе предшествующего периода – в эпосе «Война и мир» нравственные искания Пьера Безухова увенчиваются общением с Платоном Каратаевым. В художественном мире романа Платон Каратаев дан сквозь призму восприятия Пьера, поскольку больше никто из героев с ним не встречается. И в этом уже есть некоторое отличие от положения крестьянина в «Красном Колесе»: Арсений Благодарев дан в восприятии Воротынцевым только в самом начале, когда они знакомятся с полковником, а потом вместе выходят из окружения. Далее в тексте эпосеи мы можем наблюдать его самостоятельную жизнь – когда он возвращается в родную деревню, разговаривает с ее старейшинами или «воспитывает» жену Катену. У Арсения есть своя позиция, которая связана с народными представлениями о войне, и она будет рассмотрена в отдельной главе. Но так или иначе, точка зрения полковника Воротынцева на войну складывается отчасти под влиянием Арсения Благодарёва, хотя сам он этого не замечает. Полковник наблюдает за ним как за одним из самых ярких представителей крестьянства на войне и делает выводы об общем настроении солдат.

День, когда полковник знакомится с Арсением, сидя в одном окопе, является знаковым во всей военной карьере Воротынцева и в истории нашей страны: «От короткой ночи, орудийного подъёма, зябкого бойкого утра – так

---

<sup>37</sup> А-14, кн. 1. С. 230.

и не пришёл Воротынцев в рассудительное соображение: в чём же сегодня долг его? не в том же, чтобы бессмысленно сидеть в этом окопе. А тем не менее он был налит бодростью: как будто вот, наконец, при деле, кончилось его пустое слонянье-мотанье, сейчас нисколько он не жалел о своей поездке, тем более – о кинутый Ставке, где в девять утра только проснутся. Сегодня, 14 августа 14-го года, начиналась для полковника Воротынцева вторая в жизни война – неизвестной длительности, неизвестного результата для русского оружия и для него самого. Но для того он и учился и служил, чтоб не пусто эту войну провоевать»<sup>38</sup>.

Показательно, что в некоторых аспектах (например, в осознании бессмысленности войны и пагубности ее для русского народа) народная точка зрения, которая будет рассмотрена ниже, очень близка позиции полковника. Это кажется странным, ведь народные представления о войне, скорее, интуитивные, а Воротынцев анализирует те явления, с которыми встречается на фронте, со стратегических позиций. Но точка зрения полковника порой совпадает с народным взглядом больше, чем с позицией равных ему и вышестоящих офицеров. Неслучайно и имя, выбранное писателем для своего вымышленного героя: Георгий с греческого переводится как «земледелец», что в эпосе объясняется его близостью к солдатам-крестьянам. Оказавшись в одних окопах с простыми солдатами, с Арсением Благодаревым, который, будучи выходцем из крестьянской среды, воспринимает пулеметную очередь «как на току», ассоциируя ее с сельской жизнью, Воротынцев уже не может вернуться к тому возвышенно-обезличенному взгляду, который есть у его коллег. После этого Воротынцев уже стоит намного ближе к точке зрения солдата, чем к позиции равных ему по офицерскому званию – «не мог Воротынцев не взглянуть на эту войну из-под солдатской покорной, обречённой шкуры»<sup>39</sup>. Да и писатель подчеркивает не раз, что Воротынцев умел воевать, только не отделяя себя от

---

<sup>38</sup> А-14, кн. 1. С. 235.

<sup>39</sup> О-16, кн. 1. С. 126.

солдат. Он намеренно не сближался с большинством офицеров, не принимал их отдельного благоустроенного быта, игры в бильярд в то же самое время, как гибнут их собственные солдаты. Но полковник не может до конца поверить в то, что он – кадровый офицер – посмел усомниться в ходе войны. Ведь он всю свою жизнь и служебную деятельность связал именно с ней, а значит, не должен признавать никакой высшей деятельности, чем война. И русско-японская, в которой он тоже участвовал, не привела Воротынцева к возможности усомниться в самой сути войны. Можно было сомневаться в отдельных генералах, видеть катастрофические ошибки, критиковать отдельные действия – но невозможно было представить, чтобы офицер засомневался в нужности войны как таковой, в ее осмысленности. В период войны с Японией Георгий Воротынцев осознавал историческую цель этого действия, понимал, что столкнулись две «исторические мощи», которые теперь меряются границами, что мы «прорубаем окно в Тихий океан». Вступая в эту войну, он не позволял себе анализировать ее цели и задачи, а исполнял свой офицерский долг. Но что-то изменилось «под звездами» в Восточной Пруссии, и этот момент стал для восприятия Воротынцева переломным – теперь он не мог просто бездумно исполнять чужие приказы, не размышляя над ними. После трагедии Второй армии генерала Самсонова, после его самоубийства (принесения в жертву «агнца семипудового»), после всего того, что увидел полковник, он не мог вернуться ни к восторженному восприятию первых дней войны, ни к последующему – равно-равнодушному:

«Но проволакивались месяцы и месяцы этих двух лет, уничтожение, уничтожение, уничтожение русских солдат в его полку, на их участке и на соседних – и всё больше прорезало Воротынцева болезненное прояснение, что вся нынешняя война – **не та** . Как говорят в народе – не задалась. По ошибке начата, не с той ноги. И ведётся губительно. Не грозил России военный разгром, но не видно и выигрыша.

Во всех этих прокровавленных бинтах, как на себе стянутых, ощутил Воротынцев так: нельзя нам этой войны вести!»<sup>40</sup>

А.И. Солженицын находит для полковника Воротынцева очень интересную и емкую формулу: «Так Воротынцев, посвятив себя войне, перестал в ней помещаться». Это значит, что истинный офицер должен служить не просто войне ради войны, а России. И если она наносит стране и ее народу только вред, то войну нужно немедленно прекратить. Полковник открывает для себя осознание, что вести нужно только неотвратимые войны (иными словами, оборонительные): «в этой войне, из-под досужих перьев то Великой, то Отечественной, то Европейской, – не чувствовалось неотвратимости»<sup>41</sup>.

И, опять же, именно близость к солдатам, к народному взгляду позволяет полковнику обнаружить истинную сущность этой войны. Это позволяет ему увидеть, что народ был к ней совершенно не подготовлен, да и сейчас не понимает ее целей. Солдаты вокруг себя видят только череду бессмысленных смертей, сплошные поражения, при этом не испытывают ненависти к немцам и австрийцам. Такое отношение к врагу губит военный дух армии: уже нередко на полях сражения встречаются случаи «братания», когда солдаты по обе стороны окопов бросают оружие и начинают обниматься. Для простых солдат враг оказался ближе и роднее, чем собственная власть, отдающая приказ воевать. Это говорит о том, что солдат не только не понял целей этой войны, он ее, по меткому выражению писателя, «не разделил сердцем». И главный вымышленный герой эпопеи – чуть ли не единственный человек, кто понимает, что нельзя толкать народ в войну, которую тот не принимает и не разделяет. И что офицеры в таком случае не имеют никакого морального права бессмысленно губить солдат. По Воротынцеву (или, точнее, по Солженицыну), главная задача офицера – беречь солдат. Это связано с тем бесспорным доверием, которое оказывают

---

<sup>40</sup> О-16, кн. 1. С. 127.

<sup>41</sup> Там же.

солдаты своим командирам в надежде, что те их спасут от беды и смерти. Да и численное превосходство над противником напрямую зависит от количества спасенных жизней. Поэтому, как считает полковник, офицеры не имели никакого права толкать их на гибель – история никогда этого не простит: «Справедливое сознание вины, которым мучилась русская интеллигенция полное столетие, – вот оно сейчас и внятно: перед своим народом мы не имеем права на эту войну. И что мы сами в той же опасности – не снимает вины»<sup>42</sup>.

Здесь закономерно встает вопрос: стоит ли ради блага общества жертвовать отдельной человеческой жизнью? Да и еще ради весьма сомнительного, гипотетического блага, как видно из текста (и как мы знаем из истории своей страны). Известна знаменитая концепция Ф.М.Достоевского о «слезинке ребенка» в романе «Братья Карамазовы». Суть ее сводится к следующему: никакая высшая гармония не может быть оправдана и стоять слезинки невинного ребенка. А.И. Солженицын устами полковника Воротынцева высказывает сходную мысль, только в менее радикальной форме и адаптированной для конкретно-исторической ситуации: победа в Первой мировой войне не стоит гибели солдат. В союзники себе он приводит Александра III: «не Воротынцев первый до этого додумался, но ещё Александр III сказал Бисмарку: за все Балканы не дам ни одного русского солдата»<sup>43</sup>.

Тут писатель подходит к очень важной для концепции «Красного Колеса» мысли. Он говорит о том, что народ не простит таких жертв, он затаит глубокую обиду, как уже было в истории с крепостным рабством, а потом оплатит той же монетой (то есть, революцией, как мы знаем по развитию дальнейшего хода истории). По мнению полковника, Первая мировая война отличается от всех предшествующих войн: «Эта война перешла пределы, перешла размеры войны во всех прежних пониманиях. Это

---

<sup>42</sup> О-16, кн. 1. С. 128.

<sup>43</sup> Там же. С. 129.

стало народное повальное бедствие – но не от природы, а от нас, от направителей»<sup>44</sup>.

Образ полковника Воротынцева становится своеобразной «скрепой» повествования: с его помощью А.И. Солженицын вводит недостающих персонажей, которые не укладываются в хронологические рамки выбранных Узлов. Это касается, в первую очередь, образа министра П.А. Столыпина. Он оказывается органично вкраплен в текст отчасти благодаря постоянному «припоминанию» его деятельности полковником Воротынцевым. Появление П.А. Столыпина в «Красном Колесе» неслучайно: это один из излюбленных исторических деятелей России для автора. Но, как мы знаем, министр был убит задолго до начала действия «Августа Четырнадцатого», поэтому он выведен в специальной моногеройной ретроспективной главе.

Уже отмечалось, что любимые герои Солженицына отличаются специфическим свойством — своего рода историческим чутьем, позволяющим внезапно почувствовать, как следует вести себя в критической ситуации. Это чутье выражается неожиданно нахлынувшим воодушевлением, потребностью говорить с людьми, убеждать их, влиять на них. Таким персонажем предстает П.А. Столыпин в «Красном Колесе» — это воплощение того типа исторического деятеля, чья частная судьба органически слита с судьбой нации. Е.Орловская-Бальзамо считает, что «Столыпин обладает теми важнейшими качествами, которые в совокупности образуют лидера, способного организовать нормальную жизнь нации (и, следовательно, ее историю). У него — обостренная ответственность перед своей страной («Ответственность — величайшее счастье моей жизни»), он энергичен, любит действовать решительно и весь отдается своим действиям. Эти качества по отдельности есть, как мы помним, и у Николая II, и у Ленина — но Николаю, при его чувстве ответственности, недостает решимости преодолеть свои частные, семейные чувства, а у Ленина, при его неумной

---

<sup>44</sup> О-16, кн. 1. С. 129.

энергии, нет ни ощущения реальности, ни ответственности. И самое главное, оба они глухи к Истории»<sup>45</sup>.

Для А.И. Солженицына было важно подчеркнуть, что если был бы жив П.А. Столыпин (или если бы царь внял его идеям еще при жизни министра), то никакой войны не было. Полковник Воротынцев подслушивает разговор солдат о том, что «начальство пора менять», и в этот момент его обжигает мыслью: «**Им** – послана была военная реформа после японской, они её отбросили. Им послан был Столыпин, человек великого напряжения и дела, – они его отвергли, свергли, дали убить. (А если бы сегодня всё было в твёрдых столыпинских руках – то и не было бы этой войны или не так бы она велась)». Позволим себе предположить, что это одна из излюбленных идей А.И. Солженицына, так как полковник многократно вспоминает министра в тяжелые минуты своей страны.

П.А. Столыпин считал, что нужно особое внимание уделять политике внутренней, поскольку во внешней он не видел никаких особых проблем. И поэтому все силы России необходимо было бросить на установление грамотной внутренней политики. Он был уверен, что внешняя политика, в принципе, выстраивается намного легче, да, и к тому же, на данный исторический момент она находится не в таком запущенном состоянии: стране в большей степени угрожают внутренние враги, чем внешние. Единственное, чего, по мнению министра, нужно было опасаться во внешней политике, так это войны, но и ее избежать было совсем не трудно: «Он был уверен, что правитель с самым посредственным разумом может остановить внешнюю войну во всякое время»<sup>46</sup>.

А.И. Солженицын в связи с министром обращает внимание на важный исторический эпизод: воспользовавшись нашей слабостью после войны с Японией, Австро-Венгрия в 1908 году захватила Боснию и Герцеговину, объявив, что это сделано с согласия России. Одновременно с этим Германия

---

<sup>45</sup> Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн. Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1996/7/orlov1.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/7/orlov1.html)

<sup>46</sup> А-14. Кн. 2. С. 197.

требовала согласия на оккупацию и отказа от всей славяно-балканской политики. Это вызвало кипение и возмущение в русском обществе, но единственным способом, которым мы могли ответить на это, была только война. Но, по мнению Столыпина, войны-то как раз и необходимо было избегать, так как это самое опасное, что могло бы случиться с Россией: «А войной-то – хуже всего нельзя, Столыпин вник в военное министерство (оно, как и все, работало отдельно) и ещё более убедился, в чём был убеждён из соображений общих: воевать нам – никак нельзя, мы ещё долго будем не готовы, для нас сейчас война – поражение, но ещё раньше – революция. Вывод сам по себе был горек, но очень смягчён для того, кто и не намерялся воевать ни в коем случае, да и не горел панславянской миссией никогда. Временный ущерб самолюбия был ничто перед громадностью внутренней строительной программы. Столыпин не мог вскрыть аргументы публично, он только разубедил Государя, уже решившегося на мобилизацию против Австрии: это потянет и войну с Германией и угрозу династии»<sup>47</sup>.

Как подробно показывает А.И. Солженицын в эпосе «Красное Колесо», министр уже единожды предотвратил европейскую войну, готовую было развязаться. И писатель ненавязчиво подводит своего читателя к мысли о том, что если был бы жив этот великий реформатор, то он бы и эту войну смог предотвратить. Сумев с такой легкостью и быстротой уладить внешний конфликт, П.А. Столыпин в ещё большей мере убедился в том, что вести внешнюю политику намного проще, чем внутреннюю. Когда был назначен новый министр иностранных дел – Д.С.Сазонов – П.А. Столыпин строго наказал ему ни в коем случае не вступать в будущие международные конфликты. Это было обязательным условием развития нашей страны: «России война совершенно не нужна, и во всяком случае нужно 10-20 лет внешнего и внутреннего покоя, а после реформ – не узнать будет нынешней России, и никакие внешние враги нам уже не будут страшны»<sup>48</sup>.

---

<sup>47</sup> А-14, кн. 2. С. 197.

<sup>48</sup> Там же. С. 198.

Министр был убежден в том, что ничто не может заставить воевать мощную державу, если она этого не хочет: «Он не предвидел обстановки, которая позывней истребовала бы Россию к войне, чем аннексия двух славянских областей, – а вот не пошли, и обошлось, и не заметно, чтоб ущербнулся свет самодовлеющего светила. И не было у него раскаяния ни перед честью российского государства, ни перед английским неверным союзником, когда в октябре 1910 в Потсдаме на встрече с Вильгельмом они с Государем обязались не участвовать ни в каких английских интригах против Германии, за что и Германия обязывалась не поддерживать австро-венгерской агрессии на Балканах. При разумной русской внешней политике просто вообразить было нельзя, с кем бы и зачем России предстояло воевать»<sup>49</sup>.

А.И. Солженицын не зря так подробно останавливается не только на деятельности министра при жизни, но и на его смерти, показывая убийства с четырех различных точек зрения (с позиции самого П.А. Столыпина, его убийцы Богрова, из ложи царя и с точки зрения начальника Главного тюремного управления П.Г. Курлова). На протяжении всей эпопеи А.И. Солженицын многократно подчеркивает, что одной из косвенных причин развязывания Первой мировой войны было убийство премьер-министра, который сделал бы все возможное, чтобы война не началась. И отчасти для этих целей, для подтверждения своей теории писатель вводит столыпинские главы, которые хронологически не соответствуют узловой концепции «Красного Колеса». По А.И. Солженицыну, П.А. Столыпин – это фигура, без которой разговор о Первой мировой войне был бы неполным, поэтому мы будем возвращаться к нему еще неоднократно.

В тексте эпопеи «Красное Колесо», а особенно в точке зрения полковника Воротынцева, в его взгляде на Первую мировую войну можно обнаружить некоторые параллели со статьей А.Блока «Интеллигенция и Революция». Поэт также обращается к образу Столыпина, и хотя взгляд

---

<sup>49</sup> А-14, Кн. 2. С. 198.

А.Блока на министра представляется неоднозначным, он все же называет его «последним русским дворянином», что в его устах звучит как похвала. По сути, А.Блок также признает убийство премьер-министра знаковым для начала революции: по его мнению, другие министры (Витте и Дурново) набросили на революцию веревку, скрутили ее, но только Столыпину было под силу эту веревку удержать в своих руках. А как только министр был убит, эта веревка сразу ослабла (показательно, что одна из пуль убийцы была именно в правую руку, которой условно он «держал веревку»). Отношение же А.Блока к войне, выраженное в данной статье, представляется очевидно-негативным. Он утверждает, что война – это бесконечные болота, в которых сидят и погибают люди, что так называемая «великая европейская война» страшно убога, что «Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется "фронт"»<sup>50</sup>.

А.Блок обращает внимание на ничтожность человека перед лицом земли, что довольно небольшой опушки леса, чтобы уложить сотни трупов, а в яму уместятся тысячи. И скоро это все зарастет травой или заметет снегом, и даже памяти не останется. Таким образом он оспаривает «заметность» Первой мировой войны (интересно, что и полковнику Воротынцеву бессмысленность этой войны также открывается на опушке, перед величием леса и мира, под звездным небом):

«Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то *безделье*, та *скука*, та *пошлятина*; имя обоим - "великая война", "отечественная война", "война за освобождение угнетенных народностей", или как еще? Нет, под этим знаком - никого не освободишь»<sup>51</sup>. Этот фрагмент из знаменитой статьи поэта-символиста вполне мог бы войти в текст «Красного Колеса».

В связи с полковником нам приоткрывается и еще две женских точки зрения на войну - его жены Алины и Ольды Андозерской. Конечно, позиция

---

<sup>50</sup> Блок А. Интеллигенция и революция // Блок А. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. С. 397.

<sup>51</sup> Там же.

Алины не несет никакой идеологической окраски (для этого у нее просто недостаточно знаний и интереса к этой сфере жизни), а являет собой сугубо женский взгляд:

«Во время войны – жребии всех ли жён равны? Для всех: останется ли жив? Но для кадровых военных не менее важно – его место в армии: ведь военная служба вся направлена к продвижению, в этом смысл её, так она задумана.

<...>

Постепенно открывалось, что его охватила своего рода психическая болезнь: со своим низвергнутым уровнем он не только смирился и сам уже считал, что не заслуживает высшего, не только не повторялись в нём прежние взлёты, не роились замыслы, а как будто стали отмирать и другие человеческие чувства, одно за другим, даже простое желание поехать на месяц в законный отпуск и отдохнуть»<sup>52</sup>.

Тут выявляется все тщеславие алининой любви к Жоржу, она не разделяет его интересов, не понимает, почему ему закрыт путь продвижения по службе. Ее взгляды на войну не дают ничего принципиально важного для понимания этих исторических событий, но зато позволяют полнее раскрыться персонажу. Благодаря точке зрения Алины мы можем посмотреть на центрального героя «Красного Колеса» ее глазами, дать его в восприятии жены. Женщина винит войну в том, что между ними повисло отчуждение: «Не сама разлука отдалила их, но то как Жорж воспринял войну: он дал нагрузить себе душу как обломками железа, железа, и вместе с ними тонул. Всю свою жизнь предназначив для войны, он её-то и не перенёс. Японскую – прекрасно перенёс, а эту – нет. Он не оказался таким сильным, как обещал, – погас. Она с ужасом смотрела, как он заживо погибал, – и бессильна была помочь: он и сам видел, как упал, – и сам не хотел подняться, и ещё её же утапливал в своей безнадёжности. Чтобы вместе тонуть?! Нет! Она должна была спасти его, отвлечь, развлечь, освежить, обдать московскими струями.

---

<sup>52</sup> О-16, кн. 1. С. 96.

Но легко бы это сделать было дома, в Москве, и в полный месяц, он бы очнулся, – так ведь вот не захотел приехать»<sup>53</sup>.

А вот Ольга Андозерская обладает мужским умом, и с ней Воротынцев многократно сталкивается в споре как с равным противником. Главное отличие в их позициях и причины спора в том, что Ольга по своим взглядам абсолютная монархистка, а Воротынцев не готов все простить Николаю Второму и слепо верить в него: хотя бы из-за Столыпина и допущенной войны. В одном из интервью Н.Д.Солженицына подчеркивает, что А.И. Солженицын, конечно, тоже не был монархистом и не призывал современное общество к возвращению к монархии. По его мнению, монархия возможна только тогда, когда подавляющее большинство в этом обществе уверено в том, что ими правит помазанник божий. А к этому состоянию мы сейчас уже не сможем вернуться, оно безвозвратно утеряно.

По мнению Я. Лурье, высказанному в работе «После Льва Толстого»<sup>54</sup> писатель наделяет Ольду Орестовну Андозерскую идеями И.А. Ильина. Среди одного из прототипов этой героини ученый видит известную медиевистку либерально-кадетского направления, профессора Бесстужевских курсов Ольгу Антоновну Добиащ-Рождественскую. По сути, в диалогах полковника с Ольдой речь почти всегда идет лишь об одном аспекте – отношении к монархии в целом и к нынешнему царю в частности. В одной из бесед, произошедших уже после сближения, Ольга упрекает Воротынцева, что он не монархист. Полковник же отвечает, что он не против монархии, он против «этого царя» (как пренебрежительно он каждый раз отзывается о Николае II). Такой перелом в отношении к русской монархии и к царю произошел в нем как раз после убийства Столыпина. Воротынцев разочаровался в монархе, когда узнал, что Николай II даже не наклонился к раненому и не мог найти времени, чтобы навестить умирающего министра в больнице. Правда, то, откуда конкретно узнал о подробностях последних

---

<sup>53</sup> О-16, кн. 1. С. 97.

<sup>54</sup> Лурье Я.С. После Льва Толстого. – СПб., 1993.

дней министра полковник Воротынцев, остается «за кадром» сюжетной части эпопеи. Но знать или хотя бы слышать об этом, он, вероятно, мог (к тому же, порой автор все же вкладывает в излюбленного героя свое собственное знание). Полковник считает, что предательство своего лучшего министра, самого верного из всех, царю простить нельзя. И как ни пытается его успокоить Ольда, доказать, что нельзя судить по единичному проступку, нельзя не прощать одной ошибки, - Воротынцев непреклонен. Есть у него и другие упреки царю – за пышные празднества трехсотлетия династии во время мировой войны, этот «пир во время чумы». Полковник считает, что у Николая не было искреннего «порыва всенародной откровенности», что он не справляется с управлением огромной страной, что неправильно ведет войну (а еще лучше было бы в нее не вступать совсем – любимая мысль Воротынцева). Ольда беспокоится, не разделяет ли Воротынцев мнения кадетов о том, что правительство намеренно ведет войну в проигрыш. Но волнуется она зря: эту точку зрения полковник не поддерживает. Он уверен, что мы даже постепенно выигрываем с военной точки зрения. Но считает, что цена за это слишком высока, и совершенно неясно, за что мы ее платим, ради каких высоких целей. А Ольда считает, что прекратить войну сейчас – это преступление против всех павших, обесмысливание предыдущих жертв. На это Георгий отвечает ей, что «думать надо о тех, кто еще на ногах»: «Что-то должно смениться, что заклинивает всю Россию на погибель. Что-то бы сменилось – и пошла бы Россия на поправку»<sup>55</sup>.

При изображении отношений Георгия и Ольды для писателя не было самоцелью показать их идеологические споры. Но важное отличие Андозерской от жены Воротынцева, Алины, в том, что она обладает сильным мужским умом и собственной, отличной от других, независимой точкой зрения. Именно это, помимо внешних данных, притягивает к ней полковника. А благодаря столкновению с точкой зрения любимой им женщины, взгляды Воротынцева раскрываются еще полнее и ярче.

---

<sup>55</sup> О-16, кн. 1. С. 366.

Мы уже не раз отмечали, что для осмысления точки зрения полковника важно помнить, что Воротынцев – это, в первую очередь, крупный стратег. Эта мысль многократно подчеркивается в тексте как им самим, так и другими героями. Вот лишь один из примеров, выявляющийся в разговоре со Свечиным:

«Полковых командиров мы ещё наберём. Но ты – стратег, где твоё место?

Уговаривать ли его, что он стратег? С какой клички он и начинал юнкерскую жизнь! Только несколько академистов и знают по-настоящему, что может Воротынцев. Никому проронить нельзя, но даже пост командующего армией он не считал бы для себя чрезмерным. Ставка, Ставка! – и ему нужна, и он ей»<sup>56</sup>.

В «Красном колесе» полковник Воротынцев чуть ли не единственный, кто по-настоящему ощущает бессмысленность и пагубность войны в самом ее начале. Но он не только формирует свою точку зрения, он пытается донести ее до других близких ему по духу офицеров, хочет повлиять на ход истории. Вот как говорит о нем в сопроводительной статье А.Немзер: «Воротынцев выходит из августовского ада с ясным сознанием: если мы будем так воевать, Россия погибнет»<sup>57</sup>. Однако к идее о пагубности войны Воротынцев тоже приходит не сразу. Знаменательно, что эта мысль осеняет его на поляне Грюнфлиссского леса под звездами. В эволюции взглядов полковника Воротынцева на войну чрезвычайно значимой представляется ситуация, когда он с несколькими солдатами и офицерами оказывается в окружении, в лесу, и пытается из этого окружения выйти. Этот момент может служить буквальной иллюстрацией фразе «под звездами все равны», поскольку Воротынцев, самый высокий по чину среди тех, кто попал в окружение, несет обязанности на равных с ними, и других офицеров заставляет вести себя так же. В частности, они все по очереди заступают на

---

<sup>56</sup> О-16, кн. 2. С. 29.

<sup>57</sup> Там же. С. 97.

ночной караул, пока другие спят. И именно в этот момент полковник обретает некое прозрение о судьбе России. Вот как он рассказывает об этом полковнику Свечину: «Я там ночью ходил на полянке часовым, под звёздами, моя команда спала. И вдруг стал – как не понимать: а почему мы здесь? Не на полянке этой, не в окружении здесь, а... вообще на этой войне?...»<sup>58</sup> Воротынцев высказывает свою потаенную, сакральную мысль о том, что все мы в этой войне – заблудились, попали не туда, куда нужно. А значит, дальнейшее ее продолжение бессмысленно. Он еще не до конца это формулирует, но становится ясно, что из войны нужно выходить: «мы всю жизнь учимся как будто только воевать, а на самом деле не просто же воевать, а как верней послужить России? Приходит война – мы принимаем её как жребий, только б знания применить, кидаемся. Но выгода России может не совпадать с честью нашего мундира. Ну подумай, ведь последняя неизбежная и всем понятная война была – Крымская. А с тех пор...»<sup>59</sup>

Символично, что прозрение о жребии России настигает полковника именно «под звездами». Помимо аллюзий на толстовские идеи, на знаменитое «небо Аустерлица», где истинный смысл всего происходящего открывается князю Андрею, это отсылает нас также к мысли Иммануила Канта, высказанной в «Критике практического разума»: о двух вещах, которые наполняют его душу благоговением и служат доказательством некой высшей божественной силы – это «звездное небо надо мной и моральный закон во мне». В этой ситуации полковник Воротынцев, предположительно, осознает и обретает и то, и другое.

Таким образом, полковник представляет абсолютно не типичную для военного человека позицию. Ведь Георгий Воротынцев в эпосе, по сути, произносит то, чего нельзя ожидать услышать от офицера, который должен лишь исполнять военные приказы, а не размышлять о них и не анализировать их пользу и вред. Но в поисках причин происходящего он идет дальше

---

<sup>58</sup> А-14. Кн. 2. С. 465.

<sup>59</sup> Там же. С. 465

многих других персонажей эпопеи и поднимается до уровня философского обобщения судьбы России, напрямую зависящей от этой войны.

## **§ 2. Мистико-философское осмысление войны (генерал Самсонов и Ирина Томчак)**

Один из важнейших уровней восприятия событий Первой мировой войны, – уровень стратегический: «не утерав способности стратегического взгляда, он часто, сколько мог судить, не верил в высший смысл операций...»<sup>60</sup> Но, очевидно, этот стратегический уровень может отчасти находиться в противоречии с мистическим или онтологическим смыслом событий. Для А.И. Солженицына, который сам был звуковым артиллеристом и участвовал в военных действиях в период Великой Отечественной войны, пройдя по тем местам, где погибла самсоновская армия, безусловно, стратегический уровень является принципиально важным. Но не единственным и, пожалуй, не самым главным. В иерархии художественного мира эпопеи обнаруживается еще более высокий уровень осмысления событий Первой мировой войны – онтологический, уровень некоего мистического прозрения, просветления. До этого уровня в абсолютном смысле поднимается только один персонаж «Красного Колеса», да и то незадолго до смерти: речь идет о генерале Самсонове. Именно он предчувствует трагедию армии накануне ее совершения, именно ему снятся мистические провидческие сны накануне Успения Божьей Матери, где голос говорит ему: «Ты успишь», что означает не «ты уснешь», как думает он поначалу, а «ты умрешь». А.И. Солженицын нередко в своих текстах выстраивает некую «онтологическую вертикаль», и она становится определяющей для многих его произведений. Кроме того, в концепции писателя жизнь (и история) изначально, но скрыто мистична – мистика лежит в основе любого феномена. Это связано с тем, что Солженицын прежде всего религиозный писатель и глубоко верующий человек, поэтому

---

<sup>60</sup> О-16, кн. 1. С. 97.

направляющее и организующее начало божественных сил для него чрезвычайно важно.

Многokrатно отмечалось в исследованиях, что Самсоновская катастрофа, трагедия самсоновской армии стала для автора отправной точкой, когда поражение в войне стало уже неизбежным. И снова – не зря именно Воротынцеву дано присутствовать при прощании генерала со своей армией. Этот мистический уровень, до которого уже поднялся генерал Самсонов, когда знак смерти лежит на его челе, ненадолго приоткрывается и полковнику Воротынцеву: он видит, что Самсонов – это «семипудовый агнец», которого бессмысленно принесли в жертву войне: «Только сейчас Воротынцев разглядел (как он в первый раз не заметил? это не могло быть выражением минуты!), разглядел отродную обречённость во всём лице Самсонова: это был агнец семипудовый! Поглядывая чуть выше, чуть выше себя, он так и ждал себе сверху большой дубины в свой выкаченный подставленный лоб. Всю жизнь, может быть, ждал, ждал, сам не зная, а в сии минуты уже был вполне представлен»<sup>61</sup>.

И полковника начинает мучить смутная догадка, которую он даже не решается додумать до конца, не то что произнести: «А за четверо с половиной суток совершилась вся катастрофа Второй армии. Вообще – русской Армии.

Если (на торжественно-отпускающее лицо Самсонова глядя), если не (на это прощание допетровское, домосковское), если... не вообще...»<sup>62</sup>

Полковник не решается закончить свою мысль, зато А.И. Солженицын в эпосе дает довольно однозначный ответ: с Самсоновской катастрофы началось то самое «сползание» России в революцию, а значит – гибель ее. Таким образом, мы можем обнаружить, что несмотря на то, что в большинстве случаев Воротынцев чаще всего оценивает события в войне со стратегической точки зрения, автор наделяет своего героя особой чуткостью

---

<sup>61</sup> А-14, кн. 1 . С. 389.

<sup>62</sup> Там же . С. 390.

и мистическим прозрением: он хоть и ненадолго, но поднимается на самый высокий уровень осмысления трагедии войны – онтологический, который открывается генералу Самсонову перед смертью.

Есть еще один персонаж «Красного Колеса», который интуитивно приближается к мистическому уровню осмысления событий. Это Ирина Томчак – героиня, отличающаяся особым взглядом на совершающиеся события. В отличие от своего мужа Романа, она осмысляет войну как явление национальное и очень важное для истории России. В спорах с племянницей Ксеньей выявляются глубинные представления о мистических предвестниках войны, в основе которых лежат народные поверья:

– Я только хотела сказать, – как можно уступчивее вывела Ирина, – что мы очень легко смеёмся, нам всё смешно. Висит в небе комета с двумя хвостами – смешно. В пятницу было затмение солнечное – смешно.

А уж Ксенья вовсе не спорить хотела, сердитость её как нанеслась, так и унеслась. Она жмурилась на листовенно-солнечный потолок:

– Ну, правда же... Есть астрономия...

– Да астрономия пусть как угодно, – стояла Оря спокойно на своём. – А вот шёл князь Игорь в поход – солнечное затмение. В Куликовскую битву – солнечное затмение. В разгар Северной войны – солнечное затмение. Как военное испытание России – так солнечное затмение.

Она – загадочное любила в жизни<sup>63</sup>.

Упоминание кометы отсылает нас к знаменитому эпизоду из романа «Война и мир», где в 5 части второго тома Пьер Безухов после разговора с Наташей тоже видит комету Галлея и осмысляет ее как некий мистический знак. С той лишь разницей, что Пьер видит в этом не знак конца света, а предвестье любви с Наташей; Ирине же видится в комете ее более традиционная в народном толковании роль: предзнаменование страшных событий.

---

<sup>63</sup> А-14, кн.1. С. 43.

Мистическое осмысление войны – не единственный ракурс, в котором предстает Ирина Томчак в «Красном Колесе», подробнее к ее образу и отношению к войне мы еще раз обратимся во втором параграфе третьей главы.

### **§3. Война и геополитика: полковник Воротынцев и генерал Свечин**

Как мы уже ранее отмечали, полковник Воротынцев в эпопее представляет не только свою точку зрения (нередко сближающуюся с позицией самого А.И. Солженицына), хотя и этого уже было бы немало. Он служит более полному раскрытию взглядов многих действующих лиц, которые с ним оказываются так или иначе связаны. В спорах с полковником оказываются представлены позиции различных офицеров, с которыми его сводит действие: это, в первую очередь, А.А.Свечин, офицер русской армии, перешедший в дальнейшем на сторону большевиков (но уже за хронологическими рамками «Красного Колеса»). Герой предстает перед нами в чине полковника и в 1916 году получает статус генерала-майора. С этим персонажем Воротынцев возвращается к разговору о войне постоянно, причем А.А.Свечин – один из немногих офицеров, с которыми Воротынцев спорит на равных, признавая и его позицию значимой.

Так, одной из важнейших тем, поднимаемых в спорах со Свечиным, является отношения России к союзникам в Первой мировой войне. Суждения об этом многократно встречаются в речи героя: отношение полковника к союзным странам можно охарактеризовать как резко негативное. Воротынцев считает, что Россия не обязана губить себя и проливать кровь своих солдат, чтобы спасти чужих, которые, к тому же, не всегда приходят на помощь ей самой:

«Да что союзники сделали за весь Пятнадцатый год? А английская пехота – много ли дралась? С начала войны продвинулась на несколько сот метров. Очень уж себя берегут.

Или: кавказскую армию зачем гоним в ненужное безнадежное наступление по турецким горам? Что может быть бессмысленнее нашего наступления в Турции? Горы, снег, суворовские богатыри и чудеса, взят Эрзерум! – а применить ничего нельзя, всё зря.

Но выручает союзников под Салониками. Но выгодно для Англии в Месопотамии<sup>64</sup>.

В таком же ироническом ключе полковник перечисляет множество сражений, при которых русская армия бросалась на выручку к своим союзникам, ввязываясь в безнадежные бои. Однако А.А.Свечину есть что ему возразить. Здесь А.И. Солженицын подчеркивает, что последнему из Ставки, может быть, и «справедливей» (то есть, из более высокой точки порой обнаруживается более объективная картина происходящего): «Это – измолотные бои. Французы под Верденом тоже, может быть, за двести тысяч потеряли»<sup>65</sup>. Но полковник Воротынцев не сдает своих позиций: он считает, что разница в том, что поражения союзных стран становятся известны всему миру, им сочувствуют, эти события потом войдут в историю; а наши солдаты и офицеры погибают молча и бессмысленно. Более того, многое в русской армии нарочно замалчивается, даже перед своими солдатами и офицерами. Критика союзных стран ведется полковником Воротынцевым и по другим направлениям: он упрекает их в том, что они присылают на подмогу оружие плохого качества, а сами забирают русских солдат целыми корпусами. И в этом Воротынцев склонен винить царя, его слабость, поскольку он мог бы отказать союзникам, но Николай в первую очередь видит свои обязательства перед ними, зато не видит перед собственным народом. На это Воротынцев получает довольно сдержанную реакцию своего собеседника:

– Алексеев поторговался с Государем, с французами, но 6 бригад по 10 тысяч пришлось дать. У союзников логика железная: поскольку недостаток вооружения не позволяет русским использовать все свои силы, то не нам

---

<sup>64</sup> О-16, кн. 2. С. 15.

<sup>65</sup> Там же. С. 16.

должны добавить оружия, а мы должны свободный людской персонал уделить на их фронт. – Усмехнулся: – Как модный поэт читает по эстрадам: “Лишь через наш холодный труп пройдут враги, чтоб быть в Париже”<sup>66</sup>.

Воротынцев называет французов коммерсантами, полагая, что Франция «купила» Россию и ее правительство. И тут он снова винит в этом царя: как же это возможно было допустить, ведь Николай Второй не мог не знать обо всем, что происходит в отношении союзных стран. Полковник Воротынцев сравнивает поведение этих стран в период войны-предшественницы – русско-японской, и снова ситуация оказывается не в пользу союзников:

«Мы – вообще одни, никто с нами искренне, – выливал Воротынцев свою настоявшуюся горечь. – И что когда-нибудь хорошего делали нам англичане или французы? Почему, собственно, они наши союзники? Как легко мы им простили крымскую войну! А японскую?

Ведь Англия была японским союзником, подарила Японии два броненосца с британским экипажем, продала три десятка вспомогательных пароходов, снабжала японский флот своим углем, на их угле Того вёл все сражения. А у Франции с Англией было “сердечное согласие” – а с нами само собой тянулся союз против Германии, – как это? Где ж наше соображение? И сегодня же союзники наперебой отплёвываются, что им, демократам, пришлось взять в союз такую гадкую реакционную Россию. В прошлом году Ллойд Джордж публично злорадствовал нашим отступлениям и потерям.

– Их друзья американцы – к нам открыто враждебны вторую войну. Зачем и почему мы с ними союзники?!<sup>67</sup>

Если кратко в общих чертах попытаться выразить позицию полковника, то получится следующее – Воротынцев считает, что главное, о чем в этой войне мы должны думать, это не о союзниках, а о спасении своего народа: «Это – интеллигентская кадетская фраза: что России будет

---

<sup>66</sup> О-16, кн. 2. С. 15-16.

<sup>67</sup> Там же. С. 18.

несмываемый позор, если она расстроит единство с союзниками. А эти союзники довольно на нас покатались, хватит. Да все войны всегда они вели для своей выгоды, а только мы болваны без толку суёмся... Я иногда думаю, правда, что нас хитро впутали в эту войну: союзники нуждались осадить Германию, – а хорошо это сделать русскими руками: заодно и Россия крахнет внутри, раз она даже японской не выдержала. Они выиграют – они и победу захватят, мы – лишь бы им выволочили. Так пусть они свою победу берут, а нам нужно только не уничтожиться, перестать терять людей. Бывает болезнь, бывает усталость, когда дальше – ни шагу нельзя?»<sup>68</sup>

Как отмечает сам А.И. Солженицын, во время подобных споров у Свечина и Воротынцева проступает две роли, два неизменных амплуа: Воротынцев в своих речах несдержан и горяч, он порицает и разоблачает, а Свечин ему противоположен по темпераменту – он больше мрачно помалкивает, изредка вставляя безнадёжные факты, которые ему известны.

Помимо критики стран Антанты, Воротынцев идет еще дальше, озвучивая, вероятно, чрезвычайно важные для автора идеи. Так, он иронически переосмысляет всю идею панславизма, которая была очень расхожей в те годы. Панславизм на Балканах – вообще явление особого рода: южные славяне, в частности, сербы, нередко обращались за помощью к Российской Империи. Но Георгий Воротынцев считает всю идею возглавить панславянское единство ложной для России. Он предполагает, что из-за этого мы и столкнулись с немцами, пытаясь защищать братьев-славян. Таким своим вмешательством, по мнению полковника, мы ничего хорошего не добились: и сербам не особенно помогли, и вторглись в ненужную нам войну:

«Третий год воюем за Сербию и Черногорию – и что? Они стёрты с лица земли. И мы – шатаемся. Миллионы – в земле, два миллиона в плену, если не больше, да крепости сокрушены, области отданы, – всё для союзников! Почему Англия могла перебросить войска на материк через год –

---

<sup>68</sup> О-16, кн. 2. С. 26.

а мы должны были в две недели выложиться? А после Самсонова – можно было не переть на Германию, вопреки собственной доктрине, не перемолачивать кадровую армию? И румын в союзники нам навязали французы!»<sup>69</sup>

Здесь в тексте «Красного Колеса» в очередной раз обнаруживается значимость Самсоновской катастрофы. Схожие мысли мы можем встретить и в публицистике самого А.И. Солженицына. Например, в статье «“Русский вопрос” к концу XX века», где писатель переосмысляет отечественную историю и обнаруживает бессмысленность некоторых войн, в которых участвовала Россия, высказываются сходные мысли о ложной идее панславизма:

«Две несчастные идеи неотступно мучили и тянули всех наших правителей кряду: помогать-спасать христиан Закавказья и помогать-спасать православных на Балканах. Можно признать высоту этих нравственных принципов, но не до полной же потери государственного смысла и не до забвения же нужд собственного, тоже христианского, народа. Всё мы хотели вызволять болгар, сербов и черногорцев — подумали бы раньше о белорусах и украинцах...

<...>

При нарастающей третий век народной усталости, при наших внутренних экономических и социальных неурядицах, при “оскудении Центра”, при угрожающем росте бюрократического своеволия, не способного к высокой эффективности, но подавляющего народную самодеятельность (писали: “Ссохлась и русская личность, натуры смелые и широких способностей стали встречаться всё реже”, — и правда, много ли их в русской литературе XIX века?) — при этом всё неустанные войны за балканских христиан были преступлением против русского народа. Защита балканских славян от пангерманизма — была не наша задача; а всякое

---

<sup>69</sup> О-16, кн. 2. С. 17-18.

насильственное включение в Австрию всё новых и новых славян — только ослабляло эту лоскутную империю и её позицию против России»<sup>70</sup>.

Далее в этой же статье А.И. Солженицын обращается к тем войнам, в которых Россия пострадала от этой пагубной идеи. В частности, он приводит в качестве отрицательного примера Русско-турецкую войну 1877-78 годов, которая, по мнению писателя, выигранная стоит нескольких проигранных, а потом обращается к промахам в Первой мировой войне. Таким образом, публицистические статьи подтверждают гипотезу о близости идей, высказываемых на страницах «Красного Колеса» полковником Воротынцевым, точке зрения автора, особенно в военных вопросах.

В споре со Свечиным Георгий Воротынцев стоит на стороне нейтралитета с Германией, что воспринимается его собеседником как «союзничанье» с врагом. Полковник Воротынцев считает, что для того, чтобы избавиться от немецкого засилья, не обязательно нужно было вступать в войну, были разные пути ее избежать. Но тут уж Свечин горячо вступает в спор, отстаивая свою позицию: «Раз Германия твёрдо решила с нами воевать — без унижения мы уклониться не могли. Они бы вынуждали нас, следовал бы позор за позором. Чтобы против Германии мочь ровно стоять — нам неизбежен был союз с Францией. Вот Александр III и принял. А иначе б мы остались один на один»<sup>71</sup>.

Воротынцев считает, что Россия не осознает до конца своего величия, своей силы, поэтому постоянно «встревает» в различные мелкие политические конфликты. По его мнению, нужно быть тверже в своих пределах и не вмешиваться в войну: вслед за П.А. Столыпиным он предлагает два года мирно простоять — «так не было бы силы, сравнимой с нашей». Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но полковник считает, что исходя из предыдущих ошибок и должны проистекать нынешние действия во внешней политике России. Он

---

<sup>70</sup> Солженицын А. Публицистика: в трех томах. Т. 1. — Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1995. С. 661.

<sup>71</sup> О-16, кн. 2. С. 19.

предлагает (и тут Свечин с ним соглашается) менять методы «ведения» войны. Одним из таких новых методов он видит следующий (напоминаем, что Воротынцев – прирожденный старег): не стоять в окопных линиях, не наступать целым фронтом, а формировать ударные наступательные группы. А далее – делать в обороне противника брешь, прорвать фронт, и туда вбрасывать эти группы глубоким рейдом. Полковник убежден, что это прямой способ выиграть войну, поскольку к такой тактике немец не будет готов, да и наши рейды у своего населения найдут помощь, а немцы – нет.

Но, казалось бы, возникшее между приятелями понимание снова обрывается: да, с этим Свечин согласен, что действительно нужно менять ход войны, но не понимает, что речь тут может идти не столько об оперативных приемах, которые ничего не изменяют, а о самом характере войны. Тогда Воротынцев горько ощущает и разницу в два года в возрасте между ними, и разницу в их положении: он понимает, что из штаба Верховного командования, в котором оказался Свечин, видно совсем не то, что из полковой землянки, и видно, к сожалению, не больше, а наоборот – меньше.

Расходятся они и во мнении, кого на территории России нужно привлекать к ведению боев. Воротынцев горюет, сколько русских людей погибло в этой войне, считая, что в ней было смертей больше, чем когда-либо еще за всю историю России. Его возмущает, что мы не призываем кавказские народности, что, когда туркестанцы отказались от участия даже в тыловых работах – мы не возмущались. Но Свечин на это отвечает, что «инородцами много не навоюешь»: «В пехотную службу они пойдут неохотно, они – кавалеристы, а по нынешней войне кавалерию надо как можно уменьшать, знаешь сам. А такого упорства в бою, как у русских, – ни у кого нет»<sup>72</sup>. Воротынцев же считает, что так мы только губим собственный народ, сгоняем русских на верную смерть. Он обращает внимание, что у немцев был большой перерыв между войнами, целых сорок три года ушло на восстановление, а у России на отдых было – только девять лет. Свечин

---

<sup>72</sup> О-16, кн. 2. С. 23.

согласен признать за немецкой армией превосходство в организации, но подчеркивает, что им не хватает людей, продовольственных запасов, корма для лошадей – и поэтому наш фронт оттуда кажется им страшной и грозной силой. На что Воротынцев отвечает «нам с фронта еще очень мало видно», объединяя их в это общее «нам», чтобы эта фраза не прозвучала обидно для офицера. На самом деле, он прекрасно осознает, что у Свечина теперь «слишком взнесенная и не угнетенная» точка зрения из-за его положения в Ставке. Он приводит в пример то, что говорят в тылу: “Надо бить немца сперва внутреннего!...” “Не умеете воевать – кончайте!”. Рабочие уже бунтуют и захватывают запасные части<sup>73</sup>. Однако Свечин упорен в своей позиции, он считает, что мы уже выиграли, потому что превосходим всех по количеству изготавливаемых снарядов. И никакие воззвания собеседника о том, что выбит «наш корень», что армия лишилась лучших солдат и офицеров, до него не доходят: «Это – уже не те полки, какие шагали по Пруссии, тогда у Самсонова. Нам – армию подменили, Андреич! Никакая победа нам не заменит убитой России! Мы сейчас – добиваем тело народа. Не считай союзников снаряды, да и наши, – народу обещали войну в три месяца, народ выдохся, народ хочет только замирения! Настроение солдат такое: затеяли баре войну и убивают мужиков. Если Россия подменится, станет другая Россия, – зачем нам победа?»<sup>74</sup>

К сожалению, Свечин в этой трагической тираде способен услышать только то, что Воротынцеву не нужна победа. Говорить об этом в то время было очень опасно: в народе распространялись слухи, что сам царь, императрица и офицеры из высших слоев общества не желают своей стране победы в войне и делают все, чтобы ее погубить. Такие слухи ходили не только среди солдат, но и у офицеров. Поэтому говорить в таком тоне полковнику было довольно рискованно даже с близким приятелем.

---

<sup>73</sup> О-16, кн. 2. С. 21-23.

<sup>74</sup> Там же. С. 24.

Георгий Воротынцев вспоминает очень важную в этом контексте цитату из Священного Писания: “претерпевый до конца, спасен будет”. Она несколько раз используется писателем в тексте «Красного Колеса», но в связи лишь с одним персонажем – с Государем. Он отправляет телеграмму с этой фразой в Ставку, именно ее воспринимает так утешительно «Николаша» – великий князь Николай Николаевич. Воротынцев, случайно присутствовавший при чтении телеграммы от Николая II, и тогда не счел эту мысль утешительной и оправдывающей жертвы, ни сейчас она его не убеждает. Он использует это высказывание, скорее, в ироническом значении. Он не понимает, зачем нужно терпеть и терять целую армию, для каких целей? Потом станет ясно, что долготерпение, по мнению В.И. Ленина, – одно из худших свойств русского народа (хотя он говорит о нем в другом аспекте). Воротынцев не видит, что нам даст победа в этой войне. И тут Свечина буквально осеняет: он высказывает предположение, что преждевременный сепаратный мир приведет нашу страну к поражению, а затем – и к революции. Читатели «Красного Колеса» знают, что именно так все и будет в дальнейшем, поэтому позиция Свечина оказывается в этот момент более прозорливой, провидческой. А полковник Воротынцев в этой ситуации считает, что все будет с точностью до наоборот, но не решается выговорить вслух столь опасное словосочетание так прямо: Сепаратный мир.

Позиция Свечина по этому вопросу в общих чертах сводится к следующему: он согласен, что гораздо лучше и выгоднее для России было бы в эту войну не вступать, но поскольку время вспять не повернуть и историю не изменить, выход остается только один – закончить ее, и лучше всего – победой. По мнению офицера, если эту войну сорвать и наспех прекратить, то это чревато еще более страшными последствиями. Но Воротынцев по-прежнему стоит на своей точке зрения: он считает, что длить войну еще опаснее и страшнее.

Внимательный читатель может заметить (да и сам А.И. Солженицын это подчеркивает в тексте), что, несмотря на ожесточенные споры, офицеры

в момент полемики находятся на близких позициях. Точнее, они хотят примерно одного и того же – лучшей судьбы для России, и видение ими проблем своей страны если не идентично, то хотя бы приближено к точкам зрения друг друга. Самое поразительное именно в этом и заключается: что из сходного знания они делают разные выводы. Тем не менее, писатель несколько раз подчеркивает, что эта «страстность разногласия между сходными» оказывается самой плодотворной. Именно в таких спорах, по известной народной поговорке, может родиться истина. Но до конца офицеры не могут понять друг друга. Отчасти это связано с разницей их положений на момент разговора: Воротынцев считает, что на его друга негативно повлияло повышение и перевод в Ставку, и он не видит подлинной боли простых солдат, русского народа – они для него всего лишь «ресурсы». В свою очередь, Свечин думает, что полковник Воротынцев рассуждает не как истинный офицер генерального штаба, а как «народник». На что тот отвечает ему, что он, скорее, доктор, который приложил ухо к груди русской армии и услышал там предсмертные хрипы.

#### **§ 4 «Философия войны» и эволюция общественного мнения: полковник Воротынцев и генерал Крымов**

А.С.Немзер в сопроводительной статье к первому узлу эпопеи выделяет три уровня осмысления Воротынцевым военных событий. Первым он называет следующий: «Высший – война вообще есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» (зачин третьего тома «Войны и мира»))»<sup>75</sup>. Как можно заметить, исследователь также истолковывает этот эпизод с точки зрения отсылки к Л.Н.Толстому. По мнению ученого, Воротынцев «под звездами» в момент откровения испытывает примерно то же, что и князь Андрей под небом Аустерлица. Кроме того, А.Немзер обнаруживает не только аллюзии на другие произведения, но и «внутренние» - отсылки к иным значимым эпизодам

---

<sup>75</sup> А-14. Кн. 2. С. 502-503.

«Красного Колеса»: к самоубийству Самсонова, который перед ним молился на единственную звездочку в том же лесу, а также к диалогу Смысловского с Нечволодовым (к нему мы еще вернемся).

Далее исследователь выделяет уровень общеполитический: «Сегодняшней России (не решившей множества экономических и социальных задач, не изжившей до конца язвы революции, не сумевшей достигнуть общественного согласия и правильно выстроить отношения власти, народа и образованного сословия) война не нужна и опасна, и тем более губительно для нее стремительное вступление в войну»<sup>76</sup>.

Третий уровень осмысления, представленный в данной сопроводительной статье, - это собственно военный, самый приземленный, но от этого не менее значимый. Для осмысления войны именно с этого уровня Воротынцеву пригодятся все его стратегические знания и навыки. Так, свои размышления о военном оснащении армии полковник высказывает в разговоре с генералом А.М. Крымовым.

О генерале Крымове из истории известно, что он был участником заговора А.И. Гучкова, целью которого был дворцовый переворот. В феврале 1917 года генерал выступал перед некоторыми членами Государственной Думы, обещая им поддержку армии в случае государственного переворота. Нетрудно спрогнозировать, каким могло быть отношение А.И. Солженицына к этому историческому деятелю, поэтому в спорах с Г. Воротынцевым он показан как недалекий, или, иначе, «ненапряженный читатель». Однако А.М. Крымов появляется также в разговоре Воротынцева с генералом Самсоновым, и там подчеркивается, что Самсонов особенно ценит этого генерала за то, что он «и советчик, и солдат», и единственный ему в армии «присердечный». Но отношение полковника Воротынцева к генералу Крымову даже в этой ситуации показано как довольно прохладное. Вот какая характеристика дается генералу с позиции Георгия Воротынцева:

---

<sup>76</sup> А-14. Кн. 2. С. 503.

«Крымов был на пять лет старше Воротынцева, и настолько ж опережал его в полковницком чине. Можно было заключить, что служил он как-то неровно: туповато в конце того века, полтора года мог вести батарейным хозяйством, да и потом не острей. Но всё ж раскачался на Академию и успешно кончил её перед Японской. Воевал, видимо, храбро, бой за боем отмечены наградами. А потом лет на пять снова задремал делопроизводителем да начальником отделения мобилизационного отдела Главного Штаба. Там были и какие-то труды у него о запасных войсках, это всё нужно для великой армии, но опять: как совмещается в одном офицере?»<sup>77</sup>

При личной встрече генерал кажется Г.Воротынцеву более положительным, несмотря на то, что тот (мягко говоря) критически отзывается о деятельности всех остальных генералов и офицеров:

– Вот как... Никогда я Артамонова не видел.

– Да кто его видел? Его и Александр Васильевич не видел. Он генералом-то стал и оружие золотое – за голопузых китайцев. Как и Кондратович...

– Кондратовича вы сейчас не встречали?

– Да где! По тылам корпус собирает, и рад. Трус известный.

– А кого эти дни видели?

– Мартоса видел.

– Вот отличный генерал!

– Чего отличный! Сам на ниточках дёргается и своих штабных задёргал.

– Нет, на редкость отчётливый. А как Благовещенский по-вашему?

– Мешок с дерьмом. Да жидким, протекает. А Ключев – тёха-пантёха, не военный человек.

– А начальник штаба здесь, в 1-м, какой?

---

<sup>77</sup> А-14, кн. 1. С. 116.

– Полный остолоп, нечего с ним и разговаривать<sup>78</sup>.

Вероятно, А.М. Крымов способен удостоить высокой оценки только собственную деятельность, и ничью больше.

У Георгия Воротынцева особые отношения сложились с алкоголем: когда генерал Крымов наливает ему водки, он отказывается, боясь нарушить продуктивность разговора. Писатель подчеркивает, что полковник никогда не любил выпивать «прежде дела», и это была у него совсем не русская черта. А у генерала Крымова оказывается своя философия в этом вопросе: «Офицер должен быть смел перед врагом. Перед начальством. И перед водкой. Без этих трёх – нет офицера»<sup>79</sup>.

В отношении к мародерству также не сходятся взгляды двух офицеров (тема мародерства на войне в целом будет рассмотрена подробнее в последнем параграфе третьей главы). Позиция А.М. Крымова очень категорична – он настаивает на показательных расстрелах и военно-полевых судах, выказывая себя как последовательного военного человека. Но Воротынцев не может с этим согласиться, поскольку знаком с положением солдата на фронте не понаслышке, а из первых уст:

– Нет. Расстреливать нашего солдата я не могу, как хочешь. За то, что он беден – и мы таким привели его в богатую страну? За то, что мы ему никогда не показали лучшего? За то, что он голоден, а мы неделю его не кормим?

Кулак Крымова не разжался, но напрягся, но пристукнул:

– Да это ж позор России! Это верный развал армии! Тогда нечего было сюда и идти. Армейское решение: правильная реквизиция. Сильное интендантство приходит тут же, с полками. Оно берёт весь скот и выдаёт его полкам. Оно берёт те молотилки, что здесь, и те мельницы, что здесь, молотит, мелет, печёт – и выдаёт полкам! А мы – ничего не берём.

---

<sup>78</sup> А-14, кн. 1. С 146.

<sup>79</sup> Там же. С. 147.

– Но это ж фантазия, Алексан Михалыч! Это бы – немцы, это – не мы, это будем не мы!<sup>80</sup>

Несмотря на то, что полковник отрицает все это, в глубине души он ощущает в себе и немецкую практичность, и эмоциональное равновесие, которое дает ему преимущество над вспыльчивым и отходчивым русским воякой Крымовым.

Таким образом, в спорах с Воротынцевым раскрывается довольно прямая, категоричная и во многом недальновидная позиция генерала А.К. Крымова: его неосведомленность о настоящем количестве понесенных на войне потерь, о том, что на самом деле происходит на фронте, его нежелание стать на позицию простого солдата и вникнуть в происходящее. Но в беседах с ним более подробно раскрывается точка зрения Воротынцева по некоторым специфическим вопросам (например, его позиция по поводу мародерства на войне), на фоне категоричности Крымова точка зрения полковника Воротынцева представляются более широкой и объемной.

В «Красном Колесе» есть персонажи эпизодические, появляющиеся в том или ином Узле и в конкретных ситуациях. Но полковник Воротынцев персонаж «сквозной» - его сюжетная линия прослеживается до самого конца четвертого Узла. Нет его только в «Кратком конспекте ненаписанных узлов», но А.И. Солженицын объяснял это тем, что из-за еще большей сжатости повествования в «Конспекте» он сконцентрировался на судьбе исключительно реальных исторических личностей, к которым Воротынцев не относится. То, что полковник оказывается очевидцем большинства описанных в эпопее знаковых исторических событий, неслучайно: для писателя важно показать войну в восприятии полковника, представить его точку зрения.

Полковник Воротынцев застает начало войны и в Петрограде и в Москве, поэтому оба этих города даны как бы его «глазами»: «Эта война началась при изумительной народной дружности, какой в японскую не было

---

<sup>80</sup> А-14, кн. 1. С. 149.

ни дня, какой Воротынцев никогда и не помнил. В Петербурге, рассказывали, в первый день войны, без всякого сговора и оповещения, народ выходил из домов и двигался к Зимнему, дожидался там царя, и студенты даже. Бастовавшие петербургские рабочие окончили в день все забастовки. В Москве Воротынцев пробыл недолго, но каждый день шла к градоначальству манифестация, и всюду на улицах – единодушные чувств. Мобилизация грянула в горячие дни страды – и повалила деревня к воинским начальникам: “царь позвал!” Такой слитный порыв – как можно разронить? Но уже в первых штабах в первые дни хлюпались наземь первые плески, проливались первые вёдра»<sup>81</sup>.

Даже в том поразительном единодушии, с которым народ откликнулся на призыв к мобилизации, полковник уже усматривает предвестье страшных грядущих событий. Это, кроме него самого, никто еще не замечает, да и сам Воротынцев пока еще мало отдает себе отчет, что ждет страну в ближайшем будущем. Однако писатель подчеркивает: что-то жжет полковника еще со времен русско-японской войны. Он понимает, что если случится еще одно-два таких поражения – и России «перешибут хребет», она сойдет со своих исторических рельсов. Офицеры такого типа понимали, что «...наступившая война могла стать или началом великого русского развития или концом всякой России. Оттого-то ошибки японской войны особенно саднили сейчас истинных военных – и тянулись они, и содрогались они, как бы тех не повторить!»<sup>82</sup>

Формируя у читателей образ Первой мировой войны, писатель постоянно сравнивает ее с самой крупной войной-предшественницей: русско-японской. Это вполне логично: воспоминания о ней еще свежи, а вот итоги не подведены и ошибки, очевидно, учтены до конца не были. Воротынцев замечает, что на этой войне он иначе стал относиться к войне

---

<sup>81</sup> А-14, кн. 1. С. 110.

<sup>82</sup> Там же. С. 111.

прошлой. Неумение и нежелание учесть ошибки предшествующих войн полковник Воротынцев подчеркивает в разговоре с Крымовым:

«Это мы в японскую поняли, что будущая война вся будет огнём решаться, что нужна тяжёлая артиллерия, нужно гаубиц много, а сделали – немцы, не мы. У нас на корпус 108 орудий, у них – 160, и каких? Потому что у нас на армию всегда “крайний недостаток средств”, на армию денег нет. Они хотят победы и славы, не потратясь.

<...>

– Нет, программу Дума приняла, но – против кадетов. Да ведь считается, что дух войска решает всё, – и Суворов так считал, и Драгомиров... и Толстой... Зачем же на оружие тратиться?... А что в крепостях стоит? – чуть не единороги! есть на чёрном порохе стреляют!»<sup>83</sup>

Диалог с «ненапряженным читателем» Крымовым также очень важен для раскрытия взглядов Воротынцева: в этой беседе полковник позволяет себе довольно едкую оценку военного состояния армии. Здесь он обращается к важной для Толстого идее о «роевом начале» и духе войска, которым определяется ход сражения. Но это упрек и издевка не над Толстым: просто изменилась эпоха, военное дело шагнуло вперед, и современные сражения в начале XX века ведутся совсем по-другому, нежели в начале XIX. А мы, как ему кажется, в России все полагаемся на «дух» войска, в то время, как все цивилизованные страны заботятся о военном оснащении своей армии. Солженицын в речи Воротынцева обращает особое внимание читателя на уровень подготовки армий перед грядущей войной. Не зря полковник приводит пример оснащённости тяжелой артиллерией именно Германии, с которой скоро будет развязана война (хотя он пока об этом не подозревает).

Но и когда война уже началась, Воротынцев неизбежно подвергает происходящее анализу и все больше и больше убеждается в том, что ее не нужно было развязывать, что она приносит вред русскому народу. Воротынцев как офицер чувствует свою ответственность перед народом,

---

<sup>83</sup> А-14, кн. 1. С. 148-149.

простым солдатом, и чутко улавливает, что народ – недоволен, не понимает этой войны. Причем через позицию полковника писатель намеренно напоминает, что войны бывают двух типов – наступательные и оборонительные, и если бы «немец» подбирался бы к сердцу России, то боевой дух солдат не нужно было бы поднимать, они понимали бы, за что воюют. А так, на чужой территории, преследуя какие-то неизвестные политические цели, ясные лишь верхам (и то в самой малой степени), а простому народу никак не понятные, солдаты не хотели воевать. И Воротынцев, который избрал путь – не отсиживаться в штабе, а отправиться на передовую и разделить участь солдат, это прекрасно ощущает. Но не всегда может свою мысль донести до вышестоящих или хотя бы равных ему по званию офицеров, ведь они до этого уровня осмысления войны – солдатского, из окопов – не опускались (или не поднимались?).

К вопросу о наступательной и оборонительной войне автор возвращается неоднократно в тексте десяти томной эпопеи: «Ещё очень важно: за какую именно землю зовут тебя умирать. За щемящую белорусскую, за певучую малороссийскую, за кроткую среднерусскую – всегда готов, и солдаты бы тоже. Пойди Германия в глубь России – так это была б и другая война, и другое понятие. Но – за Карпаты? но – за румынское грязное невылазье, такое чужое, бессмысленное? Хоронить здесь русских солдат ощущал Воротынцев как ежедневное преступление»<sup>84</sup>.

Конечно, Воротынцев как профессиональный военный, стратег, не может абсолютно согласиться с мнением, что любая война вообще есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», как понимает ее Л. Толстой в романе «Война и мир». Иначе это бы обесценивало всю его деятельность офицера как таковую. Но в бессмысленности Первой мировой войны (по крайней мере, для России) он укрепляется все больше и больше на протяжении эпопеи.

---

<sup>84</sup> О-16, кн. 1. С. 129.

В «Красном Колесе» есть также резкое противопоставление тыла и фронта, которое ощущает именно полковник Воротынцев. Он слышит рассказы о тыле, как там постоянно «ловчат» и привыкают к войне, как к обыденности, - и видит вокруг «чистые сердца, ежедневно готовые к смерти». По мнению Воротынцева, в этом есть что-то очистительное, поэтому тыл еще больше отвращает его.

Очевидно, что чаще всего точка зрения полковника Воротынцева сталкивается с позициями других офицеров. Причем в этой ситуации некоторые офицеры в «Красном Колесе» не выдерживают проверки: мало кто из них может внять мысли полковника о ненужности и пагубности этой войны. И даже Свечин, примерный и талантливый офицер, близкий приятель Воротынцева, не может взять в толк того, о чем говорит его приятель: чем же еще офицер может послужить Родине, если не войной? Воротынцев же отвечает ему: одной силой стоящей армии. И Свечин не может этого понять именно потому, что он офицер «до мозга костей», а значит, ему не пристало сомневаться в приказах. По мнению А. Немзера, высказанной им в сопроводительной статье к «Красному Колесу», «квалифицированный, умный и честный военный, Свечин не желает выходить за положенные ему пределы – он знает и хочет знать только свой шесток. И потому не может понять, с чего это Воротынцев «вспомнил Столыпина»»<sup>85</sup>.

Так и все офицеры делятся на два типа: тех, кто может служить России только войной, не задумываясь о том, хорошо это или плохо для страны; и на тех, которые признают не любые жертвы ради победы, а хотят спасти действующую армию. Представителей последнего типа, к которому и относится Воротынцев, в эпопее (как и нашей истории) намного меньше. Можно даже позволить себе утверждать, что в период Первой мировой войны их почти нет, и именно поэтому А.И. Солженицын вводит в повествование «недостающего» практически идеального офицера с мощной идеологической позицией, близкой идеям самого автора.

---

<sup>85</sup> А-14, кн. 2. С. 502-503.

В ходе чтения «Красного Колеса» неизбежно обнаруживается, что А.И. Солженицын причисляет Георгия Воротынцева к особой категории офицеров: к «генштабистам», которые в прошлые войны были допущены к обсуждению планов войны. В Академии генштаба, как подчеркивает писатель, после русско-японской войны появилась небольшая группа военных, «кто уразумел и почувствовал XX военный век, в котором ни петровские штандарты, ни суворовская слава нисколько не могли укрепить Россию, ошить её, помочь ей, – а только сегодняшняя техника, сегодняшняя организация и быстрый кипучий разум»<sup>86</sup>. Писатель объединяет эту группу офицеров, которых еще называли «младотурками», с несколькими инженерами, почувствовавшими, что Россия и весь мир вступили в Новое Время, а значит, и войны нужно теперь вести совсем по-другому, делая упор на техническую оснащенность войск. Они почувствовали перемены тогда, когда их еще не ощущали ни революционеры, ни члены императорской фамилии. К сожалению, эта перспективная группа довольно быстро распалась, им не нашли применения. Для них не был создан единый штаб, и они были отправлены в разные части армии, однако повсюду чувствовали себя «клеточкой русского военного мозга», как называет это А.И. Солженицын. И несмотря на то, что они не были оценены никем выше и не получили реальной власти, «сами между собой и перед собой они были ответственны теперь за будущее русской армии и, более всего по оперативным отделам штабов рассеянные, точностью своих разработок и убедительностью предложений рассчитывали всю армию повернуть, куда надо»<sup>87</sup>. Эта категория офицеров отличалась также тем, что, воюя против Германии, они в чем-то даже восхищались своим врагом, хотели армию во многом ориентировать на организацию войск, которая царит в германском штабе. Они очень высоко оценивают армию врага, ее аппарат управления и дисциплину: «Они знали, что германская армия – сильнейшая в сегодняшнем

---

<sup>86</sup> А-14, кн. 1. С. 111.

<sup>87</sup> Там же. С. 112.

мире, что это армия – со всеобщим патриотическим чувством; армия с превосходным аппаратом управления; армия, соединившая несоединимое: беспрекословную прусскую дисциплину – и подвижную европейскую самодеятельность. Такие точно офицеры, подобные кучке наших генштабистов, там были во множестве, и в силе, и во власти, даже до командующих армиями. А начальники генерального штаба не меняются там, как у нас, за 9 лет чехардою из шестерых, но – за полстолетия четверо, да не меняются, а наследуют, Мольтке-старшему Мольтке-младший. А “Положение о полевом управлении войск” не утверждается там за два дня до всеобщей мобилизации, как у нас, 16 июля. И семилетняя программа вооружения принимается не за три недели до начала войны»<sup>88</sup>.

Писатель подчеркивает, что главная забота таких представителей Генштаба была – воевать достойно, что значило учитывать не только задачи ближайшего дня, а задаваться вопросом: стоит ли наступать вообще? И не зря примерно этот же вопрос возникает в сознании полковника Георгия Воротынцева. А вместо этого, как мы знаем из истории Первой мировой войны, в дальнейшем была принята доктрина наступать «только вперед». Однако, как считает А.И. Солженицын, есть принцип намного важнее: чтобы задача отвечала средствам. В своем историческом обзоре писатель показывает, что в этот период шла борьба двух направлений, решающих, куда именно следует наступать: на Германию или на Австрию. Но после прихода военного министра В.А. Сухомлинова это дилемма отпала – он решил, что наступать нужно одновременно по двум направлениям. Писатель делает особый упор на то, что пришедший после него генерал Я.Г. Жилинский, возглавивший Генштаб, подтвердил союзной Франции это обещание наступать на Германию, тем самым поставив офицеров в сложное положение – теперь нужно было сохранить свою честь перед союзниками, не обмануть их, сдержать обещание. И после этого стали создавать армию на Берлин, в то время, когда Первая и Вторая армии только приближались к

---

<sup>88</sup> А-14, кн. 1. С. 113.

Пруссии. Таким образом, направление наступления изменили, не сообщив тем, кто двигался на Пруссию: именно поэтому у генерала Самсонова отбирали корпуса, не разрешали выдвигаться дальше Сольдау, замедляли его армию – и не сообщали ему причин таких изменений. Как видим, в действиях сменяющихся министров А.И. Солженицын усматривает роковые ошибки, приведшие к гибели Второй армии генерала Самсонова, а далее – ко всем трагическим поражениям в Первой мировой войне. А одна из главных ошибок – в том, что не прислушались к талантливым офицерам, и сделали все, чтобы они не смогли оказать никакого решающего влияния на ход событий Первой мировой войны.

#### **§ 5 Война и политика: Воротынцев и кадетское общество в доме депутата А.И. Шингарева**

Помимо столкновения с позициями непосредственных участников военных действий, важным для понимания взглядов полковника является также появление его в кадетском обществе: в доме А.И. Шингарёва, депутата и известного государственного деятеля, куда его приводит сестра Вера. Как раз там он знакомится с Ольдой Андозерской.

В одном из разговоров Воротынцева с Шингарёвым поднимается важная для писателя тема. А.И. Шингарев вопрошает, почему их богатейшая эпоха не порождает пророков, великих писателей и талантливых полководцев, которые так нужны именно сейчас, во время мировой войны? И Воротынцев, много размышлявший над этим вопросом, мысленно дает ответ: нет, они есть, они рождаются, но продвижение вверх по служебной лестнице для них закрыто, как и всегда во многих иных сферах бывает с умными людьми в России. В том же обществе, и именно «устаами» Воротынцева писатель формулирует, казалось бы, очередную совершенно крамольную для офицера, но важную для самого писателя мысль: «надо где-то знать меру даже и России». Речь идет о безграничном расширении границ и завоевании новых территорий, что является важнейшей целью при войнах

завоевательного типа. Но писатель считает, что территории Российской Империи достаточно обширны, и нуждаются теперь больше во внутренней проработке (с этим утверждением трудно не согласиться). Это продолжение все той же мысли полковника о том, что война не может быть ценна сама по себе, у нее должны быть какие-то осязаемые практические цели. А Первая мировая, как это многократно подчеркивается в эпосе, таких целей для России явно не имеет. Однако усомниться в важности любых военных действий для кадрового офицера – уже практически предательство (или будет воспринято таковым остальными военными).

На вечере у Шингарёва полковник позволяет себе много критики действий и методов, которыми ведется война. Отчасти это связано с тем, что аудитория хочет послушать об ошибках «верхов», чтобы убедиться в том, что из этого и вытекают все наши поражения. Безусловно, Воротынцев видит множество ошибок, допущенных Верховным командованием, показывает своим слушателям, что гибель самсоновской армии – не единственная наша потеря в Восточной Пруссии. Наряду с этим он позволяет себе говорить о бездействии союзников, хотя как раз эта мысль в высшем обществе не очень приветствуется. Полковник о знаменитом Брусиловском прорыве говорит: «его успех ничего не стоит», поскольку сразу же за этим наступлением мы отходили едва ли не больше, чем смогли завоевать в прорыве. По мнению Воротынцева, Россия не может похвастаться ничем, совершенным в этой войне (напомним, что это на момент конца 1916 года, поскольку действие разворачивается в октябре 1916). Но скоро полковник понимает, что его слушатели не хотят узнать о собственных ошибках: они ищут жертв, на которых можно было бы сбросить ответственность за все поражения. И во время очередной тяжелой паузы Воротынцев размышляет: «Да легко рассказывать, злорадно слушать о бездарности и путанице верхов. Но – сам ты? и кто из нас склонен рассказывать? – о путанице рассыпанной, а не менее губительной, об ошибках и несовершенствах среднего и малого боя, чем и наполнены будни. Неудачи местных боёв скрываются от соседей и от

начальства, о них и не узнаёт никто вообще. Скрывают свой отход, подводя соседей. И в донесениях – “потери выясняются”, когда уже знают их, но надо скрыть. Или “с боем взят”, когда без боя (и “в моём присутствии” – значит, мне награду). Или рапортуют о вовсе не взятом»<sup>89</sup>.

На вечере у депутата Шингарева полковник пытается представить до определенной степени объективный взгляд на войну: он не спускает ошибок никому и не ищет виноватых. И это созвучно мыслям А.И. Солженицына - в этой войне неточности были допущены на всех уровнях командования, в разных сферах: от начальников роты до офицеров Ставки, от военных поражений до нерегулярного снабжения. Полковник с горечью вспоминает о бессмысленных приказах, которые заставляли целые роты или полки сдвигаться с места и идти навстречу неизбежной смерти. Один из таких примеров – приказ взять деревню Радзаново, обнесенную колючкой и болотистыми подходами: командир полка рапортовал о бессмысленности приказа и невозможности его выполнения, но ему пришлось вести солдат в атаку, где многие погибли, так и не взяв эту высоту. Воротынцев (а его устами – автор «Красного Колеса») называет это «мертвоприношением», по аналогии с жертвоприношением, но подчеркивая бессмысленность этих жертв, не искупленных ничем. Он иронизирует над тем, что самыми успешными боями в России считаются те, где полегло максимальное количество жертв, следование нелепому приказу называет «бараньей преданностью».

Справедливости ради нельзя не заметить, что слова полковника больно отзываются в А.И. Шингарёве. Под рассказами Георгия все общество затихает, пораженное. Последняя надежда, которая у них остается, - это солдатский «дух», которым обычно мы и выигрываем все войны. Который должен в очередной раз выручить нас из беды. И еще – воля к победе. И Воротынцев в этом эпизоде дает резкий отпор и сыпет обвинениями всему образованному обществу в лице присутствующих на вечере от всех

---

<sup>89</sup> О-16, кн. 1. С. 301.

военных. Хотя далеко не все он решается произнести вслух. Один из упреков его в сторону либерального общества – в том, что во время японской войны они призывали к поражению, и тогда не размышляли о духе солдат и воле к победе. Он задается вопросом: почему эта война так им нужна, зачем им победа в ней? Почему они не думали о том, что поражение в русско-японской войне отольется им и последующими поражениями? И тут снова появляется фигура Столыпина, вытянувшего страну из поражения в той войне. Сходные мысли можно встретить в публицистике А.И. Солженицына: «В 1904 в Японии не только студенты, но даже подростки стремились попасть в армию, а наши столичные студенты слали микадо телеграммы с пожеланием победы... Российское общество охватила *жажда поражения* в этой дальней, непопулярной и даже необъяснимой войне — в верном расчёте на политический успех от русского поражения, и он вспыхнул ещё сильнее, чем от войны Крымской. Осенью 1905, в дни наибольшего накала революции, кончалась точно половина царствования Николая II — и за эти 11 лет он уже почти выпустил всю власть из рук — однако в этот раз её вернул Столыпин. (Через следующие 11 лет уже некому было вернуть)»<sup>90</sup>.

В это же время Андрей Иванович Шингарёв задается иными вопросами: «но всё-таки солдаты – не просто же гонимые жертвы? В шинелях серых соотечественники наши, они же всё-таки понимают цели войны? Задачи России и всеобщей свободы – не чужды же русскому солдату? Да и Дарданеллы – это не выдумка Петербурга, их требует экономика всего русского юга...»<sup>91</sup> И полковнику становится стыдно за своего собеседника, которым он восхищался весь вечер: «Ведь вот как хочется вам: всё Верховное – чем хуже, тем лучше. А чтоб армия – хотела воевать и побеждать, и желала бы Константинополя»<sup>92</sup>.

---

<sup>90</sup> Солженицын А. Публицистика: в трех томах. Т. 1. – Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1995. С. 668.

<sup>91</sup> О-16, кн. 1. С. 308.

<sup>92</sup> Там же. С. 308.

А на самом деле в армии все обстоит совсем иначе, чем это представляется из-за письменных столов в Петрограде: у солдат нет такого представления об отечестве, как у высшего общества, нет целостного понятия о «стране России», о патриотизме. Они этими категориями не могут мыслить постоянно, крестьяне не засыпают и не просыпаются с мыслью о России. У солдат нет даже понятия о победе, вместо этого они используют слово «замирение» с более прозрачной этимологией. Они также ничего не знают о верности союзникам, о долге перед Родиной. Даже противника они не могут толком ненавидеть (кроме как за газовые атаки), поскольку, как они сами говорят, «австрияки некоторые гуторят похоже на наше». Это связано с тем, что в австрийской армии воевали многие представители славянских народов (чехи, словаки, хорваты и т.д.), поэтому, вероятно, славянская речь, раздававшаяся из окопов противника, действительно была похожа на русскую. Воротынцев размышляет о долготерпении русского народа, но понимает, что в этой войне его терпение на пределе. И что лучше всего было бы не испытывать этого терпения, а прекратить войну, пока не поздно, пока это недовольство не вылилось наружу чем-то страшным. Это самое терпение и будет в дальнейшем раздражать В.И. Ленина, ожидающего революции как исхода долготерпения.

Еще одним примером бессмысленности войны становится рассказанный Воротынцевым эпизод, увиденный няней на улицах Петрограда: в столицу приезжал японский принц, и все улицы были украшены японскими флагами. А простой народ не мог взять в толк – зачем тогда воевали с Японией, зачем проливали свою кровь в боях с ней? Значит, и с Германией через какое-то время будет то же самое? Все эти вопросы остаются без ответа.

В этой встрече на вечере у Шингарёвым полковник Воротынцев совершает второй в эпопее значимый и смелый поступок. Точно так же, как он выступил перед Верховным командованием в Ставке и был оттуда удален, теперь и перед высшим образованным обществом он не боится говорить

правду, сказать то, что думает на самом деле. Он считает себя неким «глашатаем» одновременно и от народа, глубоко им понимаемого, и от лучших офицеров, которые тоже страдают, отправляя солдат на бойню, и которые тоже в своем роде «народ». Воротынцев называет офицеров «пружиной и волей нашего народа». Но это относится только к избранным офицерам, близким полковнику Воротынцеву по духу и целям. Вот как Воротынцев описывает и свою роль, и свое состояние как представителя офицерской среды: «Но только тот, кто и сам двадцать лет – частица деятельная этой армии и не пропустил ни дня войны ни той, ни этой, – только тот и может решиться. Профессиональный военный, офицер своего Отечества, должен для Отечества каждую войну изо всех сил выигрывать?... А я не знаю – я ещё профессиональный?... Сто пятнадцать недель, восемьсот дней вот так – самый воодушевлённый офицер не готов в таких дозах принять своё ремесло. Или я слишком чувствителен оказался?... Это – такая усталость, такая однообразная смерть, такая тоска и обида, выело всё нутро, – и жить в этом ремесле дальше некуда. Колени слабеют – сесть. Руки виснут в плечах. Сваливается голова»<sup>93</sup>.

В рассмотренном нами эпизоде на вечере у депутата полковник пытается донести до слушателей очень важную мысль: русской армии больше нет. Ее нет в том составе, в котором начиналась война в 1914 году. И в целом, она перестала существовать, потому что Россия лишилась не только солдат, но и лучших офицеров.

Гуляя по Петрограду, полковник Воротынцев обращает внимание на архитектуру и поражается тому, сколько строили до войны. Это наводит его на грустные размышления о том, как мощно развивалась бы наша страна в различных областях, если бы не наступила война. После поездки к жене и в Петроград, полковник возвращается в армию, и чувствует себя облегченным. Воротынцев – человек действия, ему жаль много времени тратить на пустые разговоры. Он жалеет, что пытался переубедить общество у Шингарева, и

---

<sup>93</sup> О-16, кн. 1. С. 309.

теперь он чувствует себя комфортно, окунувшись в «фронтовое бытие», где все так понятно и привычно. В столовой он слышит рассказанный анекдот: «Пленный немецкий офицер: “Вы, русские, утверждаете, что не готовились к войне. Но как же бы вы в такое короткое время могли сделать свои дороги столь непригодными? Ясно, что испортили их заранее”»<sup>94</sup>. Этот анекдот позволяет выйти на еще один пласт, затрагиваемый А.И. Солженицыным – уровень народного восприятия войны, отраженный в военном фольклоре (шутках, анекдотах, песнях). Подобные вставки появляются иногда в самом тексте, вложенные в уста одного из персонажей или услышанные другим (как в данном случае), а иногда обрамляют текст глав, подобно пословицам и поговоркам. Напомним, что в конце многих глав нередко появляется пословица, которая служит как бы выводом, «моралью» из прочитанного. Так писатель порой поступает и с песнями про «Вильгельма-шельму» (об этом будет подробнее в главе о народных представлениях).

## **§ 6 «Рыцари»: полковник Воротынцев и генералы Нечволодов и Марков**

Особый ракурс развития позиции Георгия Воротынцева намечается от его встречи с генералом А.Д. Нечволодовым. Он встречается генерала как раз в тот момент, когда он устранен с фронта, отправлен в генеральский резерв и не находит себе места. Его вызвали как будто за новым назначением, но новых корпусов не дают, и он оказывается никому не нужен. Здесь писатель возвращает нас к вопросу о талантливых полководцах, которых «якобы» не породила эта война. Но самые талантливые из них по какому-то нелепому стечению обстоятельств оказались не у дел: Нечволодов – это один из немногих «понимающих» офицеров, наряду со Свечиным, чья точка зрения, хоть и не совпадает с позицией Воротынцева, но представляет самостоятельный интерес. А.И. Солженицын отмечает сходство двух офицеров, А.Д. Нечволодова и Воротынцева, утверждая, что они похожи

---

<sup>94</sup> О-16, кн. 2. С. 414.

«своими молодостями»: «тем же выбросом способностей, тем же несмеренным ощущением своей силы, тем же порывом едва ли не самому, одному, всё улучшить в российской армии»<sup>95</sup>. Сам же полковник замечает, что несмотря на их схожесть, они все-таки относятся к разным поколениям. И даже не по возрасту (разница между ними – в 12 лет), а по службе, по людям, что их окружали, по развитию военной карьеры пролегло между ними поколение: А.Д.Нечволодов в Академию поступил на 20 лет раньше и застал царствование Александра III. Но сравнение со старшим по званию не льстит полковнику. Он понимает, что родство между ними простирается еще глубже: в начале войны, в августе 1914 года Воротынцев ждал для себя блистательной карьеры, но за два года войны совсем упал душой, и карьера не складывалась. И он очень боялся продолжить это сравнение с когда-то известным генералом, а теперь всеми покинутым и никому не нужным. Он не хотел для себя такой судьбы, хотя и прозревал ее.

Родство этих двух офицеров связано еще и с тем, что они относятся к типу героев-рыцарей, если вновь обратиться к классификации А.Гуськова. Указание на это в связи с полковником Воротынцевым мы встречаем в тексте многократно, но вот как говорится о А.Д. Нечволодове:

«А тут, в ста саженьях, стоял непозванный, ненужный, забытый слуга престола. В слабых дальних отсветах не было достаточно видно его лицо, но можно было развидеть напряжёнными глазами рослую прямую фигуру, а при руке опущенной – пенёк или парковый столбик.

И похоже было, что Нечволодов опирается на меч. Бездействующий. Не веленный к бою. Воткнутый в землю. **Уже пришла !** – и охватила! И стоял против неё готовный рыцарь. Но – не звали его на помощь. Да и сам меч его был в землю врыт, и никакой руки не хватило бы вытащить его. А если б и вытащить – так сгнил он остриём»<sup>96</sup>.

---

<sup>95</sup> О-16, кн. 2. С. 431.

<sup>96</sup> Там же. С. 438.

Выделенное автором словосочетание «уже пришла» относится, конечно же, к революции. И этот верный слуга престола оказывается одним из немногих, кто замечает ее приход. А.Д.Нечволодов по своим убеждениям явный и глубоко искренний монархист, преданный слуга трона (его взгляды отчасти близки к позиции Ольды Андозерской). С грустью говорит он о том, что в настоящее время наступила раздолье всем, кто придерживается «левых» взглядов, потому что «в ход идет все, что расшатывает престол». Также он осуждает деятельность Государственной Думы, которая открыто призывает не подчиняться министрам во время войны. По мнению генерала, кадеты и другие партии стремятся только к власти и используют сложившуюся ситуацию в своих интересах: не столько боятся того, что правительство проиграет войну, скорее – того, что выиграет, но без их участия. В его представлении «лига образования» не имеет этого самого образования, а кричит только о революции. Да и о каком образовании идет речь, если большая часть населения России еще этим образованием не обладает, а значит, их интересы «лига» выражать не может.

Также он подвергает критике современную либеральную печать, как русские, так и западные газеты. Генерал подчеркивает, что со всех сторон ругают только власть и правительство, а ошибки и злоупотребления на более низких уровнях замечать не хотят, и даже не дают публиковать опровержения. В этот момент разговора Воротынцев отчасти готов принять его позицию: он соглашается, что это не совсем справедливо. Более того, из-за сложившегося положения вещей народ из газет узнает не объективную картину вещей, а в освещении злопыхателей, настроенных враждебно к этой стране. Единственное утешение, которое остается, – что в большинстве своем народ просто не читает газет, но тут возникает опасность другая, ведь он легко верит слухам. Помимо этого, генерал настаивает на роспуске Думы, считая, что в ней нет никакого смысла, что она заполнена столичными адвокатами, которые требуют чудовищных вещей: «министров, которые бы отчитывались только им, – то есть нарушить основные законы государства.

Амнистии террористам и революционерам – то есть распустить на свободу врагов государства, чтоб могли заново приниматься. Да ещё: чтоб в обход Думы не установили ни малейшего закона. А они – любой закон в болтовне утопят»<sup>97</sup>.

Конечно, Воротынцев уже не может с такими радикальными мерами согласиться – он боится, что с роспуском Думы будет еще больше волнений. Но Нечволодов уверен, что это трусость, и что нужно быть радикальными, не боясь вызвать революцию. Кроме того, мы знаем, что он считает (и это мнение, конечно же, разделяет сам А.И. Солженицын), что революция *уже пришла*, и что бороться с ней уступками – это гибельный ход. И роспуск думы – это первый шаг, чтобы выйти из нее. Вероятно, в этом моменте позиция автора оказывается ближе всего не к точке зрения Воротынцева, а к позиции его собеседника (или колеблется между двумя равновесными полюсами). И Воротынцев, сопоставив слова Нечволодова со всем услышанным от Гучкова, тоже чувствует приближение революции.

Критикуя «левых», Нечволодов не прощает и «правых»: он считает, что правых у нас в стране толком и нет, они глупы или запуганы, боятся выказать свои истинные взгляды. И что он готов причислять себя даже к «черносотенцам» - это выражение на самом деле изначально происходит от черной сотни монахов, отстоявших от поляков Троице-Сергиеву лавру, а потом так называли людей, вышедших в 1905 году на защиту власти. Генерал скорбно замечает, что тогда их были тысячи, а сейчас не наберется даже верной престолу сотни.

Как и другие близкие по духу офицеры, Нечволодов разделяет позицию Воротынцева в том, что страна находится в ужасном состоянии, только вот причины у этого они видят разные: Нечволодов считает, что страну разрушила не война, а «левый дух». Что еще перед войной Россия уже была расшатана революционерами, их идеями и практическим террором. А честные люди до сих пор боятся что-то этому противопоставить, вся

---

<sup>97</sup> О-16, кн. 2. С. 434.

интеллигенция и профессура ругает царя, нельзя вымолвить ни слова в защиту православия, чтобы не быть освистанным. Страна находится под влиянием «бесов», предсказанных Достоевским, которых никто не замечает. Все находятся в каком-то помутнении: «Появилась кучка пляшущих рожистых бесов – и взбаламутила всю Россию. Тут есть какой-то мировой процесс. Это – не просто политический поворот, это – космическое завихрение. Эта нечисть, может быть, только начинается с России, а наслана – на весь мир?»<sup>98</sup> Генерал настаивает, что Россия находится в духовном капкане и окутана тремя заразами: «спорить с левыми – черносотенство, спорить с молодёжью – охранительство, спорить с евреями – антисемитизм»<sup>99</sup>.

На протяжении всего разговора с генералом Нечволодовым и особенно ближе к концу его Воротынцев видит в нем единомышленника. Да и сам генерал предлагает объединяться, как бы подразумевая, что они уже вместе, за одно. Но к самому концу беседы их единство разрушается: весь свой план по спасению России Нечволодов сводит к слепой поддержке монархии. И тут Воротынцев не может с этим согласиться, он настаивает на любви зрячей – как мы уже знаем, многое из того, что случилось со страной, полковник вменяет в вину «этому царю» и простить его уже не может. Нечволодов же стоит на патриархальных представлениях о том, Государь и Россия едины, что Царь – это Помазанник Божий, и не нам дано осмыслить его действия.

Одним из тех немногих офицеров, которые готовы хотя бы отчасти «внять» воротынцевской позиции, оказывается генерал-майор Сергей Марков, в дальнейшем, как мы знаем, ближайший соратник Деникина. Родство с ним ощущает и сам Воротынцев, называет его «близким понятным своим двойником», который так же обеспокоен судьбой русской армии, как и он сам. Именно поэтому полковник позволяет себе перед мягким офицером высказать все свои крамольные идеи, несмотря на то, что тот не всегда

---

<sup>98</sup> О-16, кн.2. С. 436.

<sup>99</sup> Там же. С. 435.

разделяет их: «Но с Марковым и разногласия напиткивали каким-то удовлетворением. Надеждой. Свой»<sup>100</sup>

Георгий Воротынцев осторожно высказывает Маркову свои излюбленные идеи – о бессмысленности войны и необходимости срочного выхода из нее, о том, что союзники нас обманывают, что территориально эта война нам практически ничего не сулит, да и России не нужны новые территории. Поводом для этого служит фраза Маркова следующего содержания: «Слишком много стали болтать „война до победы”. А вот – как эту победу теперь взять?»<sup>101</sup> В ходе разговора выясняется, что для Маркова война «до конца» подразумевает почетный мир, а значит – пройти весь этот путь до конца с союзниками. И здесь тема союзников в Первой мировой войне разворачивается с новой силой: для Маркова первостепенной задачей оказывается честь России – именно поэтому она не может сейчас отказаться от своих обязательств перед союзниками даже во благо себе. Воротынцев тоже думает о чести России, но, по его мнению, она сейчас заключается в другом: что впору уже спасать не союзников, а внутреннюю Россию. На это его мягкий собеседник отвечает: – Георгий Михалыч, ну что толковать о несбыточном? Конечно, мы легче бы перенесли революцию, если бы не было войны. Но она – есть, она-то и давит нас<sup>102</sup>.

Полковника очень расстраивает, что он не может убедить даже человека, который, как и он, горит только одним желанием – блага России. Он согласен, что выход из войны – это позорное пятно, которое ляжет на Россию, но считает, что оно не навечно. Генерал Марков же абсолютно убежден, что союзники не только морально не простят Российской Империи такой вины, но и будут физически мстить: прервут техническое и материальное снабжение, интернируют бригады во Франции, и, возможно, даже прямо пошлют на Россию войска.

---

<sup>100</sup> А-17, кн. 2. С. 33.

<sup>101</sup> М-17, кн. 3. С. 603.

<sup>102</sup> А-17, кн. 2. С. 33-34.

Сначала генерал-майор старался уклониться от этого спора, но постепенно все больше в него втягивается, отвечает уже менее спокойно, горячее. Он предлагает разобрать различные гипотетические варианты разворачиваемых событий: если Россия выйдет из войны, и союзники победят Германию – то они могут пойти войной на Россию; если же, благодаря выходу России из войны, победит Германия, то она может превратить их в рабов и поставить чудовищные условия. Воротынцев понимает, что всех вариантов развития событий предсказать невозможно, но в случае завершения войны есть много гипотетических опасностей, а сейчас, продолжая военные действия, есть вполне реальная опасность потерять Россию. Для убеждения он прибегает к народным высказываниям (один из любимых приемов А.И. Солженицына), цитирует поговорку: соломенный мир лучше железной драки. Но Маркову, настоящему профессиональному офицеру, очень сложно принять такой вариант:

– Недовоёванная война! – это что? это значит – через несколько лет снова война. Значит, с порога – новая гонка вооружённых сил.

– В нашем сегодняшнем – этим уже не испугаешь. Хуже – не будет.

– А если Германия – да вдруг помирится с Англией и Францией – за счёт нас? За счёт нас – почему бы им не помириться? И – дели нас, бери кто хочешь, со всех сторон<sup>103</sup>.

Маркова пугает еще один аспект в их разговоре: он опасается, что Георгий призывает его прекращать войну и участвовать в этом вместе с Лениным, ведь лозунг «Кончать войну!» ассоциируется именно с ним. Но Воротынцев предлагает более дальновидный вариант – кончать войну не вместе с социалистами, а еще раньше. Этот лозунг, брошенный в солдатской среде, уже нельзя потушить: он захватил умы, и единственный способ ему противостоять – попытаться им управлять и направить в нужное русло. Его необходимо перехватить: Ленин призывает прямо к гражданской войне, а нужно призывать к прекращению войны – для спасения России. Воротынцев

---

<sup>103</sup> А-17, кн. 2. С. 108.

предлагает стянуть все отделяющиеся национальные части – и на ходу сделать новую армию, чтобы та держала узловые части фронта. Услышав довольно разумные со стратегической точки зрения предложения (а читатель все время помнит, что полковник Воротынцев – блестящий стратег), Марков медленно, но сдвигается им навстречу. Разговор завершается тем, что он предлагает поговорить с Деникиным, а потом идти вдвоем на доклад к генералу Алексееву. Но Воротынцев и здесь оказывается не согласен: считает, что лучше всего воспримет это А.Гучков.

Воспитанный образцовым офицером, полковник снова ощущает свои нестандартные для военного человека мысли как некое предательство. Он понимает, что в условиях военного времени желать срочного заключения мира – это значит, желать своей стране поражения и отступления. Когда в приказе он видит следующую строку «кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник отечеству, предатель его»<sup>104</sup>, эта фраза затрагивает больную струну в его сердце. Но несмотря на эти сомнения, он все равно остается уверен, что для блага России нужно было не вступать в эту войну, а теперь – срочно из нее выходить. В эпосе многократно подчеркивается мысль, что если бы Германия наступала на нас сама, тогда, действительно, вступление в войну было бы неизбежно, и ее цели – понятны каждому мужику. Тогда бы эта война стала в национальном сознании «Отечественной», то есть, оборонительной, народной. В истории России было много войн, где бессмысленно погибали наши люди, и Воротынцев приводит их в сравнение: «Нынешняя война – чем лучше хоть войн Анны Иоанновны? То напрягались посадить саксонского курфюрста польским королём. То бездарные миниховские походы на Очаков и Крым, 100 тысяч русских положили на юге за право только получить Азов со скрытыми укреплениями?! И при Елизавете гнали русскую пехоту помогать Англии и Нидерландам на Рейне. А зряшная бестолковая Семилетняя война – лучше,

---

<sup>104</sup> М-17, кн. 3. С. 602.

что ли? Зачем взяли на себя это европейское распорядительство – осаживать Фридриха, а плодами этих жертв и побед даже не воспользовались никак»<sup>105</sup>.

Во внутренних спорах с самим собой полковник ощущает себя именно как пошатнувшегося в своей вере, но предателем его назвать нельзя. Он как истинный интеллигент осознает свою вину перед народом и не отрекается от нее, но возлагает ее на всю интеллигенцию в целом, а также на правящий строй, особенно – на самого Государя:

«Да все мы, и дворяне, и образованные, – как мы плыли по России беспечно, и сколько ж мы в ней упустили, отчасти – всё доблестными нашими войнами.

Я – предатель? Да ведь мы все, и много раньше, и многократно – предали наш народ! И в эту войну мы его отдали – предали.

И вместе с вами, Государь...»<sup>106</sup>

Отправляясь на фронт, Воротынцев получил от Ольды «наказ» – искать «верных», то есть, людей, которые разделяют его взгляды. Но уже цельность самих этих взглядов Воротынцева после каждой встречи и спора с разумными и достойными офицерами постепенно разрушается. Нет, он не меняет кардинально свою точку зрения, не становится на чужую, но признает их право на существование и, более того, чувствует, что у них своя правда. Особенно это относится к генералу Нечволодову – всеми покинутому рыцарю, который, несмотря ни на что, остается стоять на страже отвергнувшего его трона. Воротынцев понимает, что у каждого из военных и политиков есть своя правда, но очень трудно понять, какая из этих «правд» больше всего нужна России:

«И Гучков – чтоб избежать революции. И Нечволодов в другую сторону – чтоб избежать революции.

Все думают врозь. Все тянут врозь. А Россия – ползёт по откосу»<sup>107</sup>.

---

<sup>105</sup> М-17, кн. 3. С. 604.

<sup>106</sup> Там же. С. 604.

<sup>107</sup> О-16, кн. 2. С. 441.

## Глава 2. Саня Лаженицын и интерпретация «толстовства» в ситуации войны

### § 1. Образ Сани Лаженицына в системе персонажей «Красного Колеса»

К персонажам, которые так или иначе организуют вокруг себя пространство «Красного Колеса», стягивая «нити» из разных концов к единому центру, наряду с полковником Воротынцевым, относится также Саня Лаженицын. Имя этого героя с прозрачной этимологией объясняется очень просто – его прототипом является отец писателя, который ушел из жизни еще до его рождения, но принимал участие в событиях Первой мировой войны. Саню нельзя однозначно отнести ни к реальным, ни к вымышленным персонажам. Услышать рассказы своего отца о пережитом на фронте А.И. Солженицын не мог. Случай уникальный – несмотря на то, что имеется реальный прототип, герой во многом является вымышленным. А.И. Солженицын слегка изменил имя персонажа, лишив его родовой фамилии, поскольку никак не мог достоверно знать какие-то ключевые его черты: вероятно, образ отца складывался из рассказов матери о нем. Таким образом, в эпопее, помимо всего прочего, предпринимается попытка реконструкции истории семьи писателя в период важных исторических событий.

А.Немзер в сопроводительной статье называет полковника Воротынцева и Саню Лаженицына лучшими выразителями двух поколений и двух жизненных сфер. По мнению исследователя, автор помещает их в особые сюжетные позиции, что позволяет скрыто соотносить их с другими персонажами: «Молодые» и «взрослые», «профессиональные» и «сторонние» реакции на начало Первой мировой, прихотливо распределенные меж многочисленными участниками и наблюдателями исторических событий, складываются в объемную трагическую картину, единство которой придают два центральных героя. Воротынцев выходит из августовского ада с ясным сознанием: если мы будем так воевать, Россия погибнет. Лаженицын идет на

войну, не представляя, что его там ждет. Горькая (и оказавшаяся ненужной) умудренность одного и светлая наивность другого, взаимно отражаясь и дробясь в отражениях дополнительных, заставляют читателя понять, что же все-таки случилось в Восточной Пруссии и почему поражение одной армии (формально рассуждая, отнюдь не фатальное для России – да и воевали мы потом с переменным успехом больше трех лет) избрано писателем в качестве отправного пункта<sup>108</sup>.

Для раскрытия своей историософской концепции писателю необходимо показать, как меняются взгляды Сани Лаженицына на войне. Елена Орловская-Бальзамо, сравнивая историософию Солженицына с концепцией французского философа, историка, искусствоведа и писателя И. Тэна, замечает следующее: «вымышленные герои, так же как исторические лица, истинны в том смысле, что концентрируют в своем мышлении и поведении действительность своей эпохи — это не индивидуально неповторимые «характеры», а «типажи», «герои времени»<sup>109</sup>. Саня – первый из семьи крестьян Лаженицыных, кто получает образование и поступает в университет. Следовательно, он занимает промежуточное положение между интеллигенцией и народом, благодаря которому может быть отзывчив и к тому, и к другому слою. Кстати, многие знаковые герои у А.И. Солженицына занимают именно такое «промежуточное» положение, позволяющее им глубже и более разносторонне оценивать ситуацию. Например, как было показано в предыдущей главе, полковник Воротынцев чувствует свою близость и к простым солдатам, сидя вместе с ними в окопе на передовой, и вместе с высокопоставленными офицерами способен оценивать стратегические аспекты расположения войск.

А.И. Солженицын, следуя традиции Л.Н. Толстого, явленной им в романе «Война и мир», выводит в эпопее две семейных линии – отца и матери. В романе Л.Н. Толстого это Болконские и Ростовы (Марья Болконская

---

<sup>108</sup> А-14, кн. 2. С. 493.

<sup>109</sup> Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн. Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1996/7/orlov1.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/7/orlov1.html)

и Николай Ростов прототипами имеют родителей автора), в «Красном Колесе» же это семья Сани Лаженицына и семья Томчаков. Мать писателя, Таисия Щербак, выписана в романе под именем Ксеньи. В случае с образом матери в книге писатель поступает примерно так же, как и с линией отца – меняет имя героини и фамилию ее рода, но сохраняет созвучие и узнаваемость (Щербак-Томчак). Несмотря на это, семейная линия Томчаков показана А.И. Солженицыным с большой степенью достоверности (и вообще – показана больше), чем семья Лаженицыных, поскольку он опирался на собственный опыт знакомства с членами семьи.

Сопоставление с семейными линиями в романе Л.Н. Толстого, представленное выше, оказывается совсем не случайным: именно через образ Сани Лаженицына писатель вводит в эпопею толстовскую линию, вступает в полемику с ним. Этот пласт «Красного Колеса», диалог с крупнейшим своим предшественником на поприще исторического и эпического повествования, является очень важным для понимания авторской концепции, в особенности, для обнаружения историософских взглядов писателя, которые не могут не влиять на восприятие Первой мировой войны в целом. Дональд У. Тредголд в статье «Интеллектуальные предшественники Солженицына» утверждает, что желание сопоставить «Август Четырнадцатого» с «Войной и миром» возникает неизменно: «И там, и здесь речь идет о войне, ставшей важнейшей вехой в русской истории, и там, и здесь центральные персонажи становятся свидетелями ключевых событий этой истории, наконец, оба автора писали о последней большой войне перед той, на которой пришлось сражаться им самим»<sup>110</sup>.

Но А.И. Солженицын – не единственный писатель XX века, который обращается к наследию Л.Н. Толстого, следуя по пути широкомасштабного исторического обобщения. Л.Н. Толстой создал мощную эпическую традицию, и многие авторы, как русские, так и зарубежные, ставившие своей

---

<sup>110</sup> Тредголд, Дональд. Интеллектуальные предшественники Солженицына // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. – М.: Русский путь, 2010. С. 246.

целью изображение крупных исторических событий в жанре романа-эпопеи, не могли обойти своего предшественника. Один из самых ярких примеров – сербский писатель Добрица Чосич, в творчестве которого вообще можно обнаружить множество оснований для сопоставления с эпопеями «Красное Колесо», одно из которых – как раз обращение к историософии Л.Н. Толстого, явленной в романе «Война и мир». Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров.

В романе «Время смерти», также посвященном событиям Первой мировой войны, отсылки к «Войне и миру» постоянно присутствуют в репликах героев как источник общечеловеческой правды и способ сопоставить сербскую военную ситуацию с Отечественной войной 1812 года. Один из персонажей, Бора Валет из Студенческого батальона, напрямую ссылается на текст русского писателя: «...я ждал сигнала к атаке и смотрел на неприятельские костры. Это напоминает ночь в канун Бородинского сражения. Отец, который наизусть знает «Войну и мир», будет громко смеяться, дед поперхнется на этой фразе. Но это правда»<sup>111</sup>. Вообще в романе Д. Чосича многие герои, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, читают эпопею Л.Н. Толстого: от простых солдат до генералов. Так, генерал Живоин Мишич, один из центральных образов, перед наступлением также просит профессора Зарию почитать ему что-то из «Войны и мира», чтобы почерпнуть оттуда мудрости. Простые солдаты в окопах тоже читают этот роман, но их интересует в книге иное – они ищут утешения. К сожалению, они далеко не всегда находят его. Например, услышав, что сербские солдаты кричат от боли, герои Чосича не могут вспомнить, чтобы они читали об этом в «Войне и мире». И также не все из них могут поверить, что умирающего Болконского волновала бескрайняя голубизна неба. Но тут они не совсем справедливы к русскому классику: в «Войне и мире» есть и страдание, и ранения, достаточно вспомнить знаменитую сцену ампутации ноги Анатоля Курагина.

---

<sup>111</sup> Чосич Д. Время смерти: Роман. - М., 1985. С. 648.

Переклички можно обнаружить и на уровне символическом, в романе «Время смерти» есть отсылки к самым распространенным образам-символам из «Войны и мира» - знаменитому дубу и небу над Аустерлицем. В отличие от А.И. Солженицына, сербский писатель не вступает в полемику с Л.Н. Толстым напрямую, но их философия истории все же во многом различна.

М.Шолохов в своем романе-эпопее «Тихий Дон» также обращается к Л.Толстому и его бессмертной книге, пусть и единожды, мимоходом. Упоминание романа можно найти в дневнике, найденном Григорием Мелеховым при убитом казаке: «У Толстого в «Войне и мире» есть место, где он говорит о черте между двумя неприятельскими войсками – черте неизвестности, как бы отделяющей живых от мертвых. Эскадрон, в котором служил Николай Ростов, идет в атаку, и Ростов мысленно определяет эту черту. Мне особенно ярко вспомнилось сегодня это место романа потому, что сегодня на заре мы атаковали немецких гусар... С утра их части, превосходно подкреплённые артиллерией, теснили нашу пехоту. Я видел, как наши солдаты, - кажется, 241-й и 273-й пехотные полки – бежали панически. Они были буквально деморализованы в результате неудачного наступления, когда два полка без артиллерийской поддержки пошли в наступление и были сбиты огнем противника и уничтожены чуть не на треть состава».<sup>112</sup> В этом фрагменте очевидно, что герой М.Шолохова так же, как и солдаты в Сербии, ощущает потребность вписать себя в некий контекст, провести историческую параллель с событиями 1812 года, сравнить их. Как мы видим, совсем миновать своего великого предшественника автор «Тихого Дона» не мог, хотя и нельзя сказать, что на страницах своей книги М.Шолохов ведет с ним постоянный диалог.

Ученые отмечают, что Толстой присутствует во многих произведениях А.И. Солженицына: где-то на уровне аллюзий, где-то цитируется, а в эпопее «Красное Колесо» Л.Н. Толстой не только незримо присутствует на уровне

---

<sup>112</sup> Шолохов М. Тихий Дон. – М.: Художественная литература, 1985. Т.1. С. 282.

идей и высказываний других героев, но и введен в повествование. Правда, это не совсем полноценный персонаж: он не может существовать отдельно от Сани Лаженицына, юного толстовца, который встречается со своим учителем в Ясной Поляне. Вернее было бы сказать, что этот образ, который в большей степени существует в его сознании, в форме воспоминания о встрече.

В одном из интервью писатель отмечал: «Между прочим, мой отец после гимназии действительно ездил к Толстому, так что этот визит у меня не придуман. Но поскольку я отца своего никогда не видел, то и о чем он говорил с Толстым — не знаю. Я весь разговор пытаюсь воссоздать, своему отцу вкладываю свое мнение»<sup>113</sup>. Вероятно, здесь с большой долей уверенности можно говорить, что через позицию героя Сани Лаженицына выражается точка зрения самого писателя. Календарно эта встреча не укладывается в рамки «повествования в отмеренных сроках», но, как мы знаем, писатель иногда позволяет себе нарушить целостность описываемого временного отрезка. Саня вспоминает о встрече с писателем, когда едет в поезде в Москву, чтобы стать добровольцем. Четыре года назад, тоже на поезде, он отправился к своему кумиру в Ясную Поляну. Толстой показан в восприятии мальчика-гимназиста, обожествляющего его: «И — кто-то мелькал по этим аллеям, шёл довольно бодро. Саня спрятался за толстую липу, выглядывал. И увидел — Седоволосого, Седобородого! в длинной рубахе с пояском. Ниже ростом, чем ожидал, но так похожего на свои изображения, что хотелось головой тряхнуть, от миража. Толстой шёл с палкой, смотрел в землю. Один раз упнулся палкой, остановился и едва ли не минуту неподвижно смотрел в одно и то же место, в землю. Опять пошёл. Он попадал головой то в густую утреннюю тень, то под солнечный свет — и тогда голова его, в обхвате парусинового картуза, вспыхивала как нимбом»<sup>114</sup>. В этой главе писатель называется «Великим», «Пророком», «Саваофом», «Самим». Этими словами-обращениями подчеркивается период

---

<sup>113</sup> Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Рондо... (1 ноября 1983) // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. — М., 2005. С. 368.

<sup>114</sup> А-14, кн. 1. С. 24.

Саниного обожания и увлечения толстовскими идеями. Но читатели со временем узнают, что Саня довольно скоро разойдется с толстовством. Заметим, что под толстовством здесь понимается целый комплекс религиозно-философских воззрений Л.Н. Толстого, опорными среди которых являются следующие: непротивление злу насилием и вообще отрицание всяческого насилия, в том числе, войны; буквальное толкование «Нагорной проповеди»; опрощение; вегетарианство; отказ от частной собственности и некоторые другие. Конечно, в контексте данной темы особенно А.И. Солженицына интересует отношение своего предшественника к войне и истории в целом.

По мнению Ричарда Темпеста, одной из литературных задач А.И. Солженицына было преодоление Толстого. И это преодоление показано именно через образ Сани Лаженицына. Исследователь выделяет три характеристики образа писателя в «Красном Колесе»: «Выведенный во второй главе «Августа Четырнадцатого» Толстой литературен, историчен, мифологичен. Литературен, ибо он персонаж художественного произведения. Историчен, ибо детали его речи, поведения, внешности и среды взяты из документальных источников и в силу этого обстоятельства исчисляемы и проверяемы. Мифологичен, ибо Саня, глазами которого мы видим Толстого, воспринимает владельца Ясной Поляны как личность, ориентированную на ряд культурных архетипов»<sup>115</sup>. Саня Лаженицын проходит долгий и трудный путь восприятия и преодоления Толстого. Сначала он для него кумир и Пророк, как мы попытались представить выше. Затем он уже может позволить себе сказать, что «он уже не чистый толстовец теперь». И, наконец, в «Октябре Шестнадцатого», перефразировав предыдущую формулировку, наш герой бросает: «И — не толстовец. Уже».

Что же развело юного толстовца с его кумиром? Это можно узнать, обратившись к эпизоду, где Саня и его друг Котя в качестве добровольцев

---

<sup>115</sup> Темпест Р. Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М.: Рус. путь, 2005. С. 397.

отправляются на войну, и перед уходом из Москвы встречают профессора Варсонофьева по прозвищу Звездочет, прототипом которого, как известно, был русский философ П.И. Новгородцев. В самом начале эпопеи два молодых человека, охваченные энтузиазмом, добровольно уходят на фронт (как и многие другие герои произведений о Первой мировой войне, например, герои Э.М. Ремарка). Но если поступок героев западного автора вполне логичен и подготовлен агитацией учителей и наставников, то персонажей «Красного Колеса» А.И. Солженицына никто на это не толкает, кроме собственной совести. Более того, в самом начале «Августа Четырнадцатого» писатель намеренно акцентирует внимание на том, что в станице, из которой уезжает Саня, нет никаких признаков войны, из его семьи на службу никого не забрали – иными словами, не было никакого «знака войны». На таком фоне тем более странным представляется желание героя отправиться на фронт, но так или иначе, это решение он принимает сознательно: «И беззащитно почувствовал Саня, что эту войну ему не отвергнуть, не только придется идти на нее, но подло было бы ее пропустить – и даже надо поспешить добровольно. В станице не оспаривали и не обмысливали войну как событие, которое будто бы в наших руках, могло бы быть или не быть допущено. Войну и вызовы воинского начальника там все принимали как волю Бога, как снежный буран, как пыльную бурю. Но и добровольного ухода тоже взять в толк не могли бы»<sup>116</sup>. Из-за этого Сане приходится обмануть родных, не сообщив им причины своего отъезда.

Именно решение отправиться на войну запутывает героя в неразрешимых противоречиях, в которых разум расходится с чувствами: «Но если в противодействии мясу или танцам можно было всякий раз и от месяца к месяцу упражнять свою выдержку, то войны никто никогда и не предлагал, не хвалил, не манил ею, она казалась вовсе исключена в цивилизованный развитой век, – так некогда было к ней и подготовиться. Было усвоенное представление: война – грех. Без единой проверки легко было так считать.

---

<sup>116</sup> А-14, кн. 1. С. 21.

Но вот разразилась первая – и в раздольной безтревожной степи, под небом безтучным – засосало»<sup>117</sup>.

В своем желании идти добровольцем герой уже усматривает страшное предательство и измену толстовству, ведь, как известно, по мнению Л.Н. Толстого, «война есть противное человеческому естеству состояние». Но в начале первого Узла герой еще не до конца уверен в своем решении, он мечется, поэтому едет к своему другу Коте посоветоваться (и убеждает идти на войну вместе).

На перроне Саня встречает свою давнюю приятельницу Варю, и она, прочитав в нем его порыв, горячо бросается отговаривать героя. Но все ее аргументы только убеждают Саню в том, что он поступает правильно, поскольку не видит иного пути спасения для России. Создавая контраст, писатель подчеркивает, что та Россия, которая встретила Варю, в отличие от саниных мест, вся пропитана следами войны: «Всею долгой дорогой наблюдала Варя сопутствия войны: военные погрузки, проводы. Особенно на полустанках лихо выглядело русское прощание: под балалайку выплясывали запасные на утолченных площадках, взметая пыль, и что-то развязно кричали, видно пьяные, а родные крестили их, плакали по ним. Когда ж мимо товарного поезда запасных проносился другой такой же поезд – взлетало братское «ура-а-а!» из двух поездов и растягивалось, безумное, отчаянное, бессмысленное, на длину двух составов»<sup>118</sup>. Варя пытается уповать на то, что у Сани характер не подходит для войны, а в качестве последнего аргумента привлекает Толстого, который такого решения бы не одобрил, - на все юноша отвечает ей упорно одной фразой «Россию жалко». Боль за Россию и жалость к ней только укрепляют его позицию.

Когда Саня и Котя, записавшись добровольцами, гуляют по Москве, наслаждаясь ее видами и прощаясь с ней перед уходом на фронт, писатель снова акцентирует внимание на том, насколько в столице не ощущается

---

<sup>117</sup> А-14, кн. 1. С. 21.

<sup>118</sup> Там же. С. 19.

присутствие войны: «Но был и ещё оттенок в сегодняшнем обозрении Москвы: что как-то не очень она почувствовала войну, не ждала в ней рока. Если не знать о войне и не прищуриваться близко к объявлениям, кое-где расклеенным, не заметить команду из запасного полка, прошагавшую в баню, так пожалуй и не догадаешься вообще, что Россия уже четыре недели воюет: публики и экипажей с московских улиц несколько не отбыло, не потемнели ни лица, ни цвета одежд, так же весело пошумливали и красилась витринами торговля, разве только добавилось на улице военных, да кое-где флагов и портретов царя, не снятых после его недавнего пышного приезда в Москву»<sup>119</sup>. Тем самым А.И. Солженицын словно оттеняет позицию героев, их сомнения: не поторопились ли они с решением? Это еще одна проверка на прочность: из разоренной, рыдающей, страдающей Москвы было бы уходить на войну гораздо проще, чем из спокойной и радостной.

Интересно в эпопее проследить трансформацию взглядов молодого поколения бойцов, к которому как раз относятся Саня и Котя. В «Августе Четырнадцатого» очень большое значение для формирования взглядов героев имеет встреча с Варсонофьевым-Звездочетом. Она дает возможность сомневающимся героям еще раз поверить в правильность своего поступка. Варсонофьев пытается добиться от них, исходя из каких мотивов юноши отправляются на войну – патриотизма, социалистических или анархических взглядов. Но ни на одну из трех указанных позиций не получает утвердительного ответа. Выясняется, что один из них (Котя) чистый гегельянец, а другой – толстовец, хотя уже не чистый, а сомневающийся, к тому же, тяготеющий к народничеству. Варсонофьев успокаивает мальчиков, подтверждая, что идти на войну – это правильно. Вот как он комментирует свой ответ: «Доказать не могу. Но чувствую. Когда трубит труба – мужчина должен быть мужчиной. Хотя бы – для самого себя. Это тоже неисповедимо. Зачем-то надо, чтобы России не перешибли хребет. И для этого молодые

---

<sup>119</sup> А-14, кн. 1. С. 361.

люди должны идти на войну»<sup>120</sup>.

Прогноз Вари отчасти сбывается: Саня оказывается душевно не очень приспособлен для войны. Он не может представить, как можно убивать противника лицом к лицу, глядя в глаза, однако его сноровка и навыки выделяют его в ряду молодых бойцов. Поручик Лаженицын обладает определенным стратегическим чутьем, как и полковник Воротынцев: «И хотя уму и расчёту понятно было всегда, что отсюда легко просматриваются русские позиции, но только сам поглядев через бетонные смотровые щели, поразился подпоручик, до чего же мы невыгодно, голо, незащищённо стоим, как будто выполняем правила чужой войны»<sup>121</sup>. Подобная мысль, вскользь отмеченная в мыслях Сани, в исторической концепции «Красного Колеса» оказывается знаковой – она обращает нас к точке зрения полковника Воротынцева, который считает эту войну прямо вредной и пагубной для России и настаивает на том, что из нее нужно выходить.

Таким образом, первое и главное, что разводит героя с толстовством, – это само решение отправиться на войну. В процессе разговора с философом Варсоновьевым выясняется, что есть и еще одно обстоятельство, которое заставило Саню усомниться в позиции Толстого. Об этом спрашивает Звездочет, но Саня обдумывает ответ, не торопится отвечать. Тогда Котя, чтобы помочь другу, говорит за него – выясняется, что Саню и великого писателя разъединила телега:

– Да. Это, знаете, какой-то грамотный крестьянин послал Толстому письмо. Что, мол, государство наше – перекувырнутая телега, а такую телегу очень трудно, неудобно тянуть, так – доколе рабочему народу её тянуть? не пора ли её на колёса поставить? И Толстой ответил: на колёса поставите – и сразу в неё переворачиватели же и налезут, и заставят себя везти, и легче вам не станет. Но что ж тогда делать?<sup>122</sup>

Далее в процессе разговора оказывается, что ответ Толстого вызывает у

---

<sup>120</sup> А-14, кн. 1. С. 375.

<sup>121</sup> О-16, кн. 1. С. 13.

<sup>122</sup> А-14, кн. 1. С. 368.

Сани протест именно как у крестьянина (сближению с которыми Л.Н. Толстой так стремился):

– А вот, мол, что: бросайте вы к шутам эту телегу, не заботьтесь о ней вовсе! А – распрягайтесь и идите каждый сам по себе, свободно. И будет всем легко... – На Павла Иваныча, оборонительно: – И вот этого толстовского совета я, как тоже крестьянин, принять решительно не могу. В хозяйстве моего отца самую последнюю телегу я б ни за что так не бросил, непременно б её на колёса поставил. И вытянул бы хоть без волов, без лошадей, на себе. – Ещё проверил, не надоел? – А если телега эта означает русское государство – как же такую телегу можно бросить перепрокинутой? Получается: спасай каждый сам себя? Уйти – легче всего. Гораздо трудней – поставить на колёса. И покатить. И сброду пришатному – не дать налезть в кузов. Толстовское решение – не ответственно. И даже, боюсь, по-моему... не честно. – Виновато выговаривал, своё ничтожество понимая: – Вот это нежелание тянуть общую телегу – меня самое первое в Толстом огорчило. Нетерпеливый подход<sup>123</sup>.

Но дальше в ходе разговора выясняется, что это не единственное, что породило противоречия и несогласие в душе юного героя:

– Да например, если в Толстого вчитаться... Любовь у него получается не больше, как частное следствие ясного полного разума. Так и пишет, что учение Христа, будто, основано на разуме – и потому даже выгодно нам. Вот уж нет... Как раз наоборот, по-земному христианство совсем не разумно, оно даже безрассудно. Это в нём и... и... Что чувство правды выше всякого земного расчёта!<sup>124</sup>

К этому разговору о позиции Толстого и христианстве герой вернется намного позже, когда уже «испробует» на себе войну. Это произойдет во время беседы с отцом Северьяном, о которой речь пойдет ниже.

---

<sup>123</sup> А-14, кн. 1. С. 368.

<sup>124</sup> Там же. С. 367-368.

## § 2. Философия истории: А.И. Солженицын и Л.Н. Толстой

Введение Л.Н. Толстого в эпопею как на уровне персонажа, так и на идейном уровне важно для понимания философии истории обоих писателей. Существует огромное количество подходов к восприятию истории. Можно воспринимать ее линейно, летописно или как «смену формаций» (последнее было наиболее характерно для историков советского периода), а можно ставить в центр ее осмысления проблему соотношения человека и нации в историческом развитии. Тогда речь идет уже о философии истории. А.И. Солженицын говорил: «Между личностью и нацией сходство самое глубокое, - в мистической природе нерукотворности той и другой»<sup>125</sup>. По мнению А.Климова<sup>126</sup>, в основе исторической концепции Солженицына лежит глубинное онтологическое противоречие, вытекающее из неразрешимой антиномичности двух видений: открытости истории делаемой и необратимости истории свершившейся. Как мы знаем, в процессе повествования Солженицын намечает вехи, после которых началось «сползание» России к революции, и проводит связь этих событий с дальнейшим ходом истории. Л.Н. Толстой же всячески отвергал какие-то рациональные, обусловленные волей человека обоснования и предпосылки крупных исторических событий. Опровержение подобного понимания обнаруживает у А.И. Солженицына уже названный исследователь «Красного Колеса» А.Е.Климов. Он считает, что в таких эпизодах, как убийство Столыпина, нет мысли о предопределенности российской истории, а наоборот, утверждается, что убийство можно было предотвратить, если бы профессиональный уровень службы безопасности отвечал минимальным стандартам. Таким образом, неправомерно приписывать эту трагедию чистой случайности или действию некоей непостижимой судьбы. Столыпин гибнет не потому, что ему суждено было умереть, а «от совокупности

---

<sup>125</sup> Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. Режим доступа: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/05.html>

<sup>126</sup> Климов А.Е. Тема исторической предопределенности в «Августе Четырнадцатого» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск, 2005.

близоруких, безответственных, трусливых или прямо вредительских поступков»<sup>127</sup>. Но при этом Варсонофьев, который является одним из самых авторитетных героев «Красного Колеса» в философском аспекте, проводит линию, где настаивает на иррациональности истории, невозможности исправить ее разумом:

«История, — покачал вертикальной длинной головой, — не правится разумом.

Вот! Вот ещё! Саня вбирал, Саня и руки сложил, улавливая:

— А — чем же правится история?

Добром? любовью? — что-нибудь такое сказал бы Павел Иванович, и связалось бы слышанное от разных, в разных местах, — как хорошо, когда совпадает!

Но нет, не облегчил Варсонофьев. Ещё по-новому отсек:

— История — **иррациональна**, молодые люди. У неё своя органическая, а для нас может быть непостижимая ткань.

<...>

— История растёт как дерево живое. И разум для неё топор, разумом вы её не вырастите. Или, если хотите, история — река, у неё свои законы течений, поворотов, завихрений. Но приходят умники и говорят, что она — загнивающий пруд, и надо перепустить её в другую, лучшую, яму, только правильно выбрать место, где канаву прокопать. Но реку, но струю прервать нельзя, её только на вершок разорви — уже нет струи. А нам предлагают рвать её на тысячу сажень. Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струи.

— Так что ж, ничего и предлагать нельзя? — отдувался Котя. Устал он.

Саня мягко положил руку на рукав Варсонофьеву:

— А — где же законы струи искать?

— Загадка. Может быть, они нам вовсе недоступны, — не обрадовал

---

<sup>127</sup> Климов А.Е. Тема исторической предопределенности в «Августе Четырнадцатого» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В.Урманова. — Благовещенск, 2005. С. 19

Варсонофьев, вздохнул и сам. — Во всяком случае — не на поверхности, где выключает первый горячий умок. — Опять поднял крупный палец как свечу:— Законы лучшего человеческого строя могут лежать только в порядке мировых вещей. В замысле мироздания. И в назначении человека»<sup>128</sup>.

Этот эпизод очень важен для понимания концепции истории у А.И. Солженицына: писатель еще на ранней стадии осуществления творческого замысла подчеркивал, что его задача заключается не в создании авторской версии революционных событий, а в художественно-документальной реконструкции подлинной истории. Этот процесс должен был выявить во всем подлинном объеме механику действия глобальных исторических и надисторических законов, объективных факторов и таинственных мистических сил. Как известно, по Толстому — отдельные личности в истории практически ничего не значат (это можно проследить в образе Кутузова в «Войне и мире», который все время ощущает над собой высшую силу, гораздо более сильную, чем его человеческая воля). Зарубежный исследователь творчества Солженицына, Дональд У. Тредголд называет «Август Четырнадцатого» анти- «Войной и миром» как раз потому, что там развенчивается историческая концепция Толстого: «Август Четырнадцатого» показывает, как личность может менять ход событий — несмотря на все глубинные причины поражения русских войск, по крайней мере в первых великих битвах Первой мировой, причины, которые Солженицын вовсе не замалчивает»<sup>129</sup>. История, теперь уже по Солженицыну, все-таки до определенной степени развивается благодаря поступкам и желаниям личности, но одновременно и влияет на нее, подминает под себя или в отдельных случаях обогащает. Писатель раскрывает перед читателем очень редкий и интересный уровень: он наблюдает, как то, что воспринимается потомками как исторический факт, могло преломляться в душах и сознании его вершителей (например —

---

<sup>128</sup> А-14, кн.1. С. 374-375

<sup>129</sup> Тредголд, Дональд. Интеллектуальные предшественники Солженицына // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. — М.: Русский путь, 2010. С. 246.

убийство П.А. Столыпина в восприятии Богрова или самого премьер-министра). Иными словами, писатель до некоторой степени оспаривает знаменитый тезис о том, что история не терпит сослагательного наклонения. Он предлагает взглянуть на это иначе. Если смотреть на нее ретроспективно, из настоящего в прошлое, то это именно так, но вот если окинуть взглядом историю как бы «параллельно» с ней, глазами очевидцев, живущих в то время, то выясняется, что в истории России было несколько моментов, когда она могла пойти по одному из альтернативных путей развития. И именно они и стали точками бифуркации русской истории и узловыми точками «Красного Колеса».

В своих представлениях об истории Л.Толстой был фаталистом: все происходящее с человечеством, по его мнению, — реализация неумолимого закона исторической необходимости. Только в частной жизни люди вполне свободны и потому несут полную ответственность за свои поступки. Не считая человеческий разум силой, способной влиять на ход истории, писатель пришел к убеждению, что «бессознательная» историческая деятельность людей гораздо эффективнее осознанных, рассудочных поступков. Конечно, в историсософской концепции А.И. Солженицына также есть некий мистический (или онтологический) уровень осмысления крупнейших исторических событий, и он является высшим: лучшие герои писателя как раз обладают особым «чутьем» к истории (генерал Самсонов перед смертью, полковник Воротынцев «под звездами»). Но и роль личности в истории не отрицается, а признается ее величина: это особенно очевидно при обращении к фигуре П.А. Столыпина — по мнению А.И. Солженицына, если бы был жив премьер-министр, то он бы предотвратил войну, не допустил таких ошибок во внешней политике; следовательно, убийство Столыпина — косвенная причина Первой мировой войны.

Важно, что и Л.Н. Толстой, и А.И. Солженицын рассматривали тему исторической ответственности каждого человека и нации в целом на примере войны: один из писателей — войны 1812 года, второй — Первой мировой.

В «Красном Колесе» можно выделить несколько способов введения полемики с Толстым. А.И. Солженицын спорит с ним на уровне самой концепции истории в эпопее, вступает в полемику с толстовским пониманием истории. Второй способ ведения спора – с помощью введения персонажа-«толстовца» Сани Лаженицына, который меняет свои взгляды, оказавшись на войне. Кроме того, Солженицын иногда позволяет себе почти открытую полемику с Толстым, выступая от собственного имени и вводя реплики в скобках, которые, как правило, являются маркерами авторского голоса в повествовании. Например, в следующем фрагменте: «...Не позволяя себе ни взмаха выдумки, коль можно точно собрать и узнать, держась к историкам ближе, а от романистов подальше, разведём руками и заверим единожды тут: так худо сплошь мы б не осмелились придумывать, для правдоподобия распределяли бы в меру свет и тень. Но с первого же сражения мелькают русские генеральские знаки как метки непригодности, и чем выше, тем безнадёжней, и почти что не на ком остановить благодарного взгляда, как на Мартосе. (И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, – да слишком много раз показал нам XX век, что именно они)<sup>130</sup>. В данном отрывке еще раз подчеркивается разногласия двух писателей в вопросе влияния крупных личностей на ход истории.

Но Саня Лаженицын – хоть и главный, но не единственный персонаж «Красного Колеса», с помощью которого в эпопею вводится «толстовская тема». Одним из примеров может послужить генерал Благовещенский. Интересно, что уже сам краткий конспект главы в конце книги обращает наше внимание на идеи Л.Н. Толстого: «теория Льва Толстого, проверенная на генерале Благовещенском». Этот герой не только сопоставляется внешне с одним из центральных исторических персонажей «Войны и мира», но и демонстрирует, насколько губительной может быть позиция

---

<sup>130</sup> А-14, кн. 1. С. 349.

«невмешательства» в случае с высокопоставленным военным лицом:

«Генерал Благовещенский читал у Льва Толстого о Кутузове и сам в 60 лет при седине, полноте, малоподвижности чувствовал себя именно Кутузовым, только с обоими зрячими глазами. Как Кутузов, он был и осмотрителен, и осторожен, и хитёр. И, как толстовский Кутузов, он понимал, что никогда не надо производить никаких собственных решительных, резких распоряжений; что *из сражения, начатого против его воли, ничего не выйдет, кроме путаницы; что военное дело всё равно идёт независимо, так, как должно идти, не совпадая с тем, что придумывают люди; что есть неизбежный ход событий и лучший полководец тот, кто отрекается от участия в этих событиях*. И вся долгая военная служба убедила генерала в правильности этих толстовских воззрений, хуже нет высказывать с собственными решениями, такие люди всегда ж и страдают»<sup>131</sup>. Общий смысл этой небольшой главы показывает, что политика, выбранная этим генералом, стала одной из множества фатальных ошибок начала Первой мировой войны, приведших к Самсоновской катастрофе.

Кроме того, А.И. Солженицын в «Красном Колесе» вступает в полемику с Толстым как бы с позиций П.А. Столыпина. Мы не раз подчеркивали, что писатель очень высоко ставил деятельность премьер-министра и считал, что реформенная политика, предлагаемая П.А. Столыпиным, привела бы страну к процветанию, а сам министр, если бы был жив, не допустил войны. Современникам были известны разногласия между премьер-министром и автором «Войны и мира»: Л.Толстой даже слал министру гневные письма с критикой его реформенной политики. Одним из главных «камней преткновения» П.А. Столыпина и Л.Н. Толстого был вопрос отношения к земле: писатель был ярким противником частной собственности и призывал всех от нее отказаться, а Столыпин, наоборот, был уверен в том, что именно наличие собственной земли – залог богатства крестьянина и основа укрепления государства. А.И. Солженицын, вне

---

<sup>131</sup> А-14, кн. 2. С. 34.

всякого сомнения, в этом споре стоит на позиции П.А. Столыпина (об этом подробнее говорится в главе, где речь идет о народной точке зрения и отношении премьер-министра к крестьянству).

В «Красном Колесе» А.И. Солженицын одной из своих художественных задач ставил последовательное расхождение с толстовской позицией и полемику с ним, продемонстрированные на разных уровнях текста: от системы персонажей до прямых высказываний об историсофской концепции своего предшественника. Но не все ученые считают, что А.И. Солженицыну в эпопее удалось показать кардинальную разницу их позиций с Л.Н. Толстым, поскольку в некоторых аспектах эти точки зрения все же отчасти совпадают. Так, в своей работе «После Льва Толстого» Я.С. Лурье делает вывод, что, несмотря на несогласие Солженицына с историсофскими взглядами Толстого, текст «Красного Колеса» подтверждает толстовское понимание истории как некой непостижимости стихийной силы, не подлежащей влиянию отдельной человеческой личности<sup>132</sup>. С этим отчасти соглашается А.Е. Климов: «В тексте «Августа», действительно, можно найти эпизоды, окрашенные в фаталистические тона, что противоречит явному осуждению Солженицыным толстовского толкования истории»<sup>133</sup>. Ричард Темпест считает, что Солженицын, действительно, до определенной степени следует за Толстым в своем видении хаотичности, непредсказуемости и текучести боевых действий на тактическом уровне – уровне окопа, штыковой или конной атаки. Но если для Толстого фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений, то для А.И. Солженицына история представляет собой результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих волей. Таким образом, то, что можно было бы назвать «фатализмом» А.И. Солженицына, совершенно иного свойства, чем у Л.Н. Толстого, и отождествлять их

---

<sup>132</sup> Лурье Я.С. После Льва Толстого. – СПб., 1993. С.138-139.

<sup>133</sup> Климов А.Е. Тема исторической предопределенности в «Августе Четырнадцатого» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В.Урманова. – Благовещенск, 2005. С. 17.

историософские концепции было бы не совсем корректно по отношению к обоим писателям.

### **§ 3. Саня Лаженицын и отец Северьян: толстовское осмысление войны в свете христианства**

На протяжении эпопеи Саня Лаженицын все больше и больше порывает с толстовством. Обращаясь к сознанию этого персонажа, как было сказано выше, А.И. Солженицын вступает в полемику со взглядами своего литературного предшественника. Один из самых крупных таких эпизодов – разговор Сани с отцом Северьяном. В этой точке легче всего обнаруживается позиция автора: с одной стороны, Саня и отец Северьян сталкиваются в споре, но с другой – оба выступают с критикой толстовского понимания христианства. Устами Лаженицына писатель упрекает Л.Н. Толстого в категоричности: он отвергает все то, на чем строится вера простого народа. Иными словами, отрицает обрядовую сторону православия. Это находится у героя «Красного Колеса» в противоречии, ведь на всем этом он вырос, видел в своей семье. В частности, писатель отвергал крест как символ, запрещал поклоняться ему как чему-то священному, а для Сани это было очень важно: Как говорится, могила без кадила – чёрная яма. А тем более без креста. Без креста? – я и христианства не чувствую.

<...>

– Одно время пытался я, по Толстому, запретить себе креститься. Так не могу, сама рука идёт. Во время молитвы не перекреститься – молитва как будто неполная. Или когда вот смерть свистит-подлетает – рука ведь сама крестится. В этот момент что ещё естественней сделать на земле, может быть последнее?... Такое ощущение, будто креститься меня не учили, а – ещё до моего рождения было во мне<sup>134</sup>.

Отец Северьян считает, что Л. Толстой вообще не был христианином. Священник рассматривает его знаменитый роман «Война и мир» и приходит к мысли, что в тяжелое время у него на все четыре тома там никто, кроме

---

<sup>134</sup> О-16, кн. 1. С. 55.

княжны Марьи, не молится. По мнению отца Северьяна, Л. Толстой, в отличие от Пушкина, не столько «вышел из православия», сколько в него и не входил. Но тут Саня, вероятно, еще не до конца разошедшийся со своим кумиром, вдруг вступает в спор, утверждая, что Толстой настаивал на чистом толковании христианства и применении евангельских заповедей к простой жизни. На что священнослужитель отвечает ему, что он выбросил из Евангелия две трети в своем притязании на упрощение всего, и что критика Толстым церкви пришлась очень к месту дворянской публике. Священнослужитель подчеркивает, что Л. Толстого «заела гордость»: он не захотел наряду со всеми войти в общую веру, не захотел усмирить себя, а ведь гордыня – это один из самых страшных грехов. Недоволен отец Северьян и толстовским толкованием Нагорной проповеди, по его мнению, писатель возомнил себя пророком и в своем поиске Бога захотел встать на его место и самому спасти людей. Он упрекает его как большого художника, который рационально отверг «наше собственное бессмертие». По его мнению, Толстой вынул из религии этику. Один из основных тезисов философии Толстого «непротивление злу насилием» был взят как раз из Нагорной проповеди Христа. Правда, эта идея еще не сложилась как доминанта философского сознания Толстого к моменту создания «Войны и мира» и во многом противоречит толстовской философии истории, как она виделась ему в 1860-е годы. Победа над французским нашествием обусловлена не «непротивлением», а «дубиной народной войны», костившей неприятеля до тех пор, пока не погибло все нашествие. Однако в образе Платона Каратаева можно увидеть олицетворение именно этой идеи (это отчасти связано с безличностным, «роевым» началом, столь важным для Толстого). Т. Клеофастова в статье «Творчество А. Солженицына в контексте XX века» замечает: «Герои произведения А. Солженицына, а вместе с ними и автор, отстаивают право личности на нравственное противление злу как решающую цель человеческой истории. Если же это право не реализуется, происходит духовная и социальная деградация личности и общества.

Реализация этих ценностей и придает истории человеческий и творческий смысл»<sup>135</sup>.

Встреча отца Северьяна и Сани Лаженицына оказывается не случайна. Саня встретил его в смутном настроении, надеясь от кого-то получить ответы на мучившие его вопросы. Как выясняется, герой уже был у отца Северьяна на исповеди однажды. Там он пожаловался, что ему особенно тяжело воевать, поскольку он ушел в армию не по призыву, а по собственной воле: «И, значит, все грехи здешние и все убийства здешние я взял на себя – вольно»<sup>136</sup>. Конечно, такая исповедь в ряду молодых офицеров была совсем не рядовой случай, но отец Северьян ее не запомнил – в первые дни войны к нему шли на исповедь толпами. Но даже не это потрясает Саню, а то, что батюшка легко отпустил ему его грех, а он сам себе – не отпустил. Этот эпизод показывает мощную нравственную позицию юного героя, несмотря на то, что он находится в запутанных и смятенных мыслях. Саня восстает против устоявшегося порядка, против ритуала, финал которого известен: священнослужитель должен повторить формульную фразу и отпустить грехи исповедывающемуся. Но Саню это не устраивает, его внутренний бунт идет дальше: «А как бы так, чтоб не простить? Если точно такое же бремя завтрашнего дня снять нельзя – так не прощайте! Отпустите меня с моей необлегчённой тяжестью. Это будет честней. Пока война продолжается – как же снять её? Её не снять. Оттого что я не вижу своих убитых – дело не меняется. Сколько ж их начислится к концу? И чем я оправдаюсь? Выход только – если меня убьют. Другого не вижу»<sup>137</sup>.

Как оценивает его автор «Красного Колеса», отец Северьян батюшка «не рядовой», поэтому Сане не удастся поставить его в тупик. Он ссылается на древнюю церковь, когда на воинов, которые возвращались с похода, накладывали епитимию, то есть, не сразу отпускали им все грехи.

---

<sup>135</sup> Клеофастова Т. Творчество А. Солженицына в контексте XX века // Между двумя юбилеями (1998-2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005. С. 309.

<sup>136</sup> О-16, кн. 1. С. 59.

<sup>137</sup> Там же. С. 61.

Священнослужитель предлагает Лаженицыну «перепонять», как он это называет. Так же, как Северьян батюшка редкий, незаурядный и истинно верующий, находящийся на своем месте (и этим привлекающий Лаженицына), так и Саня потрясает его необычностью своих мыслей и рассуждений для молодого студента. Отец Северьян понимает, что не зря он приехал из своей Рязани на передний край фронта: это стоило того, чтобы поговорить с таким студентом. Саня рассказывает ему, как он уже пытался «перепонять»: «Опростоуметь? вот как все рядом, как Чернега: воюет – и весел. Пытался и я так. Много месяцев. Не вышло. Вот засыпешь снарядами, не получив ответа. А ответ приходится на Чевердина»<sup>138</sup>.

Саня отталкивается от того, что для священника присутствие на войне – обязательная миссия, поэтому неверно ее толкует. Он думает, что отца Северьяна мобилизовали и направили на фронт, чтобы он поднимал боевой дух солдат, вешал им образки на шею, служил полевой молебен, в то время, как «подсвечники составлены из четырех винтовок внаклон». Но выясняется, что их с отцом Северьяном роднит не только вера, но и сама ситуация, их положение: батюшка, как и Саня, ушел на фронт добровольцем, никто его туда не направлял:

– А вы же? Священников вообще не мобилизуют. Они просят сами или их посылают епархии по полученной развёрстке. Но кого епархии считают лучшими – тех удерживают, а в Действующую посылают балласт: или слабых, или судимых, или нежелательных. Впрочем, по последней категории, за реформаторство, пожалуй послали бы скоро и меня. Но я попросился раньше. Я именно считал, что во время войны естественней всего быть здесь.

– Вообще мужчине – да, – ещё не мог подпоручик принять.

– И священнику – тоже, – всё живей настаивал отец Северьян, с тем упорством, с которым он и верхом научился. – В той жизни, в которой мы

---

<sup>138</sup> О-16, кн. 1. С. 61.

живём, — мы должны в ней действовать<sup>139</sup>.

И тут Саня снова вспоминает о «перекувыркнутой телеге», о которой у него зашел разговор еще с Варсонофьевым, когда они уходили с Котей из Москвы на фронт. Это упоминание представляется нам неслучайным — с помощью этой детали писатель вновь возвращает нас к тому разговору и напоминает, насколько сильно взгляды Лаженицына уже разошлись с толстовством.

Видимо, Саню Лаженицына сильно поражает уже сам факт того, что священник добровольно отправился на войну. В глубине души все-таки еще не разойдясь с толстовством окончательно, Саня считает войну противным человеческий природе действием, и, как ему кажется, уж никак не служитель церкви должен с ним об этом спорить. Но отец Северьян убежден, что мир и война связаны напрямую: «Мира без войн — пока ещё не бывало. За семь, за десять, за двадцать тысяч лет. Ни самые мудрые вожди, ни самые благородные короли, ни Церковь — не умели их остановить. И не поддавайтесь лёгкой вере, что их остановят горячие социалисты. Или что можно отсортировать осмысленные, оправданные войны. Всегда найдутся тысячи тысяч, кому и такая война будет бессмысленна и не имеющей оправдания. Просто: никакое государство не может жить без войны, это — одна из его неизбежных функций. — У отца Северьяна была очень чистая дикция. — Войнами — мы расплачиваемся за то, что живём государствами. Прежде войн — надо было бы упразднить все государства. Но это немыслимо, пока не искоренена склонность людей к насилию и злу. Для защиты от насилия и созданы государства»<sup>140</sup>.

Интересно, что слово *мір* пишется в дореволюционной орфографии, то есть, писатель использует второе значение этого слова, не мир как спокойное состояние, противопоставленное войне, а *мір* в значении вселенная или община, общество. До сих пор ведутся споры, какое именно слово

---

<sup>139</sup> О-16, кн. 1. С. 61-62.

<sup>140</sup> Там же. С. 62.

использовалось в рукописи Л.Н. Толстого в названии романа, но, вероятно, он в тексте книги в целом имел в виду оба эти значения.

Можно предположить, что отцу Северьяну приходилось уже не раз отвечать на подобные вопросы, поэтому он многое обдумал, и у него сформировалась уже целая концепция. Мы знаем, что наряду с обрядовой частью христианства Л.Н. Толстой отрицал и государственность, и частную собственность. Герой-священнослужитель в «Красном Колесе» считает же, что государство обязано сдерживать негативные порывы людей в обычной жизни, но оно же, будто в расплату, иногда направляет их все в одну сторону – и это называется войной. Поэтому мир и война – это лишь «поверхностная дилемма поверхностных умов». По мнению отца Северьяна, только тогда наступит истинный мир на земле, когда будет в людях благоволение.

В пространстве «Красного Колеса» есть один персонаж, последователь толстовства, который из своих убеждений не идет на войну. Это Лыва, или Вася Таракин, сосед Арсения Благодарёва по деревне. Лыву несколько раз брали по призыву, но он все эти разы возвращался с объяснением, что не может убивать людей, а вскорости и от мяса отказался (вегетарианство тоже проповедовал Л.Н. Толстой). Примечательна реакция его соседей – никто в деревне его решения не поддерживает и не понимает: «Коли б его по мирному времени призвали и он бы отрёкся тогда – было более б с делом схоже. А то до войны молчал, не казался, а когда всем на войну – он в сторону. Не понравилось это Каменке. Не по-мирски: все идут – и ты иди, чем ты особенный?»<sup>141</sup>

Таракин остался старшим из шести детей, лишившихся отца. На нем держалась вся семья. Потом сестра вышла замуж, и его решили забрать на войну, поскольку он уже не был единственным кормильцем в семье. Подобная ситуация могла бы вызвать у деревенских людей жалость, но он слишком выделяется на фоне всех остальных: Конечно, в сочувствие можно

---

<sup>141</sup> О-16, кн. 2. С. 45.

войти, много ртов, – так и у всех немало, так и никому на войну расположения нет, но уж коль всех, так всех, – а чем ты выкрасовываешься? А он, вишь, с портняжеством прихватил – книжки читать, малые такие, по две-по три копейки. И вот, говорит, граф Толстой открыл мне глаза на идею Иисуса Христа. Все мы живём по воле Отца нашей жизни, и кроме Его никто лишить жизни не смеет<sup>142</sup>.

Очевидно, Лыва в эпосе предстает персонажем комическим, шаржевым. Через него писатель очередной раз указывает на то, насколько позиция Льва Толстого была неорганична крестьянству и отторгаема им, в то время, как сам автор «Войны и мира» все время стремился к сближению именно с крестьянским сословием.

Отец Северьян в представленном диалоге вписывает войну в иерархию зла: «Война – не самый подлый вид зла и не самое злое зло. Например, несправедливый суд, сжигающий оскорблённое сердце, – подлее. Или корыстное уголовное убийство, во всём замысле обнимаемое умом одного убийцы, и всё испытываемое жертвой в минуту убивания. Или – пытка палача. Когда ни крикнуть, ни отбиться, ни испытать защиты и борьбы. Или – предательство человека, которому доверились? Зло над вдовою или сиротами? Всё это – душевно грязней и страшней войны»<sup>143</sup>. На это Саня пытается возражать, что не самый страшный вид зла, но зато самый массовый. На что священнослужитель отвечает, что если собрать к одному месту все убийства тиранов, гонения на старообрядцев – то получится не меньше и не хуже. В противовес ложной дилемме «мир-война» отец Северьян вводит дилемму истинную – «мир-зло», поскольку война – это только частный случай зла: «И тот, кто отрицает войну, не отрицая прежде государств, – лицемер. А кто не видит, что первичнее войны и опаснее войны всеобщее зло, разлитое по человеческим сердцам, – тот верхогляд. Истинная дилемма человечества: мир в сердцах – или зло в сердцах. Зло мирового

---

<sup>142</sup> О-16, кн.2. С. 150-151.

<sup>143</sup> Там же. С. 62.

сознания. А преодолеть зло мирового сознания – это не антивоенная демонстрация, пройтись по улице с тряпками лозунгов. Преодолеть – на это отпущено нам не поколение, не век, не эпоха – но вся история от Адама до Второго Пришествия. И даже за всю историю, всеми совместными силами мы так ещё и не сумели одолеть. И упрекнуть вы можете не того студента, и не того священника, кто добровольно пришёл в воюющую армию, – естественно прийти туда, где страдают многие, – а того, кто не борется со злом»<sup>144</sup>.

Саня еще пытается возражать, хотя внутренне уже смягчен и убежден. Он и искал этого – чтобы кто-нибудь утешил его измученную душу, нашел объяснение (или частичное оправдание) всему тому, что он увидел на фронте в первые месяцы войны. Герой считает, что убийство на войне немногим простительнее уголовного, просто введено в некий ритуал, который совершают все вокруг. Но отец Северьян считает, что этот ритуал не мог взяться просто так: «Всё ж ритуала убивать беззащитных так и не создали. И палачи трогаются умом, бывает. О палачестве, о неправых судах, о всеобщей разрозненности – фольклора нет. А о войне – есть, и какой! Война не только рознит, она находит и общее дружеское единство, и к жертвам зовёт – и идут же на жертвы! Идя на войну, ведь вы и сами рискуете быть убитым. Нет, как хотите, война – не худший вид зла»<sup>145</sup>.

Утверждение священнослужителя о фольклоре еще более убеждает читателя, поскольку в тексте самой эпопеи «Красное Колесо» немалое значение уделено именно военному фольклору, песням и шуткам эпохи Первой мировой войны, которые оказываются вкрапленными в текст.

Саня уверен, что солдатам и офицерам все это нужно объяснять, поскольку в рядах военных людей над церковью издеваются, считая, что она освящает войну. И принудительное введение религиозных обрядов на фронте только отталкивает этих людей от религии. Но и тут отец Северьян не до

---

<sup>144</sup> О-16, кн. 1. С. 63.

<sup>145</sup> Там же. С. 63-64.

конца с ним соглашается – если вера человека сильна, он не будет подсчитывать число современных последователей Христа.

Завершается этот едва ли не самый значимый диалог в эпопее последним упреком Сани христианству в том, что оно, как и другие религии, настаивает на своей абсолютной уникальности. И даже в рамках христианской доктрины нет целостности – и католики, и православные отстаивают истинность именно своей веры. По мнению юноши, доказательством превосходства религии могла бы стать ее незаносчивость перед всеми остальными религиями. Но отец Северьян считает, что исключительность его веры нисколько не унижает веры других людей.

Эта глава в целом заканчивается размышлениями писателя о правде, и эти слова как нельзя лучше описывают ситуацию раздробленности взглядов на войну различных персонажей «Красного Колеса»: «Божья истина – как Правда-матушка из народной сказки. Выезжало семеро братьев на неё посмотреть и увидели с семи концов, с семи сторон и, воротясь, рассказывали все по-разному: кто называл её горою, кто лесом, кто людным городом. И за неправду рубили друг друга мечами булатными, все полегли до единого, и умирая – сыновьям наказывали рубиться до смерти ж... А видели-то все – одну и ту же Правду, да не смотрели хорошо»<sup>146</sup>.

В эпопее Сане Лаженицыну предстоит судьбоносная встреча с любовью своей жизни – Ксеньей Томчак, и именно на войне он осознает смысл подлинной любви в судьбе человека. На вечере среди офицеров Саня внезапно осознает, в чем состоит величайший смысл жизни: «И всегда спокойно благородный, малословный Краев, сейчас, поигрывая пепельницей и зажигалкой, - и не пьяный же, а вот от этой разнимчивости общей, - вдруг, без расспроса, стал рассказывать Сане о своей невесте: какая нежная она, какая единственная, и никакой другой цели не видит он в выживании, как только вернуться к ней. Весь смысл жизни для него в том, чтобы вернуться к ней, - и выше того не бывает смысла.

---

<sup>146</sup> О-16, кн. 1. С. 66.

И хотя в чистом виде и в общей формулировке никогда не мог бы Саня с этим согласиться, - сейчас он согласно кивал Краеву и был сражен, за душу схвачен простотой его довода: да! да, именно так! Воюющему мужчине естественно знать ту женщину, к которой он должен вернуться, и весь его военный путь должен быть – к ней»<sup>147</sup>.

На протяжении эпопеи взгляды двух ребят, ушедших добровольно на фронт, довольно сильно трансформируются. Причем если принятие решения идти на войну происходит совместно, то дальше их дороги разделяются. Они попадают в разные прифронтовые зоны, и когда Саня вновь встречает Котю в октябре шестнадцатого, между ними пролегает бездна. Котю подкосило все, что он увидел на войне, он буквально почернел от горя и безнадёжности. Это особенно четко проступает в чертах Коти, когда Саня видит их рядом с Устимовичем и невольно сопоставляет. Несмотря на колоссальную разницу в возрасте двух военных людей, можно обнаружить «одинаково жёстко-мрачный налёт на их лицах, безнадёжность. У Устимовича так – с первого дня, как пришёл.

И никто из них не научился весело воевать, как Чернега»<sup>148</sup>.

После разговора с отцом Северьяном восприимчивый, светлый и мятущийся Саня полностью проникается новыми идеями сакрального смысла войны. Он и Коте пытается внушить ответ на вопрос, которым, безусловно, тот тоже многократно задавался: зачем они пошли на войну добровольно и не совершили ли они этим поступком страшной ошибки или даже греха? Саня пытается объяснить, что «войне противостоит безвоенное состояние, а вовсе не мир» (что отсылает нас к вариантам названия романа «Война и мир»), в то время как самому миру противостоит «зло мирового сознания». Но Котя сначала молчит в ответ на все эти реплики, а потом не выдерживает: «Да не *грех* , а – *жизнь* мы тут отдадим! Кинули – кому? для какого собачества?... Читали мы с тобой, перечитали всю эту мировую

---

<sup>147</sup> М-17, кн.4. С.226-227.

<sup>148</sup> О-16, кн. 2. С. 234.

философию, – куда она ведёт, скажи? Чепухой занимались. Слово – вообще никуда не ведёт, ничего не даёт. А только – дело. Слово – испытало полное всемирное банкротство. И все гуманисты, и твой Толстой, и все эти Достоевские – бол-ту-ны»<sup>149</sup>.

Из этого фрагмента становится ясно, что теперь друзей занимают совсем разные проблемы: Саню волнует религиозная и нравственно-этическая сторона своего решения отправиться на войну добровольно, а Котю – спасение собственной жизни. В продолжение разговора Саня рассказывает про статью Е.Н.Трубецкого<sup>150</sup>, посвященную спору Л.Толстого и В.Соловьева, как же все-таки следует понимать Царство Божие на земле. Здесь герой (и через него сам писатель) снова вступает в полемику с Толстым. Как известно, Л.Н. Толстой ратовал за буквальное понимание Библии и отрицал государство. Размышляя о фразе «кесарю-кесарево», Саня Лаженицын приходит к выводу, что Христос не одобряет тем самым государственный строй Римской империи, но понимает, что государство на данном этапе необходимо для урегулирования отношений людей на планете. Однако должен наступить момент, когда государственный строй уступит место Царству Божию на Земле. В Сане на тот момент все еще говорит не до конца подавленный толстовец. Это отсылает нас к идеям, которые проповедовал Иешуа Га-Ноцри из «ершалаимских глав» романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита». Можно обнаружить почти дословные переключки между этими тестами: «В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть»<sup>151</sup>.

Так или иначе, конструктивного диалога с Котей снова не получается:

---

<sup>149</sup> О-16, кн. 2. С. 236-237.

<sup>150</sup> Трубецкой Е. Спор Толстого и Соловьева о государстве // О религии Льва Толстого. — М.: Путь, 1912. С. 59-75.

<sup>151</sup> Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. — М., 1994. С. 33.

«Бросай ты, Санька, все эти бредни, какое ещё Царствие Божье? Можно было об этом лепетать в студенчестве, пока мы были щенки и войны не видели. А теперь третий год вся Европа друг друга месит в крови и мясе, травит газами, плюёт огнём, – неужели похоже на приближение Царства Божьего? Смотри, нас ухлопают раньше, нас с тобой!»<sup>152</sup>

Герои находятся на разных уровнях осмысления происходящих вокруг них событий: Саня все пытается усмотреть высший, метафизический смысл происходящего, а Котя смотрит с человеческой, вполне рационалистической точки зрения. И его совершенно не интересует греховная сторона этого вопроса. Он видит другое – как их травят газами, как недостойно ведут себя высшие чины: «...кого Котя не любил, это генштабистов: воображают чёрт-те что, боги войны, как будто можно теорию этой неразберихи понять, знать и направлять. Да кто что может заранее предсказать, если поведение роты зависит от того, как один солдат споткнётся?»<sup>153</sup> То есть, в интерпретации этого героя толстовский принцип переворачивается и доводится до предела: не только не отрицается важность личности в историческом процессе, но утверждается, что любое событие в истории зависит от каждого солдата, от любого его движения. Вероятно, сам писатель не мог согласиться с позицией Коти, но сам текст «Красного Колеса» убеждает нас, что от действий некоторых людей, от их халатности или, наоборот, решительности, порой зависит тот или иной поворот русла реки истории.

Итак, Саня Лаженицын и его окружение также представляют одну из важнейших точек зрения, один из главных ракурсов, аспектов, голосов в полифоническом единстве романа, нацеленного на осмысление событий Первой мировой войны в «Красном Колесе». Его диалоги с Котей, с отцом Северьяном помогают очертить множество различных точек зрения на военные события. Кроме того, именно благодаря этому персонажу подробно раскрывается толстовская линия в романе: введение персонажа-толстовца,

---

<sup>152</sup> О-16, кн. 2. С. 238.

<sup>153</sup> Там же. С. 239.

кардинально меняющего свои взгляды после ухода на войну, позволяет А.И. Солженицыну вступить в полемику с Л.Н. Толстым и обозначить свою историческую концепцию, которая имеет прямое отношение к осмыслению событий Первой мировой войны.

### Глава 3. Народный взгляд на войну (фольклорные представления; место образа Арсения Благодарёва в системе персонажей «Красного Колеса»)

#### § 1. Арсений Благодарев и его окружение

«В Первой Мировой войне как-то сказала — накопленная, неизбытая народная усталость от всех прежних, прежних, прежних русских войн, от которых народ всегда оставался невознаграждён, — и к той усталости добавилось такое же накопленное в поколениях и поколениях недоверие к правящему классу. И всё это — отозвалось в солдатах двухтысячевёрстного фронта, когда дошли вести о перевороте в Петрограде, скоропостижном податливом отречении царя, вскоре и заманчивых лозунгах большевиков<sup>154</sup>». Такое утверждение обнаруживается в публицистике А.И. Солженицына, но оно как нельзя лучше подходит для характеристики того, что отображено в его итоговом произведении — эпосе «Красное Колесо». Система народных представлений и взглядов на события Первой мировой войны занимает отдельный большой пласт «Красного Колеса». Надо сказать, что сам термин «народ» до сих пор довольно размыт и имеет лишь приблизительное значение — это может быть этническая общность одной страны, в фольклоре же он может определяться через оппозицию «свой-чужой». В данной работе под этим понятием мы подразумеваем, прежде всего, крестьянство. Именно крестьяне составили основную часть армии, да и в целом, всей нашей страны на период событий Первой мировой войны. Конечно, не только представители крестьянского сословия образуют в тот период народную точку зрения, но они — в первую очередь.

В эпосе есть народный представитель, некий «глашатай от народа», входящий в состав персонажей первого ряда: это Арсений Благодарёв, герой «Красного Колеса» из крестьянской среды, прототипом которого стал, как

---

<sup>154</sup> Солженицын А. Публицистика: в трех томах. Т. 1. — Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1995. С. 675.

известно, Борис Можаяев. Этот герой встречается нам в еще одном тексте писателя (как это бывает у А.И. Солженицына нередко), а именно: в двухчастном рассказе «Эго» он входит в штаб Антонова, возглавившего тамбовское восстание. Некоторые двухчастные рассказы напрямую связаны с эпопеей, поскольку они созданы на базе материалов, не вошедших в «Красное Колесо». Родная деревня Арсения, Каменка, оказалась первой, в которой вспыхнул очаг тамбовского восстания. В рассказе «Эго» Арсений Благодарёв не является главным действующим лицом, он только упоминается, а вот в «Красном Колесе» герой предстает уже во всей своей полноте.

Благодарёв выступает на страницах книги в своеобразной роли – солдата-проводника, простого крестьянина, приставленного к более образованному, но не всегда превосходящему его опытом офицеру. Это отчасти напоминает классическую толстовскую комбинацию: интеллигент – человек из народа (хотя, вероятно, во время работы писателя над «Войной и миром» слово «интеллигент» еще не вошло в обиход). В эпопее А.И. Солженицына такую пару образуют Арсений Благодарёв и Георгий Воротынцев. Крестьянин Арсений на фронте во многом помогает полковнику, который стоит гораздо выше него на социальной лестнице, не говоря о воинском звании. Неоднократно подчеркивается, что Благодарёв – простой солдат, однако войну он знает намного лучше всех генералов, вместе взятых. В характере Арсения Благодарёва А.И. Солженицын создает некий собирательный образ «идеального солдата», подобно тому, как полковник Воротынцев в эпопее предстает как идеальный понимающий офицер. Такое определение не говорит о том, что герой лишен человеческих недостатков, подобно тому, как Василий Тёркин в одноименной поэме А.Т.Твардовского предстает национальным героем, но остается человеком со своими слабостями. При этом собирательная солдатская, народная точка зрения на военные события в «Красном Колесе» очень отличается, скажем, от представленной в поэме «Василий Тёркин» понимании простого солдата

Великой Отечественной войны. Во многом это связано с тем, что две этих войны в русской истории сыграли очень разную роль. Текст «Красного Колеса» показывает, что Первую мировую войну народ не понял и не принял ни ее целей, ни ее исторического смысла; Твардовский же показывает, как в Великой Отечественной народ воевал за существование Родины, отстаивал право на собственное историческое бытие.

Простой солдат Арсений Благодарев оказывается соседом Воротынцева по окопу и привлекает внимание полковника своим насмешливым, широконосным и очень доброжелательным лицом: «Губы-то развешены, а глазами живо смотрел солдат на планшетку, не любопытничал, а будто перенимал, чтоб сейчас и самому приняться за то ж»<sup>155</sup>. Когда солдат называет свою фамилию, он еще больше располагает к себе офицера: «Ловкая подхватистая фамилия, и так же подхватисто он выговорил её, тёплым помелом прошёл по сердцу. Благодарёв! – такой, видно, лёгкий на благодарность, вот уже готовый и Воротынцева чуть ли не благодарить»<sup>156</sup>.

Полковник Воротынцев сразу замечает, что у Арсения хороший слух, поскольку он может отличать снаряды, которые ближе к ним. Позже, в следующих томах, офицер даст ему направление в артиллерию. Напомним, что сам А.И. Солженицын на фронте был звуковым артиллеристом, то есть он наделяет своей военной специальностью крестьянина Арсения. Однако в системе персонажей «Красного Колеса» этот герой не является всего лишь неким «довеском» к полковнику Воротынцеву. Нельзя сказать, что он существует только в паре с вышестоящим военным, у него есть самостоятельная линия, хоть и появляется она только в последних редакциях «Красного Колеса». В отличие от первых, где Благодарёв показан только в ситуации войны, службы, в последней редакции большое внимание уделено именно семье Арсения, его родной деревне и окружению героя, когда он приезжает домой «на побывку». Этот эпизод становится поводом рассказать

---

<sup>155</sup> А-14, кн. 1. С. 234.

<sup>156</sup> Там же. С. 234.

о герое подробнее, начиная с истории его семьи. Писатель начинает повествование о семье Благодарёвых с неожиданного ракурса – с прозвища: ведь именно оно в деревенской жизни имеет огромное значение, порой отражая информацию о человеке больше, чем его собственная фамилия. У отца Арсения, Елисея Благодарёва, было прозвище Стебень, у сына – Гуря, а у жены Катёны – Рукавичка. Прозвище отца указывает на его мощную физическую силу и гибкость, сохранившуюся до пожилых лет, Гуря происходит, вероятно, от певчей птицы, а рукавичкой Катёну прозвали за небольшой рост – прозвище это было довольно обидным, оно как будто отрицало ее самостоятельную ценность. Но в дальнейшем Арсений объяснял свой брак пословицей «дружлива рука с рукавичкой»: Катёна оказывается прекрасной женой, спорой, все успевающей по хозяйству и талантливой в любви.

Отец Арсения в эпосе предстает крепким и могучим стариком, буквально вышедшим из породы русских богатырей: хоть его по возрасту уже и на русско-японскую войну не брали, он готов идти на германскую повоевать вместе с сыном не хуже его, считая, что без стариков они никак не смогут прогнать немцев. Он в шутку завидует сыновним георгиевским крестам, но и чрезвычайно гордится им перед соседями. Да и Арсений высоко ценит отца: вернувшись домой в отпуск, он с удовлетворением обнаруживает, что хозяйство в доме хорошо идет, лучше многих, отец справляется за двух молодых.

Вот этот «мирный» пласт в контексте разговора о войне тоже представляется не менее важным: стремясь охватить своим взором все возможные ракурсы и взгляды на Первую мировую войну, писатель не обходит вниманием и проблемы «тыла». Чередуя картины военной и мирной жизни, А.И. Солженицын также наследует Л.Н. Толстому и его роману «Война и мир». Такое обращение к мирной жизни неслучайно – самые мудрые среди офицеров ощущают, что их солдаты-крестьяне и на войне живут не самой войной или политическими интересами государства, в

которых совершенно не разбираются, а домом, хозяйством, оставленным в деревне: «И так же у его солдат – Благодарёва, Занигатдинова, Жгря, Хомуёвникова, кроме хорошего или плохого обращения с оружием, амуницией и лошадьми, смётки по службе и выполнения устава – у каждого была ведь ещё своя долгая жизнь, своя любимая местность, своя любимая или нелюбимая жена; и ещё по нескольку детей; потом у каждого хозяйство или ремесло, и много соображений вокруг того и свои замыслы; и кони – собственные, не с казённою биркой в хвосте, или охота, рыболовство, или сад; и всем этим, а не величием России и не враждою к Вильгельму жил каждый из них, – и только об этом, кто внятнее, кто невнятнее они в ночных землянках рассказывают друг другу, да и офицеру, поговори с ними ласково.

<...>

Но если движение человечества не складывается из подлинной жизни людей – что тогда люди? и что – человечество?»<sup>157</sup>

Конечно, особенно это ощущает самый чуткий офицер, полковник Воротынцев. Прожив столько времени рядом с солдатами, он понимает, что народ внутренне не принял эту войну, видит в ней только череду бессмысленных смертей. Она налетела на них как стихийное бедствие, а не вызрела внутренне: даже ненависти к противнику они не ощущают (кроме тех случаев, когда писатель изображает газовую атаку).

Описание домашнего быта родной деревни Благодарёва дается на контрасте с войной: глядя на своих лошадей, Арсений вспоминает коней, на которых ему доводилось скакать на фронте, и осознает, что свои, родные кони ему дороже тех, казенных. Он обращает внимание на то, что стало меньше скота, и понимает, что это тоже следствие военных изменений – солдату нужно мясо для поддержания сил. Арсений даже отмечает, что на фронте он ел мяса больше, чем дома. Отправившись в праздничный день, в канун Казанской, на службу в церковь, герой снова сопоставляет картины военной и мирной жизни: «И хотя доставалось Арсению и на войне постоять

---

<sup>157</sup> О-16, кн. 1. С. 26.

на молебнах и панихидах против алтаря составного рамчатого, и на тот же распев служба, а там будто не настоящая, как вся та жизнь военная не настоящая, привыкнешь – не замечаешь, а только в своё село воротясь – очнёшься»<sup>158</sup>.

В первый же день побывки Арсения в дом к Благодарёвым стекаются соседи – выпросить у служивого новости с фронта. Речь Арсения очень афористична и напита́на народным языком – он буквально разговаривает пословицами и поговорками. А.И. Солженицын в «Красном Колесе» значительно обогащает свой язык богатой народной речью. Вероятно, для выстраивания речи народного представителя писатель неоднократно обращался к словарю В.Даля. Показательны ответы Арсения Благодарёва на вопрос о том, как они воюют:

– Так и воюем, очень просто: под головы кулак, под бока и так. Ждём, чего хвифебель завтра выдаст, сахарок ли, чаёк. У вас вот нетути, а мы усем обеспечены.

– Да хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников<sup>159</sup>.

Самый популярный вопрос, задаваемый Арсению, это – «кто кого?», кто побеждает в войне. В ответе Арсения снова звучит солдатская мудрость: – Да много яво наложено, – легко отвечал Арсений. И потяжелее: – Наших тож ня мало... Ой, мужики, ня мало... Сколь этих берёзок молоденьких на кресты посекали, сколько ям обкадили... А вперёд – ни тпру<sup>160</sup>.

Крестьяне ждут заключения мира, но Арсений не может их утешить – ведь мира не предвидится в ближайшее время. В рассказах служивого особенно потрясает газ, который пускают немцы для отравления противника: «Ох, мужики, и врагу ня пожелаю. Осколком чухнет – эт как в драке, почти и не обидно. А отравы той наглотаешься – из нутрей всего корчит»<sup>161</sup>.

---

<sup>158</sup> О-16, кн. 1. С. 121.

<sup>159</sup> Там же. С. 470.

<sup>160</sup> Там же. С. 470.

<sup>161</sup> Там же. С. 471.

Соседи продолжают приставать к солдату с расспросами, и ему приходится рассказывать про свою батарею, про тяготы военной службы. Но начинает он свое повествование с легкостью, а потом его одолевает грусть. Это и не удивительно: друг перед другом солдаты не показывали слабости, да и некогда на фронте грустить, а дома подступило к горлу все то тяжёлое, что повидал на войне Благодарёв: «Там-то привыкли, что дешево солдатское горе, а тут, в своей избе, Савоську притрагивая, на зыбку поглядывая, на Катёну тайком, на батьку с маткой, – сразу вывешивалось горе во всю свою тяжесть. Свой брат Адриан дважды ранен – и опять на фронте, нисифоров брат на костылях, у деда Илюхи двух сыновей унесло. Лишь пота и сносна была война, пока доступно было сюда воротиться, о брёвна родные спиной потереться, да жёнку на ночь к себе подобрать. А там, у Дряговца, где фельдфебель сахар выдаёт, под ладан улечься, под крестом жердяным уснуть – ня поухмыляешься»<sup>162</sup>.

Порой соседские мужики позволяют совсем бестактные вопросы: например, они спрашивают у Арсения, почему одни с тремя ранениями вернулись, другие совсем не вернулись, а у него – ни царапинки? Этот вопрос оказывается очень тяжелым для отца Благодарёва. Но Арсений снова отвечает пословицей, в которой заключена вся народная мудрость: «не всяка пуля по кости, иная и по кусту». Такое постоянное обращение к пословицам неслучайно: для крестьянского сознания пословицы, поговорки являются источником истины, знаний о мире, именно поэтому они привлекаются в тексте «Красного Колеса» на различных уровнях. Гуляя по деревне, на всех застольях, где его расспрашивают про войну, Арсений рассказывает о ней примерно следующее: «“Знай службу, плюй в ружьё, да не мочи дула!” Аль: “Не что солдату и без шубы деется, идёт да греется!” Но хотя и ещё такое было присловье – “солдат в отпуску – рубаха из порток”, а сам затянутый ходил, да рядом с таким становитым батькой живот распустишь и погорбиться – страм. И чего б ни спросили Сеньку, через гул крича, или за

---

<sup>162</sup> О-16, кн. 1. С. 471-472.

грудь трясся, или руку на плечо, – на всё он ответ давал уверенный, когда и знал и не знал: и – правда ль, что немец уже не бонбы кидает, а прям огнём рыгает? и – правда ль, что за ханцузов чёрные черти воюют, прям-таки во плоти, и не скрываются? И – зачем же с немцем так люто воевать, коли они – крещённый народ, вроде нас? другое дело – с турками, с японцами...?»<sup>163</sup>

Как мы можем увидеть во второй части процитированного фрагмента, писатель не идеализирует народ: он может быть не только источником русской многовековой мудрости, сохранившейся в пословицах и поговорках, но и проводником наивных мифических представлений о войне. Первая мировая война в народном сознании уже начинает обрастать мифами: и что вместо французов черти воюют, и что немец стреляет огнем, как сказочный Змей Горыныч. И тот же самый народ-богоносец иногда бывает источником сплетен и слухов, передающихся из уст в уста: «А мужики другое задымили: вот слух идёт – сахар, хлеб да кожу к немцам вывозят, через Хинляндию, что ль. Правда ли? Того Арсений не знает, к им в батарею столько ж вестей, как и в Каменку»<sup>164</sup>.

Вернувшись с фронта с двумя Георгиевскими крестами, вызывающими зависть у односельчан, Арсений становится на время самой популярной фигурой в селе. Все зовут его в гости, чтобы подробнее разузнать, как оно там, на войне, скоро ли она кончится. Арсений и его отец удостоиваются также почетного приглашения от Григория Наумовича Плужникова- самого зажиточного и уважаемого крестьянина в Каменке. Помимо отца и сына Благодарёвых, напрашивается на приглашение и купец Евпатий Бруякин, владелец самой лучшей лавки в окрестностях. Позиция этого персонажа также представляется довольно любопытной: торговец предчувствует для себя какую-то опасность, повисшую в воздухе, и планирует закрывать свою лавку в селе, распродавать товар. Этому яростно противится сам Плужников: он не видит оснований для опасений, поэтому упрашивает Бруякина оставить

---

<sup>163</sup> О-16, кн. 2. С. 123.

<sup>164</sup> О-16, кн. 1. С. 471-472.

лавку, не лишать своего товара Каменку. Но купец непреклонен. И, надо сказать, в исторической перспективе его чутье не подводит – в ближайшем будущем лавку не ожидало бы ничего хорошего. Этот дар интуиции и предчувствия удивляет читателя, раскрываясь в диалоге с Плужниковым:

– Да из чего чуешь? Почему я не чую? Где это видно? – внушал ему Плужников властно, как привык. – Что, с товарами похужело?

– Пока ещё не видно, – соглашался Евпатий. А в глазах – тоска уколами: – Однако – чую. Как в Пятом году Анохина разграбили, Солововых. И опять на то поворачивает.

– Да никак не на то! – сердился Плужников, с ним поди поспорь. – Дело вертается к мужицкому развороту. После войны-то, гляди, мы и заварим дело!

– Ох, не-е... Ох, не-е, Григорий Наумыч. Не прошибись. Торг любит волю. А не будет её<sup>165</sup>.

Под конец беседы купец бросает фразу «худое время пришло». И в дальнейшем оказывается именно так, как он предсказал.

Всем понятно, Плужников пригласил Арсения с отцом для того, чтобы расспросить о войне. Начинает он с разговора о том, что война не бесконечна, а после нее хотелось бы видеть в деревне побольше таких добрых молодцев, как Арсений: «Что, мол, после войны не прежняя жизнь и не по-старому пойдёт, а как после смертной болезни сдюжавший человек весь наскрозь новеет, и многое ему по-новому видится и по-новому он делает, – так и нам достанется<sup>166</sup>».

Этот разговор представляется очень важным для создания некой общей картины народных представлений о войне. Плужников спрашивает у Арсения, о чем говорят и думают солдаты, на что тот отвечает следующее: «кто где давеча был при обстреле, при газах, как кого цапануло; да про бабу свою – не сбалуе ли; да про хозяйство – как его там тянут без работников; да

---

<sup>165</sup> О-16, кн.2. С. 128.

<sup>166</sup> Там же. С. 137.

как лошадей немцы куют не по-нашенски; да как белорусы...»<sup>167</sup>

И снова в разговоре поднимаются простые крестьянские бытовые темы. Но Плужникова интересует не это, а, скорее, то, что крестьяне думают о войне в целом. И тут речь заходит об измене и «Гришке» – Григории Распутине. На Григория очень сердиты и Арсений, и его отец: по их мнению, любой мужик, попав «наверх», должен был отстаивать народные интересы, выразить крестьянскую точку зрения, а он вместо этого превратился в барина и пустился в разврат. Более подробно линия Григория Распутина будет рассмотрена в главе, посвящённой царю и его окружению. Но в связи с этим Плужников высказывает очень важную мысль: Гришка-то Гришкой, но не согласен Григорий Наумович, что на мужика надежи нет. **Только** на мужика! **именно** на него! Мужиков – только мужики сами и выручат, сами себя! – и пора к тому просыпаться<sup>168</sup>.

Чуть позже выясняется истинная причина приглашения в гости: не столько о войне хотел поговорить Плужников, сколько о необходимости создания внутреннего крестьянского самоуправления (конечно, речь шла уже о послевоенном времени). На этой встрече присутствовал также некий Зяблицкий, человек из города, приехавший в деревню агитировать крестьян создавать кооперацию. Но отношение к этой идее в крестьянской среде он встречает резко негативное, и тут писатель показывает исконное противостояние города и деревни: крестьяне не доверяют городскому, не верят, что он может посоветовать им что-то выгодное для них. Разговор приходится на разгар недовольства крестьян внутренней политикой в отношении продовольствия: им не нравится установление твердых цен на хлеб и подорожание всех товаров, которые дает город. Они выступают против того, чтобы у них отбирали почти весь хлеб, скот, упряжь, и грозятся вообще не давать хлеба в крупные города. Именно эта напряженная ситуация заставляет мудрого и еще не старого крестьянина Плужникова искать

---

<sup>167</sup> О-16, кн.2. С.138.

<sup>168</sup> Там же. С.138.

решения. Как раз поэтому он считает, что крестьянам неоткуда ждать помощи – и они должны помочь себе сами. Он поминает добрым словом Столыпина, который вызволил крестьян из общины, но не успел довести дело до конца. Григорий Наумович считает, что после этой войны все круто переменится, и никогда больше рабочие руки не будут свободны по-прежнему. Это не может взять в толк Елисей Благодарёв, отец Арсения, – почему же, столько войн знала история, и после них не было таких страшных изменений? Но Плужников считает, что после Турецкой, действительно, столь кардинальных перемен не было, но после Японской изменилась и одежда, и земля, и постройки:

А после этой войны – ещё круче повернется. **Такой** войны Россия сколько стояла – не вела. Я ж говорю: как от смертной болезни встанет государство другим. И нам – смышлять надо, и к тому готовиться<sup>169</sup>.

Но разговору о кооперациях и самоуправлении не суждено дойти до логического завершения – на пороге появляется посыльный с плохой вестью: что скоро новый созыв, где забирают всех мужиков от 37 до 40 лет. До деревни Каменки это страшная трагедия еще и потому, что под эту категорию попадают и мельник, и кузнец – два самых ценных человека в селе, замену которым найти невозможно. Наверное, современному человеку это покажется такой малостью, но в деревне на мельнике и кузнеце строится почти весь быт и все сельскохозяйственное производство. Эта ситуация еще раз доказывает, что и в этом крестьянские интересы в период Первой мировой войны совсем не учитывались.

Так война снова не дает о себе забыть в праздничной деревне: «Вот как она входит, война, – клином железным и прямо в грудь. Третий год идёт – и как-то уже вместились в жизнь, вроде и устоялась. Кого убили – те убиты и уже схоронены. Вот вроде и праздники гуляли, прибасни, гармонь, – а развернётся бумага из писарского кармана – да на всю улицу!»<sup>170</sup>

---

<sup>169</sup> О-16, кн.2. С. 145.

<sup>170</sup> Там же. С. 149.

Создавая картину мирной жизни в деревне в военный период, писатель не забывает и об образе женщины-солдатки. Такой показана Катёна, жена Арсения. Не случайно А.И. Солженицын уделяет особое внимание изображению их семейного быта до 1914 года. Благодарёвы живут душа в душу, ни единого окрика от Арсения не слышит Катёна в их «медовые месяцы». Но и в частную жизнь светлой и трогательной совсем еще молодой семьи вмешивается война: «Потом война выгрызла всю жизнь, оставила ломотками – первый отпуск, как сон летучий, теперь вот второй, а меж ними безмужье: носить, рожать, кормить да о муже думать – и каким вернётся и что будет у них?... Преж того – вообще ль вернётся? И тоскуя, тоскуя, тоскуя по своему избранному, сколько раз за топкой, за дойкой, за птицами, за жнивом, за санным согрёбом, за мочкой, за чёской, за пряжею, за тканью она и так, и сяк, на все лады строила его возвращенье: и в какую пору года, и в какую пору дня, и за чем её застанет, на пороге ли, в сенях ли первый раз поцелует<sup>171</sup>.

В первую же ночь после возвращения Арсения домой в отпуск, молодая семья, лежа в кровати, строит планы на послевоенное будущее. По слухам, георгиевским кавалерам должны дать больше земли, да и вообще крестьянам обещают увеличить наделы: «Только откуда ж её столько наберут, лихо какое? А – от помещиков, от Удела, от банков разных, найдут, в России ли нет земли? Поступиться не хотят. Но если и на этом обманут, всё равно, ручек не съёжим. Да отделимся на свой простор, земли ещё може прикупим, когда-то и расплатимся, – да вместе-то, да любя, да при детях, Богом посланных, это же радость одна: сперва работать на долг, потом и в зажиток. Без труда нет добра. Своё трудовое – не под гору катится, а ложится кирпич на кирпич. А Катёна способности своё и сейчас уже копит, что свёкор оставляет ей – на мелочи не тратит, сохранится – пригодится. Только вот деньги дешевеют. Отделяться – на отруб, это непременно, чтобы вся земля при себе, в одной черте и не сменная. Молоды, здоровы, всё в своих

---

<sup>171</sup> О-16, кн. 1. С. 475.

руках, только бы дал Бог Сенюшке уцелеть. Так на отруб, может, и батя захочет? Ну, там решим. Да наверно он на месте останется, а – поможет. Так крепче будет. На отруб – много денег надо»<sup>172</sup>.

Читатели знают, что, вероятно, ни одному из их мечтаний не суждено сбыться – война кончится не так скоро, как всем казалось в ее начале, и, по задумке В.Ленина, превратится в другую войну – в гражданскую. Слухи про увеличение земельных наделов окажутся только слухами, даже обещанную большевиками землю крестьяне не получают. Более того, если Арсений своим трудолюбием наживет большое хозяйство, то, с большой долей вероятности, будет позднее раскулачен. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но в данном случае, как нам кажется, судьба Арсения в советское время оказывается предрешена. Такие крестьяне-работяги совершенно не нужны советской власти, более того, они ей вредны.

А. Латынина в своей статье, обращаясь к образу Арсения Благодарёва, замечает, что от толстовского персонажа (Платона Каратаева) герой А.И. Солженицына взял мало, и функция у него иная: «Русской литературе не привыкать брать нравственные уроки у мужика, начиная с Савельича и кончая толстовским Платоном Каратаевым (у чеховских или бунинских «мужиков» мало чему поучишься)»<sup>173</sup>. На первый взгляд Арсений Благодарев выполняет ту же функцию. Но лишь на первый: «Перед нами – новый тип человека из народа, на которого и рассчитана столыпинская реформа: хороший, умный солдат, дисциплинированный, без заискивания перед начальством, с чувством собственного достоинства, но без панибратства. Благодарев и крестьянин такой же. Энергичный, ловкий, сметливый, он не упустит в хозяйстве ничего, он воспользуется столыпинской волей, чтоб выйти из общины, построиться, завести хозяйство, – и, конечно, начнет богатеть. В следующей своей фазе, спустя десяток-другой лет, это Захар Томчак, уже не крестьянин даже и не кулак – сельскохозяйственный магнат,

---

<sup>172</sup> О-16, кн. 1. С. 479.

<sup>173</sup> Латынина А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1993/11/latin.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html) // Новый Мир. № 11, 1993.

образцово поставивший прибыльное дело»<sup>174</sup>.

В свете процитированного высказывания стоит остановиться на двух принципиальных моментах. Необходимо пояснить, о какой именно столыпинской реформе идет речь. Уже многократно отмечалось, что писатель отводит довольно много места деятельности П.А. Столыпина на страницах первых томов «Красного Колеса», несмотря на то, что хронологически премьер-министр никак не мог там оказаться. А.И. Солженицын делает вставку «Из узлов предыдущих», где есть моногеройная глава – очерк жизни и деятельности знаменитого министра. С большой долей вероятности можно сказать, что писатель разделяет представления премьер-министра о медленном спокойном внутреннем развитии страны, а также описывает политику реформ, предложенных этим выдающимся историческим деятелем России, позволяющих это поступательное развитие осуществить (при отсутствии внешних потрясений). Кроме всего прочего, огромная часть этих реформ была направлена на среду народную, крестьянскую. Начиная биографический очерк о П.А. Столыпине, писатель намеренно подчеркивает, что крестьяне его волновали с самой юности. А.И. Солженицын замечает, что для деятельного человека главный узелок его жизни завязывается еще в ранней юности, а потом вся жизнь оказывается подчинена именно ему: «У Петра Столыпина таким узлом завязалось рано, сколько помнил он, ещё от детства в подмосковном Середникове: русский крестьянин на русской земле, как ему этой землёю владеть и пользоваться, чтобы было добро и ему, и земле.

Это острое чувство земли, пахоты, посева и урожая, так понятное в крестьянском мальчике, непредвидимо проявляется в сыне генерал-адъютанта, правнуке сенатора (по родословному древу – в родстве и с Лермонтовым). Не знание, не сознание, не замысел – именно острое слитное чувство, где неотличима русская земля от русского крестьянина, и оба они –

---

<sup>174</sup> Латынина А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1993/11/latin.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html) // Новый Мир. № 11, 1993.

от России, а вне земли – России нет»<sup>175</sup>.

Столыпин выступал за частную собственность у крестьянства (и, как следствие, против общины и сменяемости хозяев земельных наделов). В этом есть полемичность по отношению к позиции Л.Н. Толстого, поскольку последний, как мы знаем, выступал как раз с отказом от частной собственности. Также известно, что Лев Толстой был одним из самых ярких критиков деятельности П.А. Столыпина на посту премьер-министра. Нетрудно догадаться, что по этому вопросу позиция автора «Красного Колеса» была ближе к точке зрения министра. По мнению А.И. Солженицына, в целом, непростительной ошибкой было поверхностное отношение к крестьянству и недооценка этого сословия. Например, Александр III перенес на крестьян гнев, который был вызван мятежниками из интеллигентской среды. Но и Николай неверно строил свою политику в отношении крестьянства. Он не доверял им, настаивал на неприкосновенности общины. По мнению писателя, таким образом дворянская прослойка хотела сохранить землю для себя: «А просто: осознанно, неосознанно, весь правящий слой дрожал и корыстно держался за свои земли – дворянские, великокняжеские, удельные: только начнись где-нибудь, какое-нибудь движение земельной собственности – ах, как бы не дошло и до нашей. (Да ещё обзаведись крестьяне своей землёй – уменьшится предложение крестьянского труда)»<sup>176</sup>.

Но и крестьяне, со своей стороны, с трудом могли поверить, что помещик может желать им добра. В этом А.И. Солженицын склонен винить наследственную родовую память и обиду на помещичье землевладение. Однако, по мнению писателя (и премьер-министра, к точке зрения которого он отсылает нас), именно из-за отсутствия у крестьян их собственной земли не испытывали они уважения и к чужой собственности, а значит, община – это благодатная почва для социалистических взглядов. П.А. Столыпин

---

<sup>175</sup> А-14, кн. 2. С. 142-143.

<sup>176</sup> Там же. С. 165.

считал, что чувство частной собственности – это залог государственного порядка, и что оно так же естественно, как другие потребности в пище или семье: «Крестьянин без собственной земли легко прислушивается к толкам, поддаётся толчку разрешить свои земельные вожеления насилием. Крепкий крестьянин на своей земле – преграда для всякого разрушительного движения, для всякого коммунизма, то-то все социалисты так надрываются – не выпускать крестьянина из плена общины, не дать ему набрать сил. (Да и скученная жизнь в деревне облегчает работу агитаторов). Земельной реформой уничтожатся и эсеровские поджоги.

Свой ключевой, земельный закон Столыпин понимал как вторую часть реформы 1861 года. Это и было истинное, полное освобождение крестьян, опоздавшее на 45 лет. (И как тогда подогнало крымское поражение, так теперь подогнало японское)»<sup>177</sup>.

Как мы знаем из истории России, премьер-министр не успел реализовать всего задуманного. В концепции революции, представленной на страницах «Красного Колеса», именно убийство П.Столыпина и невозможность реализовать его реформенную политику стала одной из причин революции. Нереализованная земельная реформа косвенно повлияла на развитие в крестьянской среде революционных движений, поскольку крестьянин, довольный своим земельным наделом, никогда бы не решился сдвинуться с места.

## **§2 Экономия Захара Томчака и ее обитатели.**

Возвращаясь к процитированному высказыванию А.Латыниной, важно обратить внимание, что она ставит в одном ряду Арсения Благодарёва и Захара Томчака, считая, что Томчак – это следующая ступень развития зажиточного и толкового крестьянина, на которого рассчитана столыпинская реформа. Здесь следует чуть подробнее остановиться на образе Захара Томчака, хозяина крупной сельскохозяйственной экономии на юге России.

---

<sup>177</sup> А-14, кн. 2. С. 165-166.

Показывая экономию Томчака, А.И. Солженицын размышляет о путях развития фермерского хозяйства в России. Этот герой, прототипом которого стал дедушка писателя по линии матери, показан с большой долей авторской симпатии: став хозяином крупной экономики, он сохраняет кровную, родовую связь с миром крестьянства, его породившим. Поэтому его точка зрения важна А.И. Солженицыну, и она плотно примыкает к народной. В отличие, например, от его сына Романа, который представляет позицию, близкую буржуазии, утратившей национальные корни.

В эпопее «Красное Колесо» складывается весьма неприглядный образ Романа Томчака: он труслив, не очень порядочен, и делает все, чтобы не идти на фронт. Он может только «играть» в войну, расставляя флажки и помечая границы государств на карте после прочтения новостей в газетах – вот его основное развлечение. На его фоне контрастно выглядит позиция жены, Ирины, – она-то как раз готова идти на фронт и воевать вместо слабого и безвольного мужа: «У многих, ехавших сейчас, назначение сливалось: война, на войну, для войны. Из-за того вчера и загорелась ссора: Ирина слишком выразительно сказала, как трудно сейчас России и как должны сыны её... Не о муже, она не думала, что так получится! Она говорила вообще о тевтонской угрозе... А Ромаша принял на свой счёт, уязвился, обзывал, что она туполобая патриотка, дремучая монархистка, и от подобного же отца-невежды, самодура, что она не способна уразуметь, как мало в нашей дикой стране таких светлых, предприимчивых голов, как у её мужа. И последняя потаскуха пожалеет толкать мужа на войну, а она...»<sup>178</sup> Ирина стыдится за своего мужа, что он находится не на войне, и при этом не задействован в хозяйстве отца, что могло бы послужить хотя бы частичным оправданием его нахождения в экономике. За твердость характера и позиции свекор любит ее и ценит даже больше, чем собственного сына.

В концепции, предложенной В.В.Гуськовым<sup>179</sup> для описания и

---

<sup>178</sup> А-14, кн.1. С. 29-30.

<sup>179</sup> Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.

систематизации персонажей эпопеи, есть отдельная и очень важная для творчества А.И. Солженицына категория – герои-рыцари. К ним относятся, как правило, герои мужского пола: так, полковник Воротынцев представляется одним из самых ярких образов-рыцарей. Однако Ирина Томчак по своим взглядам и неукротимому желанию отправиться на войну может быть отчасти отнесена к этой категории. В образе Ирины (Ори, как зовут ее домашние) писатель показывает возможность высокого гражданского чувства в женщине: «А прошлым летом, в самое тяжёлое время русского отступления, когда изнывало орino сердце от русских потерь и от страха, что будет с Россией, ещё и попалоcь ей в газетах о смертном подвиге медицинской сестры Риммы Ивановой – ставрополки же, что особенно поразило Орю: кончала та Ольгинскую гимназию в Ставрополе, рядом с их пансионом, и даже годами моложе Ори, а вот... Перебиты были все офицеры её 10-й роты, и тогда Римма Иванова сама повела в контратаку нижних чинов, захватила вражеский окоп, убита, – и посмертно награждена Георгием 4-й степени»<sup>180</sup>. После прочтения Ирину ещё больше тянет на фронт, чтобы повторить этот женский подвиг: «Оря так почитала ту Первую Отечественную, в подробностях по картинкам знала её, никогда и не предполагала сама угодить в такое героическое время, – и вот распростёрлась, грозно тянулась Вторая Отечественная, а не находилось места Ореньке у армейских костров, или с партизанами, или со старостихой Василисой»<sup>181</sup>. Она готова была бы отдать всю свою спокойную и комфортную жизнь в экономии за героическую жизнь на войне. Женщина просит мужа пойти вместе на войну или отпустить ее одну, но его такая активность жены только задевает и оскорбляет. На вопрос, что она будет там делать, Оря сразу мысленно представляет себя стреляющей, сидящей на дереве или лежащей в окопах, легко сносящей все тяготы военной жизни, но решается вслух произнести только то, что она будет сестрой милосердия.

---

<sup>180</sup> О-16, кн. 2. С. 274.

<sup>181</sup> Там же. С. 274-275.

Однако и на это Роман не согласен, подозревая жену в том, что она будет изменять ему с офицерами. На самом деле, в душе он знает, что Ирина не способна на измену, но не может снести двойного позора: самому не пойти на войну и отправить вместо себя жену. Вместо всех героических порывов женщины единственное, что ей позволено, - это вступить в Общество Двенадцатого года, которое сначала боролось с немецким засильем в России, потом с немецким же землевладением. Но вот в чем оказалась проблема: соседняя с Томчаком экономя принадлежала барону фон-Штенгелю, да и в целом, многое в устройстве собственной экономии Захар перенимал у немцев. Ирина заступилась за них на заседании – и ее исключили. А ее свекор, Захар Томчак, и в самом деле очень уважал немцев, многое у них заимствовал для устройства своего хозяйства, и все это увеличивало его прибыль. Из-за такой близости и сотрудничества с немцами саму эту войну Томчак считал «бисовой дуростью, как свою драку палками в первом классе курьерского поезда с Афанасием Карпенко – из-за того, что тот назвал душой свою невестку, старшую дочь Томчака. Дура и есть дура, её из четырёхклассного училища выхватили, чтоб за богатого человека отдать, и из-за того деловым людям стыдно драться»<sup>182</sup>. Поэтому Захар считал, что русским надо не воевать с немцами, а многому у них поучиться в хозяйственном отношении: «Сейчас, когда годы такие пошли, что Россия соками наливается, не воевать надо было, а по тому Ерцгерцогу панихиду отслужить да на поминках трём императорам выпить горилки»<sup>183</sup>. Тем более, он не видит причины отпускать на бессмысленную войну ни сына, ни хороших мастеров, ни вольнонаемных казаков. Он возвращается из города с положительным для всех результатом – освободив всех «своих» от воинской повинности, и только неблагодарность сына, недостаток почета по возвращении оскорбляют его лучшие чувства.

На примере Захара Томчака и его ближайшего окружения мы можем

---

<sup>182</sup> А-14, кн. 1. С. 71.

<sup>183</sup> Там же. С. 71.

обнаружить, сколь многообразны могут быть взгляды на события Первой мировой войны, представленные даже в рамках отдельно взятой семьи. Хотя члены семейства Томчак и не являются крестьянами в полном смысле этого слова, но они «плоть от плоти» крестьянства, их волнуют схожие проблемы. Поэтому их позиция входит в довольно широкое понятие «народной точки зрения».

По мнению С.В.Глушкова, который рассматривает антиномию «солдат-офицер» на страницах «Красного Колеса», одной из ключевых причин исторических потрясений начала века является непонимание, разобщенность и разлад между офицерами и их солдатами в Первой мировой войне: «От главы к главе он рисует общую картину солдатского настроения, которое складывается из усталости от длящейся третий год и становящейся все менее понятной солдатам войны и из вырастающей отсюда же враждебности к офицерам, на которых выливается все солдатское недовольство. Не щадит А.И. Солженицын и офицеров, которые устали не меньше солдат, но, в отличие от них, разобщены и, предоставленные сами себе, нередко малодушничают, отступая перед грозной силой нарастающего солдатского бунта»<sup>184</sup>. Вот как смотрит на этот вопрос Ж. Нива: «Как и Толстой (на шарашке Солженицын постоянно перечитывал его, делая записи), Солженицын питает пристрастие к военному героизму: русский — настоящий воин, ибо он мужественно встречает смерть. И вновь вырисовывается союз между крестьянами — Арсением Благодаревым, Агафоном Огуменником, Мефодием Перепелятником, силачом Качкиным — и рыцарями, «новыми декабристами», «богатырями»: Нечволодовым (искренним монархистом), Крымовым, Кабановым. Они рождены, чтобы командовать, мужик — чтобы воевать, он создан для военной аскезы»<sup>185</sup>.

---

<sup>184</sup> Глушков С.В. Антиномия «солдат — офицер» в «Красном Колесе» А.И. Солженицына // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2016. № 1. С. 220.

<sup>185</sup> Нива Ж. Феномен Солженицына: главы из книги. Режим доступа: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2158>

### § 3. Отражение военных событий в фольклоре

В контексте народных воззрений на события Первой мировой войны очень важно обращение к фольклору. Это могут быть не только паремии (пословицы и поговорки), но и другие фольклорные формы. Особенно это касается солдатского фольклора, а именно – шуточных песен, которые А.И. Солженицын собрал, сохранил и включил в текст «Красного Колеса».

Одним из самых примечательных аспектов представляется то, каким изображается в этих песнях противник России, Вильгельм II. Одна из русских солдатских песен 1914 года, сохранившаяся на почтовой открытке, начинается со строк о том, что «немец белены объелся, драться в кулаки полез», а продолжается образом усатого Васьки-кота, в котором нетрудно узнать Вильгельма:

Запевала: А ведёт их войско важно

К нам усатый Васька-кот!

Хор: Фу ты, ну ты, фу ты, ну ты,

К нам усатый Васька-кот!<sup>186</sup>.

В других образцах солдатского фольклора облик Вильгельма и других немецких офицеров подвергается комическому переосмыслению и шаржируется, например, так:

Ах ты, герман-герман, шельма!

Наплевать нам на Вильгельма!

А уж Франца, дурака,

Раздерём мы до пупка!<sup>187</sup>

Комические призывы к победе над противником можно встретить и в газетных подборках, представленных в «Красном Колесе». Например, в газете «Биржевые Ведомости» был опубликован вот такой призыв, нацеленный на то, чтобы вселять в солдат патриотический дух:

Собирай-ко-тёсь, ребята,

---

<sup>186</sup> А-14, кн. 1. С. 222.

<sup>187</sup> Там же. С. 341.

Кто к военной службе гож!  
Зададим мы немцу перцу,  
Пропадёт он ни за грош!<sup>188</sup>

Но справедливости ради стоит сказать, что комический пафос – это не единственное настроение солдатских песен. Некоторые из них пронизаны откровенным лиризмом и тоской:

Ты заржи, мой конь,  
Громким голосом,  
Услыхал бы мой  
Родный батюшка,  
Сказал бы он моей  
Родной матушке;  
Сходила бы она  
На сине море,  
Достала бы она  
Со дна морской песок,  
Посеяла бы в зелёном саду  
На кирпичике;  
И когда тот морской  
Песок взойдёт,  
Тогда родный её сын  
Домой воротится<sup>189</sup>.

Вот таким образом комическое и трагическое одновременно уживается и в солдатских песнях, и в душе каждого воина, отправившегося сражаться с немцем. Фольклор, как очень чуткая система, отражает неуловимые оттенки настроения солдат, раскрывает весь спектр их чувств на войне. Кроме того, песни помогали солдатам отвлекаться от того ужаса, который они видели вокруг себя.

---

<sup>188</sup> О-16, кн. 2. С. 152.

<sup>189</sup> А-14, кн. 1. С. 355.

В «Августе Четырнадцатого» есть отождествление сражения с сельской жизнью, которое восходит к фольклору. Однако у Солженицына солдаты сравниваются не с добрыми пахарями (как, например, в стихотворении Н. Гумилева «Война»), а с колосьями, которые гнутся. Фраза, которую произносит крестьянин Арсений Благодарев: «Как на току» – воспринимается офицером Воротынцевым по-другому, он слышит «Как знатоку». И лишь позднее до него доходит истинный смысл сказанного. Кстати, в зарубежной литературе «потерянного поколения», например, у Э.М. Ремарка показано отношение крестьян к войне: «Когда этих крестьян что-нибудь заденет за живое, на лице у них появляется какое-то странное выражение, не то как у коровы, не то как у тоскующего Бога, что-то дурацкое, но в то же время, волнующее»<sup>190</sup>. Здесь нет неуважения к ним, скорее наоборот: автор подчеркивает, что несмотря на то, что крестьяне менее развиты интеллектуально, чем офицеры, они более укоренены в земле, поэтому они раньше постигают истинный смысл происходящего. Сходная мысль есть у еще одного писателя «потерянного поколения», Э. Хемингуэя: «Вот почему крестьянин мудр – он с самого начала потерпел поражение. Дайте ему власть, и вы увидите, что он по-настоящему мудр»<sup>191</sup>.

Любопытно, что при этом все-таки не всегда в «Красном Колесе» солдаты являются носителями исключительно высшей мудрости. В некоторых случаях сравнение с солдатом может не льстить, а, скорее, наоборот. Но это происходит лишь в том случае, когда высокопоставленный генерал ведет себя, как простой солдат: «Седина на темени и в моржовых усах, погоны и аксельбанты благообразно возвышают и дурака, мешают увидеть человека, каким он был и есть, – первичного Адама. Но если сделать усилие, можно увидеть: это переодет в генерала солдат-бегунок, при строгом унтере отличный бы солдат: ретивый, ногастый, минутки зря не посидит, везде ему надо, да пожалуй и бесстрашный к пуле. Или это дьякон изрядный:

---

<sup>190</sup> Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен. С-Пб: Кристалл, 2001. С. 190.

<sup>191</sup> Хемингуэй Э. Прощай, оружие!: роман. Вешние воды: повесть. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С.166.

высок, статен, голосом не обижен, во все уголки с кадилом сунуться не ленив, и актёрство в нём есть, а может и преданность Божьей службе.

Но почему он был генерал-от-инфантерии? Почему в его неосмотрительной власти оказалось шестьдесят тысяч русских воинов?»<sup>192</sup>

В приведенном фрагменте речь идет о генерале Артамонове, показанном в восприятии полковника Воротынцева. Очевидно, генерал несимпатичен полковнику, и это не единственное описание, из которого можно сделать такой вывод. В той же главе описана ситуация, в которой Артамонов собирает солдат и начинает их допрашивать, молятся ли они и знают ли своих святых. Но в итоге оказывается, что солдаты намного более верующие и знающие, чем генерал, решивший их поучать, как богу молиться нужно:

– Ваш полк – Берлин брал! Серебряные трубы за это имеете! Вот тебя, – спросил он широплечего солдата, – как зовут?

– Агафоном, – ваше высоко-дительство, – расторопно отвечал тот.

– Агафон – какой? Когда день ангела?

– Огуменник, ваше... дительство! – не растеривался солдат.

– Дурак ты! Огуменник! Почему – Огуменник?

– Дык, значит – осенины, ваше всходительство! Копны с поля, а на гумне работа.

– Дурень ты, святого своего надо знать! И ему молиться перед боем. Жития святых читал?

– Чи... читали, ваше дительство...

– Святой – это ж как ангел твой, он тебя защитит и охранит. А ты не знаешь! А в селе вашем престольный праздник когда? Тоже не знаешь?

– Как не знать, ваше дительство! В тех же днях, на малую пречистую.

– Что ещё за малая пречистая?

Агафон замялся. Но сзади крикнули грамотейным голосом:

– Рождество пречистой Богородицы, ваше высокопревосходительство!

---

<sup>192</sup> А-14, кн. 1. С. 224-225.

– Так вот молись Божьей Матери, пока жив! – заключил Артамонов и спросил через трёх четвертого.

Но и тот оказался Мефодий-Перепелятник и тоже не знал жития своего святого.

– Да кресты-то на всех? – осердился генерал.

– Как можно!... На всех!... – в дюжину голосов, даже обиженно ответила ему Россия.

– Ну так и молитесь! Утром начнёт немец бить – а вы молитесь!<sup>193</sup>

Как видно, при обращении к фольклорной традиции, несмотря на всю серьезность поднимаемых автором вопросов и проблем, отдельный и очень важный пласт «Красного Колеса» представляет юмор, комическое начало. К сожалению, иногда А.И. Солженицыну отказывают в этой составляющей его текстов, считая его слишком серьезным, но это не совсем справедливо. В эпопее особое место занимает солдатский юмор, шутки на войне и о войне. Очевидно, это, наряду с распеванием солдатских песен, одно из главных средств снятия напряжения и страха для воюющих людей. Находясь под пулями и постоянно рискуя умереть, солдаты не перестают шутить. Потому что там, где есть смех, нет места страху смерти. Вот один из самых ярких коротких эпизодов, иллюстрирующих эту особенность поведения людей на войне:

– А когда теперь обед будя? – спросил тот солдат, что про артиллерию спрашивал.

Все как обрадовались на него накинуться:

– Ишь ты!... Проголодался!

– По теми, раньше не жди!

– Прежде смотри – брюхо бы не проткнули, а то некуда обед совать!<sup>194</sup>

Кроме того, очень много шуток порождает простая игрушка – лев, найденный солдатами и ставший их талисманом. Во время боя они

---

<sup>193</sup> А-14, кн. 1. С. 228.

<sup>194</sup> Там же. С.236.

постоянно проверяют, не ранили ли льва, ощущая его одним из «своих». И игровое обращение со львом тоже становится источником шуток, снимающих жуткое напряжение и страх: «Проверили льва – а лев цел, ни пробоинки! Зароготали: а мы-то хоронимся, дураки!»<sup>195</sup>

В момент самой тяжелой атаки солдаты находят в себе силы шутить, и Воротынцев их в этом не оставляет:

– Ну! Святых своих все помните? – ещё успел крикнуть Воротынцев. – Ма-литесь!

И ещё последним смешком, вспоминая вчерашнего генерала, отозвались ему справа и слева:

– Богу молись, а к берегу гребись!

– Николай Угодник один всех покроет!

и Арсений взревел:

– Прощай, белый свет – и наша деревня! -

а уже приседая на дно, а уже головы пряча, однако и крестясь<sup>196</sup>.

Неслучайно одной из черт Благодарёва, симпатичной автору и полковнику Воротынцеву, оказывается «легкость к смеху». На войне именно такие люди особенно нужны, поскольку они всегда могут разрядить обстановку: «Видно, лих был смеяться Благодарёв, так и несло его на смех. Ну да и работать, наверно, лих. Было в нём чуть неуклюжести, – той неуклюжести, когда сила в руках затекает, в ногах перетаптывается. Лет ему было, сказал, двадцать пять, но сохранилось в его лице что-то толстощёкое ребячье и с той доверчивостью, которую только в деревне и встретишь»<sup>197</sup>.

Именно с Арсением связан один из самых комических эпизодов в эпопее – встреча с генералом Франсуа и немецкими солдатами. Русский отряд под предводительством полковника Воротынцева столкнулся в горах с немцами, и противники оказались в затруднительном положении: непонятно, кто кого из них взял в плен, поскольку

---

<sup>195</sup> А-14, кн. 1. С.235.

<sup>196</sup> Там же. С.238.

<sup>197</sup> Там же. С.237.

численность солдат с обеих сторон была примерно равная. Раскланявшись и обменявшись шутками, эти два противоборствующих отряда решили мирно разойтись, не стреляя друг в друга; но когда русские солдаты уходили, на какой-то момент для них возникла опасность того, что будут стрелять в спину. Вместо этого в спину же им донесся только смех – немцы смеялись над Арсением Благодарёвым. Оказывается, поскольку ему натирало седло, он приспособил вместо него подушку, и его манера езды сзади выглядела особенно комично. Хотя самому Арсению это не казалось таким уж смешным, ему просто было удобно в таком положении. В этой сцене он похож на нелепого оруженосца Дон Кихота – Санчо Пансу. Тем не менее, это был единственный случай, когда полковник на него рассердился: «И – взрывом засмеялись немцы! Воротынцев успел услышать, понял – и первый раз рассердился на Благодарёва:

– Над твоей подушкой!... Всю русскую армию позоришь!...

Благодарёв скакал богатырски-ровно, с лицом нахмуренным, обиженным.

Ещё успевал бы немецкий пулемётчик перестрелять их всех.

Но – это невозможно было после уступчивого разговора. И вовсе было бы недостойно полководца, ступающего в Историю»<sup>198</sup>.

Носителем комического начала в эпопее становится еще один персонаж на войне – Цыж. Он владеет редким и удивительным навыком – рассмешить. Он знает, что «война любит веселый дух», поэтому старается подать обед своему начальству так, чтобы он чувствовал себя дома, рядом с женой. Одним словом, весело:

– Что ещё, вашблагородь, прикажете?

– Мёду жбан! – протрубил Чернега.

А Цыж, уже с пепелиной в волосах, улыбаясь, тряпку белую – на рукав, как полотенце трактирный половой:

---

<sup>198</sup> А-14, кн. 1. С. 336-337.

– Так что, рой отлетел, вашбродь. Мёд – на тот год<sup>199</sup>.

Показывая полковника Воротынцева и простого солдата Благодарёва сидящими бок о бок в одном окопе, А.И. Солженицын обращает особое внимание на сходство или, наоборот, разность их реакций на то или иное событие. Особенно это касается ситуации сильного обстрела, мощной атаки противника, когда снаряды летят один за одним и вся земля трясется рядом с ними. Интересна реакция образованного человека, офицера, и бывшего крестьянина, ставшего солдатом, - казалось бы, что они оба могут испытывать, кроме нечеловеческого страха и паники?

Но, как оказывается в дальнейшем, разница все-таки есть. Воротынцев оценивает ситуацию с позиции военной науки: «**Такого** и сам Воротынцев ещё не испытал никогда в жизни! **Такой** густоты на японской не бывало! Не землю рядом – уже само твоё тело терзали, и усилием ума надо было напоминать, что если слышишь и соображаешь, то это ещё не твоё тело, а всё-таки землю! Как будто все годы войны занимаясь, здорово ж он от войны отвык: все ощущения как внове. Ему, академисту, и то усилием ума надо было внушать и внушать себе, что теоретически из окопа полного профиля даже за час такой работы не могут вырвать более четвертой части защитников – и, значит, 75 процентов за то, что ты останешься жив»<sup>200</sup>.

У полковника есть явное преимущество перед солдатом – он знает, что, скорее всего, его не убьют. Но у солдата оказывается моральное превосходство в смелости – он находит в себе силы шутить и улыбаться, думая, что может умереть каждую секунду:

«В беззвучном грохоте, от всего мира отъединённые, только двое они, одни на всей Земле живые, смотрели друг на друга человеческим, последним, может быть, взглядом.

И Воротынцев подмигнул ему для бодрости. А тот – и больше, даже хотел распылить губы в несуразную улыбку. Да не вышло.

---

<sup>199</sup> О-16, кн. 1. С. 35.

<sup>200</sup> А-14, кн. 1. С.239.

Ему-то неизвестно про семьдесят пять процентов. Ему-то не растолковано загодя!...»<sup>201</sup>

Разницу их мировоззрений и знаний подчеркивает еще один эпизод, о котором мы упоминали ранее в связи с обращением к фольклорной традиции. Во время страшного обстрела Воротынцев слышит, что Арсений хочет ему что-то прокричать, и ему кажется: «Как знатоку». Он не может понять, о чем идет речь – о часах ли, смотреть на которые Благодарёв тоже мастак? Но потом оказывается, что крестьянин кричал «Как на току!», подразумевая параллель между войной и сельским хозяйством:

«Как колосья, распластанные на току, так и солдаты в окопах притаились и ждут, что расколотят им тела, каждому – его единственное. Гигантские цепи обходили их ряды и вымолачивали зёрнышки душ для употребления, им неизвестного, – а жертвам солдатским оставалось только ждать своей очереди. И недобитому, и раненому – только ждать своей второй очереди.

Правда, чем они эту молотилку выдерживают? – не режут, не сходят с ума»<sup>202</sup>.

Воротынцев смотрел на Благодарёва и ясно определял, что тот – не боится: «То есть он, конечно, не хочет умирать, и понимает, что бояться – надо, что всем надо бояться, раз положение такое, – а страху всё равно в Благодарёве уже не было: душевное потрясение не отпечатлелось на его лице, не пучились глаза, не помутился ум, не выскочило сердце. И подумал: вот этого солдата он и предвидел встретить, когда в штабе армии отказался взять в сопровождение тыловую ряжку. Вот этого солдата он сейчас возьмёт и будет с собою таскать до конца сражения»<sup>203</sup>.

Как мы не раз отмечали, полковник Воротынцев в эпопее служит не только выразителем авторской позиции, собственных взглядов и точки зрения передового офицерства. Через этого героя писателю удастся

---

<sup>201</sup> А-14, кн. 1. С. 239.

<sup>202</sup> Там же. С. 240.

<sup>203</sup> А-14, кн. 1. С. 241.

представить и солдатскую точку зрения, поскольку чуткий полковник понимает и ощущает отношение простых солдат к войне. Прожив вместе с солдатами столько времени, повоевав вместе в окопах, выходя из окружения, Воротынцев понял, что солдаты нисколько не приняли эту войну, душой не разделили ее: «...ничего не видит в ней, кроме бесполезных смертей и бесполезной потери рабочего времени. В народном сознании эта война не была подготовлена, не созрела, ворвалась насилием или стихийным бедствием, – и из сотни солдат редко один испытывал к австрияку, к немцу – враждебность, а гневались только за удушливые газы, за что и следовало. (После первых, на нашу беззащитность, газов – сдающихся в плен кололи, раньше никогда.) А кроме – ни у кого не было ни обиды на противника, ни разозлённости, ни ясной цели: для чего надо принимать все эти гибели и раны, или какая опасность так уж нам от немца грозит<sup>204</sup>.

По мнению полковника, если солдат сердцем не разделил войны, то и никакие офицеры не имеют права гнать его воевать, ничего хорошего из этого не выйдет. Солдаты ждут только скорейшего «замирения», да и сам полковник, каждый день наблюдая поведение простых солдат и слушая их разговоры, мало-помалу склоняется к этой идее. Писатель подчеркивает народную этимологию этого слова – не «мир», не «победа», а именно «замирение». В этом слове несколько иной смысл – никто никого не побеждает, не завоевывает, никто не ставит себя выше ни над кем. И именно такое положение при окончании войны поддерживает полковник Воротынцев, а через него – и сам Солженицын. «Замирение», по мнению писателя, это как будто «ничья» - состояние, которое не является обидным для каждой из сторон. Полковник осознает, что крестьяне не только не принимают войну, они ее и не понимают: «Их состояние выше усталости: застывшее недоумение. Так и умирают – недоуменными. Их дух третий год не поддержан никакими разъяснениями, никаким вдохновением, а только: надо умирать! Крестьяне очень верят в высшую справедливость. В эту войну

---

<sup>204</sup> О-16, кн. 1. С. 126.

они утратили её ощущение: они гибнут, но им непонятно – зачем. Они всё тянут не из страха – но через силу. Они выросли бы на любые жертвы, но должны видеть необходимость этих жертв. Наш народ – с таким хорошим сердцем, так послушен, – но мы этим послушанием злоупотребили. Они тянут, тянут непонятный им долг, – но будет ли это до конца? Вы говорите – народ не простит этой войны, – да, но не правительству, а – нам всем!»<sup>205</sup>

Показательна реакция солдат на отречение своего Государя. Сначала они не могут в это поверить, потом ощущают себя покинутыми:

«Ба-атюшки! Голова не успевала управляться: да чего ж это он на нас рассерчал?

А не желая расстаться с любимым сыном нашим – заповедуем брату.

Так ежели волнение внутри народа и войну до победы – что ж всё на брата? А – сам? А – нас?»<sup>206</sup>

Потом они начинают плодить слухи о том, что Царя-Батюшку «скинули» немцы, затем решают, что приказ подложный. Но потом до их сознания доходит, что если теперь нет Государя, то и война должна прекратиться:

Жаль-то жаль без царя, но и раздумались батарейцы: а ведь это, братья, так просто не обойдётся, не. Ежели царя не стало никакого – то кто ж будет войну теперича направлять? Выходит – никто? А она сама идти не может.

Так не иначе – будет замирение?»<sup>207</sup>

Но, к сожалению, столь горячо ожидаемое «замирение» не приходит с отречением царя. Уже в марте-апреле семнадцатого года, в заключительных Узлах эпопеи, когда социалист Ардов ведет свою агитацию в солдатской среде, утверждая, что теперь они «обречены победить», и что с революцией война только начинается, все это вызывает праведный гнев со стороны крестьян: «А солдаты – те солдаты, которые в Четырнадцатом в сутки валили на мобилизацию и отшвыривали медицинский осмотр – „здоров!“, – ничего

---

<sup>205</sup> О-16, кн. 1. С. 309.

<sup>206</sup> М-17, кн. 3. С. 324.

<sup>207</sup> Там же. С. 485.

этого не знали, как их водили эти три года.

Но за всю эту цепь неумелостей и позоров – имеют солдаты и право на гнев!

Имеют – но и сегодня ещё не догадались. Только – ярость к каким-то изменникам, скорей всего с немецкими фамилиями. И – слепая ненависть к отданию чести, к офицерскому погону»<sup>208</sup>.

Двухнедельное пасхальное братание с немцами показало, что и в 1917 году солдаты не хотят воевать в этой войне, прояснилась условность врага и самой войны. Солдат ждет именно «замирения», и от Временного правительства тоже: «А Леонид Андреев раскатывает статью: „не от войны мы устали“. Да, конечно, ты не устал.

И – право ведь народное чувство, хотя и слепо, и невежественно: расширению – надо же знать меру, оно не может быть безграничным, мы и так раскинуты – уже между рук не удержим. Вся эта „общеславянская задача“ на Балканах, Константинополь – всё ведь надуманный вздор. Союзники – знают, чего они в этой войне хотят. А мы – не знаем»<sup>209</sup>.

#### **§ 4 Солдат и офицер перед искушением**

Создавая образ солдата на фронтах Первой мировой войны, А.И.Солженицын не мог обойти своим вниманием такого насущного вопроса, как мародерство. Конечно, там, где война, всегда есть место не только подвигу, но и подлости. Писатель, безусловно, не подходил к отображению событий Первой мировой войны с готовой застывшей концепцией и не ставил своей целью опоэтизировать войну, поэтому он и изображает ее без прикрас, не обходя и различные «неудобные» вопросы (к которым и относится вопрос о мародерстве). Как мы знаем, сам А.И. Солженицын прошел всю Великую Отечественную войну, поэтому, вероятно, сталкивался с чем-то подобным на личном опыте. В эпосе тема мародерства вводится, в

---

<sup>208</sup> А-17, кн. 1. С. 223-224.

<sup>209</sup> Там же С. 224.

первую очередь, через восприятие поручика Ярика Харитонов, молодого офицера, на стороне которого явно находятся все симпатии автора. С первых страниц, когда создается образ Ярика Харитонova, писатель подчеркивает именно то, что этот юный офицер сразу же легко нашел общий язык с солдатами. Он не просто верил в абстрактный «народ-богоносец», он сжился с каждым солдатом своего взвода, восхищался ими и глубоко полюбил их: «О любви к народу много говорили, только и говорили в семье Харитоновых, для кого же и жить, как не для народа, – да только видеть народ было негде и нельзя, даже на базар соседний нельзя было отлучиться без спросу, и потом руки надо мыть и рубашку менять, к народу никак было не подойти, ни с какой стороны не заговорить, неизвестно что говорить, стесняешься, – а вот теперь естественно сошлось, что этим мужикам бородатым был 19-летний Ярослав чуть ли не за отца, и сами они искали его – просить, спросить, доложить. А ему оставалось, сверх наилучших действий по службе, только вбирать, и вбирать глазами, ушами и памятью – кто как зовётся, кто родом откуда и что у кого дома»<sup>210</sup>.

Мы видим, что Ярослав из породы таких офицеров, которые особенно важны для писателя – он близок типу, представленному полковником Воротынцевым, только он пока еще слишком юн. Тем не менее, это уже практически сформировавшийся офицер, который обладает и знаниями военной науки, и близок к простому солдату, понимает его нужды. Иными словами, тип того самого идеального офицера, близкого к народу, но и обладающего знанием. Потому Харитонов так и нравится солдатам – они рады его видеть, смеются и шутят вместе с ним. В первых письмах своей семье Ярик пишет о том, что всю жизнь только к этому и стремился – «быть вольно-мужественным и вместе с простым народом».

Он оказывается в непростой ситуации: когда его взвод зашел в завоеванный город противника, над ним нависло искушение воспользоваться оставленными вещами и продовольствием. Юный офицер не знает, как ему

---

<sup>210</sup> А-14, кн. 1. С. 124.

поступить – все соседние взводы и роты остановились на привал, а своих лучших, добропорядочных солдат – как не пожалеть? Они тоже заслужили отдых. Далее встает вопрос о еде: «После стольких изнурительных дней при ущербном пайке – так ли уж дурно было, что неотклонной голодной надобностью по одному, по два, по три стало утягивать и его солдат, – кто спросом, как благородный Крамчаткин, подошёл, печатая шаг, и глазами вращая, весь живот во власти командира: – “Разрешите обратиться, ваше благородие? Разрешите отлучиться за продовольственной поддержкой?”, – а кто за стену винть, и вот уже сахар несёт, и печенье в цветных пачках, из рук второпях обранивая и прячась от взводного командира. Дурно? Наказать? Да ведь голодны, да ведь это – потребность, от которой и бой зависит. Почему уж так надо считаться с покинутым захватным имуществом? Посоветоваться бы с другими офицерами, но что-то не видно их, и с кем советоваться? – ты взрослый, ты офицер, ты решаешь сам»<sup>211</sup>.

К тому же, продукты все заморские, качественные, таких солдатский желудок уже давно не видал – макароны, которые мужики и в глаза не видели, телятина в банках. В душе честного и неопытного офицера идет сложная внутренняя работа – он понимает, что позволять этого по уставу нельзя, но и жалость к солдатам играет важную роль. Поэтому он оправдывает их: «Здесь – нет преступления, чиста солдатская душа, они – заслужили. Да ведь что-то и сварить, и разогреть – в доме, или на дворе, свой огонь разведя между кирпичами. А вот ещё занятней, даже офицерам вдиво – как немцы хранят яйца: кладут их в беловатую, видимо известковую воду и оттуда они как свеженькие, сколько ж месяцев?»<sup>212</sup>

То есть, не только воспользоваться чужим, но еще и поучиться у немцев, позаимствовать что-то для устройства собственного хозяйства спешат крестьяне. Да и самого Ярослава увлекают немецкие карты, сделанные намного более искусно, чем русские, и он отправляется их

---

<sup>211</sup> А-14, кн.1. С. 284.

<sup>212</sup> А-14, кн. 1. С. 284.

посмотреть. Но что-то не дает ему покоя, какое-то тревожное чувство, и он спешит к своему взводу. По пути замечает, что город уже несет в себе следы разорения и мародерства: «Туда-сюда сновали разлапистые солдаты, как у себя по деревне, хорошо зная места, – и свои офицеры не кричали на них, не Харитонову было вмешиваться. Бочку пива катили. Нашли в городе и птицу, и уже перья нащипанные окровавленные завезало ветерком по мостовой, и шевелило цветные обёртки, пустые коробки. Хрустело под сапогами от насыпанного и выбитого. Вот в оконном проломе – развороченная квартира, ещё не вся нарушена недавняя любовная опрятность, а комоды вывернуты, а по полу – скатерти, шляпки, бельё.

И натягивалась тревога: а как его взвод? неужели и его взвод?...»<sup>213</sup>

Еще по пути его останавливают Козеко и другие офицеры, предлагая выбрать для себя теплые вещи. Но юный офицер стыдится такого подхода. Точка же зрения Козеко гораздо более приземленная: он считает, в утеплении армии есть жизненно важная цель, и что это не мародерство. Что солдат в теплой одежде и воевать лучше будет. И что они бы и рады заплатить за взятую одежду, да некому. Но Ярослава это не убедило, ему даже стало противно, и он только еще больше заторопился к своему полку. По пути он видел, как город постепенно начинал гореть, как на телеги офицеры грузили парфюмерию и велосипеды. Но он сохранял надежду, что его полк не таков: «Но в солдатах – нравственная сила народной жизни, они сейчас поймут, им никто не объяснил, Ярослав сам виноват – пробовал консервы и похваливал, с этого началось. Он и бессильным себя чувствовал, он и не вправе себя чувствовал, безусый, поучать мужицких отцов самым основам жизни, он и обязан был – к чему ж тогда его погоны?»<sup>214</sup> Вот в чем заключается нравственная дилемма молодого офицера Харитонова: мародеров по приказу нужно было наказывать поркой, и он был с этим согласен; но никто не готовил его к тому, что ими могут оказаться те же

---

<sup>213</sup> Там же. С. 285.

<sup>214</sup> А-14, кн. 1. С. 287.

самые прекрасные солдаты его взвода.

Когда Ярослав добежал до своих солдат, он пришел в ужас – его встречали хмельные лица, все черпали кружками из котелка какой-то напиток. Он сразу решил, что солдаты перепились, пьют что-то алкогольное, но заметил, что котелок висит над костром. Увидев командира, крестьяне не испугались, а обрадовались его появлению, и стали зазывать его к столу, чтобы он разделил с ними трапезу. И вот тут оказалось, что пили они совсем не алкоголь, а чудодейственный согревающий напиток – «какаву», как они ее называли, и радостно наперебой пытались потчевать своего командира. И – что-то дрогнуло в сердце Харитонов, не смог он рассердиться на своих солдат за удивление и интерес перед заморским, доселе не виданным напитком. И разделил с ними трапезу, не стал «распекать» за нарушение устава и даже осуждать. Можно с уверенностью сказать, что позицию Харитонova разделяет и сам автор: скорее всего, те же метания могли охватывать офицера А.И. Солженицына во время службы и участия в войне 1941-1945 года. И, вероятно, он сделал тот же выбор, что и поручик Харитонов – не смог осудить своих солдат за небольшую человеческую слабость, заслуженную верным исполнением своего долга и честной службой. На то, что писатель не осуждает своих героев, указывает также следующий фрагмент: «Нет, хмельность лиц была не пьяная, а благодушная, – доброжелательность пасхального розговенья. С застольной мирной неторопливостью улыбались друг другу, беседовали, рассказывали. В стороне, в пирамидках по несколько, стояли ненужные винтовки»<sup>215</sup>.

То, что писатель с его трепетным отношением к православию сравнивает эту ситуацию с «пасхальным разговением», о многом говорит. Это сразу же окрашивает ее в теплые и светлые тона. Так же, как и его герой Харитонов, автор не осуждает солдат, а жалеет их. Со свойственным ему стремлением к объективности изображения писатель не мог обойти своим вниманием тему мародерства. Но изобразил ее так, что нам понятно его

---

<sup>215</sup> Там же. С. 288.

отношение к подобным ситуациям во время войны – их нужно судить совсем по иным законам, чем в мирное время.

## Глава 4. Позиция царя и его окружения

### §1. Специфика создания образа Николая II

Рассматривая в данной работе различные точки зрения на события Первой мировой войны, представленные в эпосе «Красное Колесо», мы постепенно приходим к выводу, что эти позиции не только до определенной степени поддаются группированию вокруг какого-то «очага», но еще и выполняют различные функции. В частности, в данной главе мы обратимся к точке зрения Николая Второго и его ближайшего окружения, чтобы показать, что во многом через образ царя писателю удастся ввести «предысторию» этих событий. Происходит это потому, что Николай II – один из немногих людей в нашей стране, которые могли знать о войне заранее или ее предвидеть и предотвратить. Именно через образ императора появляется возможность подробнее показать отношения с немецким императором Вильгельмом и общеполитическую обстановку в целом на момент начала войны. Кстати, Вильгельм появляется еще на одном уровне осмысления в «Красном Колесе», только уже в более сниженной форме, а именно: в солдатском фольклоре, где присутствуют песенки про «Вильгельма-шельму» и «Ваську-кота» (о них шла речь в предыдущей главе). Помимо позиции самого Николая II, его взглядов на войну, в данной главе планируется рассмотрение точки зрения императрицы (здесь не обойтись без обращения к фигуре Григория Распутина) и министра П.А. Столыпина, который настолько важен в концепции «Красного Колеса», что появляется почти в каждой главе нашего исследования. Кроме того, министр отчасти оказывается связан и с «предысторией» этого военного конфликта.

В «Красном Колесе» создается сложный и противоречивый образ Николая II: с одной стороны, он показан как верный любящий муж и настоящий семьянин, глубоко верующий человек, живущий, ориентируясь на православные каноны. Но с другой стороны, писатель не может не оценивать

его деятельность на посту главы государства, и тут уже А.И. Солженицын беспощаден: он не прощает русскому императору ни одного промаха, ни одной слабости. Правильнее было бы сказать, что с человеческой стороны Николай II симпатичен автору и заслуживает того же чувства со стороны читателя, но с царя, оказавшегося на вершине власти в такое сложное время, совсем другой спрос, чем с обычного человека. Иными словами, Николай показан как хороший человек, правоверный христианин, но слабый царь, своими действиями толкающий страну в войну, а затем – и в революцию.

В процессе чтения «Красного Колеса» становится понятным, что А.И. Солженицын не ставил своей задачей создать очередной «очернительный» образ последнего русского царя. Скорее, хотел показать именно противоречивость и трагизм этой фигуры. Писатель неоднократно подчеркивает, что несчастьем Николая стало то, что он при мягком и податливом характере оказался на вершине правления страны в смутное время. Одной из промежуточных целей автора стало показать также диссонанс между христианским мировоззрением русского царя и агрессивностью внешней политики. Вероятно, эти вещи все время вступали в противоречие в сознании Николая II. Вот как это было продемонстрировано в «Красном Колесе» применительно к внешнеполитической ситуации с Китаем: «Власть императора – непомерна. Нельзя бездействовать – но и при действиях неосторожная длань давит сотни и тысячи людей. Когда можно не действовать – лучше бы не действовать, вместо крутых мер – золотую середину. По-христиански нельзя делать другому – Китаю, того, чего не хочешь себе – России. А практическая политика заставляет – делать, строить дорогу через Манчжурию, укреплять её охранной полосой, связь по суше установить до Порт-Артура»<sup>216</sup>.

Писатель показывает царя глубоко и истинно верующим человеком, что в системе координат художественного мира А.И. Солженицына является

---

<sup>216</sup> А-14, кн. 2. С. 337.

очень важной чертой, но и вины за некоторые поступки и события с него тоже не снимает. Одним из «просчетов» царя, на которые все время указывает автор, считается явное пренебрежение внутренней политикой в противовес внешней (в отличие от министра П.А. Столыпина, который, наоборот, считал, что внешняя политика – это самое простое, а по-настоящему запущена у нас как раз внутренняя). Но Николай не мог поверить, что с ЕГО народом, с ЕГО страной могут возникать какие-то проблемы: «Естественно, всё главное внимание и зоркость царя уходили на разгадку козней, интриг и заговоров внешних врагов. А внутри России врагов бы быть никак не должно, лишь подданные, ожидающие своей очереди милостей. России быть бы единой. Но нет: все те годы, что Николай напрягал разум разобраться в международных сплетениях, – здесь, внутри, совсем не было спокойно, они не вняли его твёрдому отказу в конституции, волновались всегда недовольные земские служащие и те бездельники из дворян, кто свободен был от забот истинной нужды и мог насытить свой досуг измышлениями о нуждах пресыщения»<sup>217</sup>.

А.И. Солженицын демонстрирует, что первые четыре года своего правления Николай II свято верил, что все конфликты – и внешние, и внутренние – можно уладить терпеливо и по-доброму. Но на пятом году его ждало разочарование – даже после Гаагской мирной конференции нигде не воцарился мир – ни снаружи страны, ни внутри ее. Писатель действительно уделяет особое внимание миротворческой деятельности русского царя. Речь идет о знаменитой ноте о разоружении, составленной самим Николаем Вторым и разосланной по Европе. Царь считал, что главная миссия Российской Империи на общей политической арене должна стать именно миротворческой, поэтому хотел призвать все страны к остановке развития вооружения, а также призывал к сохранению духовной силы народов. Но, к сожалению, эта нота не произвела того эффекта, на который рассчитывал русский царь – страны отнеслись к ней с недоверием: «Весь мир был

---

<sup>217</sup> А-14, кн. 2. С. 337.

застигнут врасплох. Печать (а значит народы?) похваливала, отнеслась местами даже восторженно, правительства – иронически или недружелюбно: с царского трона легко произнести всё, что угодно, правительство царя не зависит от общественного мнения, от одобрения кредитов. Франция была обижена, как союзница, от которой скрыли подготовку ноты, и возбуждена, что у неё хотят отнять 27-летнюю подготовку возратить силою Эльзас и Лотарингию. Англия и Америка отнеслись спокойней, поскольку не предлагалось ограничивать флоты, а они своих целей достигали флотами. Тут между Англией и Францией вспыхнул грозный конфликт в Африке, угрожавший войною. Так запутались счёты между державами, что нельзя было избрать момента, равновыгодного всем для остановки вооружений: всегда кто-то оказывался отставшим. Да и у самой России были проблемы: всё тот же Босфор и Крайний Восток, и ещё подумать надо было, не поспешить ли всё-таки перевооружиться скорострельными пушками, чтобы сравняться, чтобы не думали: мы потому предлагаем остановить вооружения, что истощили свои средства. Перевооружиться – а уже потом ограничиваться? Вильгельм телеграфно приветствовал возвышенность побуждений русского императора – и тут же увеличил свою сухопутную армию»<sup>218</sup>.

Писатель стремится показать, что большинство побуждений молодого царя в начале его пути были правильными и искренними по своей сути, но порой слишком наивными и далеко не всегда применимыми к жизни. Или они разбивались об стену из министров и советчиков, которые пытались влиять на решение монарха. Так, А.И. Солженицын подчеркивает желание царской четы отдалиться от светских раутов: свет со всеми его сплетнями и развлечениями не был близок Николаю и Александре, они старались от него отгородиться и проводить больше времени вместе, в семейном кругу. Параллельно со стремлением уйти от светских мероприятий развивается и желание Императора слиться со своим народом, стать ближе к нему. И в 1903

---

<sup>218</sup> А-14, кн. 2. С. 334.

году ему предоставляется такая возможность: Николай II участвует в канонизации русского святого, преподобного Серафима Саровского. Здесь Николай, наконец, получает то, что хотел: «Он не взял с собой ни государственных людей, ни государственных забот, ни придворной свиты. Он – как бежал от этого безверного, насмешливого, затхлого петербургского мира, – бежал окунуться в святость и в свой народ. И ожидания его сбылись наилучше. На прославление святого, так забавное образованному обществу, во многих тысячах собрался простой народ, телегами из дальних мест. Не было потребности ни в дворцовых церемониймейстерах, ни в полиции, ни в охране: распрягши коней по сторонам, бородатые паломники и в белых платках паломницы залили собою всё примонастырское пространство, и стекали к обеим сторонам лесной дороги поглядеть, как их царь несёт гроб святого»<sup>219</sup>. Этот эпизод автор «Красного Колеса» раскрывает как одну из самых светлых страниц в царствовании Николая II. В этот момент он ощущает настоящее счастье, а возвращается после поездки более уверенным в себе и в своей монаршей воле. На какой-то момент он становится более готовым к решительным действиям и меньше прислушивается ко всем своим министрам и советчикам.

А.И. Солженицын показывает как высшее чаяние Николая II – быть истинно народным царем, исполнять только его волю: «Вот, без бумаг, канцелярий и высшего света он соприкасался со своим истинным народом и был истинным народным царём, какого и жаждет Россия. В народе – правда, и в царе правда, и как бы постоянно ощущать эту саровскую связь – и царскою волей выражать народную мысль?

“Не посрами нас от чаяния нашего...”»<sup>220</sup>

## **§ 2. Николай II и Вильгельм II: предыстория военного конфликта**

В эпосе писатель намеренно отводит довольно много

---

<sup>219</sup> А-14, кн. 2. С. 350.

<sup>220</sup> А-14, кн. 2. С. 351.

художественного пространства отношениям Николая II и Вильгельма II, чтобы показать, что для России возникновение угрозы войны стало полной неожиданностью при взаимной личной дружбе правителей двух стран (и чтобы оценить, насколько это дружба была искренней с обеих сторон). Когда Николай II только вошел на престол, пожилой умирающий министр передал ему секретную информацию о военном договоре между Францией и Россией, в котором говорилось о выставлении в случае войны с Германией со стороны Франции миллиона людей, а России – восьми миллионов. Эта информация стала очень тяжелой для юного монарха: «И с этим тайным бременем обречён был теперь Николай получать настойчивые, почти любовные, письма от Вильгельма, горячо любящего друга и преданного кузена, о том, что не случайно Россия и Германия и царствующие в них дома уже столетие связаны традиционными узами дружбы: в этом – единство их противостояния анархизму и республиканизму; тот монархический принцип, который только и держит эти страны на прочных основах рядом с Францией, где президенты мостятся на троне обезглавленных королей, а едва засаженных злодеев распускают амнистиями; рядом с Англией, где всемирный приют скотам-анархистам, где министерства плетутся к падению, сопутствуемые насмешками всех»<sup>221</sup>.

Министр успел объяснить молодому царю, по какой причине его отец решился на секретный союз с Францией, о котором не знали даже кабинеты министров этих стран: оказывается, до недавнего времени между Россией и Германией ранее был заключен подобный договор на случай войны – если одна из стран ввязывалась в мировой конфликт, вторая обеспечивала бы ей поддержку или хотя бы нейтралитет. Но тот самый дружественно настроенный кузен Вильгельм II не возобновил договора с Россией, когда пришел к власти.

Не смотря на это, после рождения долгожданного наследника Николай II предлагает стать крестным отцом именно Вильгельму, что представляет

---

<sup>221</sup> А-14, кн. 2. С. 326.

собой акт высшего монаршего доверия. Это связано с крепнущим ощущением царя, что немецкий кузен – верный союзник, самый лучший друг: «Во весь этот тяжкий год он – единственный верный внешний друг, сочувствовал погибшим и поражениям, обещал снабжать углем русскую балтийскую эскадру в кругафриканском плаваньи, давал советы, как черноморским флотом вырваться сквозь Дарданеллы, присылал агентурные сведения об Англии, как она помогает Японии, только очень настаивал на торговом договоре, тяжёлом для России. Послал к нему Витте»<sup>222</sup>. Тут в рамках одного абзаца показана точка зрения Николая, его наивное и затуманенное представление о Вильгельме II, и тонкая ирония автора, который подспудно подчеркивает, что при всей благожелательности кузена он не упускает при этом и своей выгоды, которая не всегда совпадает с выгодой для России.

Николая II отчасти пугает «пылкость» его кузена Вильгельма и столь сильное желание дружить – порой он даже испытывает к нему некоторое недоверие и сам же корит себя за него. Особенно настораживают его горячие советы о том, как русскому царю управлять своей страной. Кузен Вилли выступает с идеей защиты белой расы на востоке, приезжает в Петербург, и они с Николаем II обсуждают совместные дела в Азии. Тут автор показывает всю наивность и доверчивость русского царя и хитрость немца: уговорами Вильгельму удастся убедить Николая, чтобы тот не препятствовал Германии занять в Китае Киао-Чао. После этого Россия и ее царь оказываются в “щекотливом положении” – уже было обещано Китаю, что у России нет с ним спорных территорий, обещан мир и даже защита от европейцев. И тут Китай просит помощи и защиты от Германии, от того самого кузена Вильгельма. В ходе переговоров Россия заполучила Порт-Артур, и Вильгельм бросился восхвалять чутье Российского императора и заключенное соглашение. Как видим, здесь показано, как немецкий правитель лестью и похвалами, обещанием дружбы и изображением

---

<sup>222</sup> А-14, кн. 2. С. 358.

искренней заинтересованности все больше вводил в заблуждение Николая и подспудно проводил нужную ему политику.

«Предыстория» Первой мировой войны, которая вводится с помощью линии царской семьи, включает в себя, в первую очередь, самую крупную войну-предшественницу: русско-японскую. Писатель не упускает из поля своего зрения потери России в этот период, а также подчеркивает ее бессмысленность, давая ей оценку «глазами» русского императора: «Какая-то бессмысленно-несчастливая война, без единой удачи. Как будто раскололось и гасло солнце России. Как будто рассыпалось в воздухе оружие, едва его подымал русский император, – либо рассыпалась самая рука его.

После Ляояна что-то начало носиться в лицах и глазах, что мы можем – не победить.

Не сами потери были так велики – в битвах прошлых войн Россия теряла и больше, но славно. А были они неожиданны, несоразмерны воюющим странам, позорны, давая волю западным карикатуристам изображать, как маленькие макаки, спустив штаны с рослого великана, секут его и погоняют»<sup>223</sup>.

К небольшим, но все же просчетам государя писатель относит и недооценку рабочих. Царь, ориентируясь на народ в лице крестьянского сословия, желая с ним сблизиться, как-то позабыл, что рабочие – это тоже часть народа, и обратил на них внимание только тогда, когда они забастовали. Когда Николаю стало известно, что рабочие движутся к Зимнему дворцу, чтобы поговорить с «батюшкой-царем», он испугался, внутренне спасовал, поддался уговорам своего ближайшего окружения и не вышел к ним. Через внутренний монолог А.И. Солженицын пытается передать смятение царя и его беспомощность: «А Николай никогда и с отдельным рабочим не говорил о его нуждах, он не знал такого разговора, – как же сразу со ста тысячами или больше? Он мог бы выйти перед такой толпой, но если б она составляла несколько дивизий, поставленных по

---

<sup>223</sup> А-14, кн. 2. С. 358.

порядку, при своих офицерах, и ожидала бы простых команд и простых приветствий. Но выйти одному к толпе не оформленной, не возглавленной – даже опускалось нутро: как же вести себя? что сказать? что произойдёт? Да горло пересохнет, глаз не поднимешь. Это было бы даже счастье – царю поговорить прямо со своим народом, это рисовалось ему в представлениях, – но не теперь же сразу, без подготовки, и о чём? Занятый тяжкою войною и раздором с образованным обществом, Николай и позабыл придавать значение ещё заводам, эти навалились вдруг неожиданно»<sup>224</sup>.

В главе, посвященной историософии А.И. Солженицына и Л.Н. Толстого, говорилось о том, что автор «Красного Колеса» не отказывает, как Л.Н. Толстой, личности в роли в истории и в возможности влиять на исторические события. Наоборот, писатель подчеркивает, что порой очень многое зависит от самых ничтожных людей и событий. Таким событием автор «Красного Колеса» считает назначение начальника Генерального штаба «лжевоенного генерала», как называет его писатель, Янушкевича. Это произошло по рекомендации военного министра Сухомлинова, а царь внял его просьбе, не задумавшись о том, насколько этот человек достоин такой должности. А.И. Солженицын в своем стремлении обнаруживать узловые точки истории считает это назначение переломным: «Этот ничтожный самоупоённый Янушкевич начерпал России столько зла, что достало бы трём выдающимся злодеям. Упущений довольно набралось и прежде него, но за 3 месяца в должности он не только ничего не исправил, а даже не осмыслил, что нуждается в исправлении. Так в июле 1914 он оказался без плана частичной мобилизации и был тем главным советником и действователем, кто втянул царя во всеобщую мобилизацию, не оставляя России избежать злосчастнейшей войны. И в тот же роковой день 16 июля он подсунул императору, и никогда не слишком ретивому к скучным бумагам, а тут истомлённому кризисными днями, подписать, не вникая, ещё толстую

---

<sup>224</sup> А-14, кн. 2. С. 368-369.

бумажную пачку – “Положение о полевом управлении войск”»<sup>225</sup>.

Это Положение писатель оценивает невысоко, поскольку оно ограничило права Совета министров и поделила всю Российскую империю на две части, одна из которых подчиняется Генеральному Штабу, а другая – правительству. Изначально планировалось, что возглавит Ставку сам император, но этого не произошло. По мнению писателя, это привело к тому, что удлинился и усложнился «путь» решения любых военных вопросов: «жалобой Государю, от него передавалось великому князю Николаю Николаевичу, а там всевластен был Янушкевич, который и объявлял правительству решение. Это еще не проявилось резко, пока мы не испытали глубоких отступлений. Но с началом отступления 1915 года такое сношение и вовсе не успевало. Прежде армии покатались назад военные администраторы, распоряжаясь уже глубиной страны. Невозможно было понять, чьи приказы следует выполнять. Приказывали любые этапные коменданты и прапорщики, а ответственных людей не было. Особенно хаотически производилась эвакуация, затеянная широко. Иным учреждениям давался приказ всего за несколько часов до сдачи города. Почти всем указывались места водворения без согласовки с теми губерниями, куда они направлялись. Так поезда с чиновниками, грузами и эвакуированные лазареты прибывали на места совершенно неожиданно, для них не было ни помещения, ни продовольствия»<sup>226</sup>. Как считает А.И. Солженицын, все это привело к тому, что правительство постепенно теряло власть и популярность, а это, в свою очередь, подрывало власть и авторитет самого Николая II.

Царь в «Красном Колесе» склонен к мистическому осмыслению всех событий, происходящих с ним и с Россией. Он во всем ищет знаки, пытается постичь божественное провидение, но это не всегда ему удается: «И – как разгадать нам гнев Его? Это значит – мы сами не видим, где неверно ступаем. С простодушной радостью кричали царю “ура” все осмотренные им

---

<sup>225</sup> О-16, кн. 1. С. 226.

<sup>226</sup> Там же. С. 226-227.

войска, вереницы сёл и уездов вдоль железных дорог махали руками, шляпами, бабьими платками, – но может быть за всеми их миллионами не следовало забывать всё более рассерженного, необъяснимо злого образованного класса? Быть может, ему в чём-то надо было уступить? Плеве успешно держался линии – всякое внутреннее недовольство подавлять. Но может быть во время неудачной войны министр внутренних дел должен быть помягче? Николай назначил князя Святополк-Мирского, зная, что его любят земцы, что и в нём самом либеральный дух, однако же не до конституции. Быть может правильно было – никакой борьбы ни с кем внутри страны не вести, но дружно сплотить усилия и правительства и общества. Это всегда был самый трудный вопрос: что делать с недовольным обществом? И подавлять без конца нельзя и уступать без конца неправильно. Самое верное было бы – увлечь их сердечной любовью к России. Но они не увлекались»<sup>227</sup>.

После массовых стачек рабочих царь совсем растерялся, большей частью молился и плакал. Ему посоветовали принять делегацию из рабочих и обратиться к ним с державным словом и словами прощения, но это не помогло, массовые волнения не улеглись. И тогда снова вмешался кузен «Вилли»: он опять вступил с рекомендациями горячей и активнее, чем нужно было, но Николай все ему прощал, потому что он «верный друг и равный монарх». Вильгельм сразу же стал создавать план того, как на самом деле нужно было ответить русскому царю, и даже настаивать на своей версии. Он утверждал, что Николай II должен был с балкона принять восставших и поговорить с ними, как отец, чтобы внушить им благоговение. Немецкий кузен напомнил, что вся Европа винит именно царя в неготовности России к русско-японской войне. Он упрекнул его, что это война не была объявлена с кремлёвских стен, но и сейчас не поздно объявить свою монаршую волю. Вильгельм советовал царю отложить всячески внутренние реформы, поскольку они не совместимы с большой войной. Он предложил ему выйти со свитой на балкон и обратиться к народу с манифестом, содержащим

---

<sup>227</sup> А-14, кн. 2. С. 359.

призыв прекратить обсуждение внутренней политики до завершения войны, и все свои чаяния направить именно на победу в ней. Немецкий монарх предложил перенести все реформы на послевоенное время, но – «никаких учредительных собраний, никаких распушенных свобод». После довольно длительного пассажа с настойчивыми предложениями немецкого кузена следует оценочное суждение автора «Красного Колеса», которое для читателя все расставляет на свои места: «Говорят, у каждого человека есть свой роковой человек, к которому тянет необъяснимо и с которым потом неизбежно связана главная судьба. Таким человеком для Николая проступал Вильгельм»<sup>228</sup>. А далее следует оценочный фрагмент, данный сквозь призму точки зрения Николая II – показано восторженное восприятие советов Вильгельма русским царем: «Было и обидно, и стыдно, и благодарно. Да, с этим человеком сообщая, никогда не нарушив их дружбы, можно было удержать от краха и Россию с Германией и весь мир!»<sup>229</sup> Как в дальнейшем показала история, это суждение Николая было в корне ошибочным. Но он и не внял советам своего кузена, не нашел в себе решимости на крупные шаги, а снова положился на волю Божью, и пустил все идти, как идет. Тут А.И. Солженицын, при всей ориентированности его творчества на духовные христианские ценности, не может простить царю попустительства и пассивности.

Снова и снова на протяжении текста эпопеи автор акцентирует внимание читателя на роли Вильгельма в русско-японском конфликте. Когда стало ясно, что война зашла в тупик и ничем хорошим для России не может обернуться, Николай II еще колебался между заключением мира на унижительных для страны условиях и отказом от этого решения, снова вмешался кузен Вилли: «А Вильгельм писал: твоя война непопулярна в твоём народе. Во имя своего понимания национальной чести нельзя посылать далее на смерть, Царь царей потребует ответа. Располагай мною для

---

<sup>228</sup> А-14, кн. 2. С. 373.

<sup>229</sup> Там же. С. 373.

подготовки мира. Японцы чтут Америку, а мы с президентом Рузвельтом большие приятели, могу частным образом снестись. Ну, так тому и быть, само складывается. Он большой разумник, Вильгельм, как он всё видит!»<sup>230</sup>

В это же время другие «советчики» царя утверждали, что если закончить войну без победы, это еще хуже скажется на и без того сложной внутривластной обстановке. Но Николай все-таки прислушался к точке зрения своего немецкого «друга». О русско-японской войне в целом писатель говорит следующее: «И началась война как во сне, и кончалась как во сне»<sup>231</sup>

После заключения мирного договора, по которому к Японии переходили южные территории Сахалина, Николай встретился с кузеном Вилли. И тот стал говорить, что теперь особенно велика опасность нападения Англии, поэтому он предлагает заключить взаимный оборонительный договор между Российской империей и Германией (не посоветовавшись с Францией). Здесь писатель снова демонстрирует то, как Вильгельм внушает Николаю свои мысли путем лести и мягкого давления: «И правда, Франция все эти годы войны и бедствий была чужая, совсем не союзница, и даже сердечный друг врагов. А Вилли был тот друг, который не покидает в беде, именно в японскую войну они и стали друзья, как никогда. Он называл Ники милым братом и только одну надежду имел: видеть Ники достигающим успеха. Он говорил, что этот союз особенно полезен именно для России, потому он и предлагает то. Там дальше Двойственный Союз сольётся с Тройственным, образуется Пятерной, – кто против него устоит? А уж все мелкие государства естественно притянутся, доверчиво следуя за нами»<sup>232</sup>.

Следующим во многом ошибочным шагом, непоправимой уступкой царя стал знаменитый Манифест 17 октября, ограничивающий царскую власть. Как это показано в «Красном Колесе», манифест был от начала до конца «детищем» Витте, а Николай пошел на него, потому что никто из его

---

<sup>230</sup> А-14, кн. 2. С. 378.

<sup>231</sup> Там же. С. 380.

<sup>232</sup> Там же. С. 381.

окружения не мог предложить ему ничего лучше, да просто не было, как ему казалось на тот момент, никакой альтернативы. Как мы знаем, царь решился на него для того, чтобы дать народу то, что он хочет, и унять кровопролитие, но внутривластная ситуация в стране после этого лучше не стала. Более того: наутро царь ожидал возгласов ликования и воспевания Государя, а вместо этого начались новые стачки. Тут уже столкнулись революционно настроенные толпы, недовольные столь малыми в их понимании уступками, и народ с иконами и портретами царя, напуганный тем, что Царь-батюшка от них отказался. Все это закончилось в итоге еврейскими погромами. После этого из других стран буквально посыпались телеграммы с поддержкой и пожеланиями всеми путями сохранить самодержавие, и после этого Николай еще горше почувствовал свое одиночество: где же были все эти люди, когда он метался, не находя верного решения?

В продолжение просчетов царя писатель указывает на то, что для Манифеста не была подготовлена почва – кроме него самого, отменявшего все прошлые законы, нужно было разработать еще новые, а это сделано не было. К тому же выяснилось, что московская забастовка еще накануне Манифеста 17 октября постепенно сходила на нет, а после царь буквально «подлил масла в огонь», и все вспыхнуло с новой силой. Все последующие уступки требованиям революционеров не приносили облегчения. И теперь Витте, главный провозвестник либеральных реформ и послаблений, так же призывал подавлять восстание силой, то есть, уничтожать зачинщиков физическим путем. А сам Николай II понимал, что именно для того он пошел на ограничение царской власти – чтобы избежать кровопролития в народе, но вместо этого получил еще более мощную волну агрессии.

Писателю удастся во всей полноте передать растерянность царя, его непонимание происходящего, стремление к облегчению ситуации и ряд неверных действий, приводящих только к ее постоянному ухудшению. С большой болью и сочувствием даны эти страницы «Красного Колеса». Но что уж точно А.И. Солженицын не прощает царю – это его отречение от

самого верного своего министра – П.А. Столыпина, постоянное недоверие к нему и его рекомендациям.

Почти в той же мере, в которой показывал установление дружеских отношений между Вильгельмом II и Николаем II, писатель уделяет внимание разрушению этих отношений в «Красном Колесе». Это стало происходить после того, как Николай рассказал об их секретном договоре своему министру иностранных дел (а кузен настаивал на том, чтобы никто об этом договоре не знал), и министр пришел в ужас. Формально такой договор был направлен против Франции, а у России были перед ней свои особые обязательства, которые Николаю передал по наследству его отец. По мнению министра иностранных дел, это был коварный поступок немецкого правительства, чтобы выйти из изоляции и расстроить отношения России и Франции. И снова государь, у которого опять не было своего мнения на сей счет, усомнился в правоте кузена: «С одной стороны и Франция не была нам верная союзница, покинула нас в войне, а теперь вот не давала нового займа, по жалобе российских евреев. А с другой стороны и Германия в торговом договоре использовала нашу связанность войной, пришлось пожертвовать русским зерном. Действительно, нет у России верных друзей»<sup>233</sup>.

Но так до конца не сумев поверить в лукавство своего лучшего немецкого друга и родственника, Николай все же попытался уклониться от этого секретного договора, сославшись на документы, подписанные отцом с французской стороны. Вильгельм ответил на это довольно резко, требуя выполнения всех обязательств перед Германией, на которые ранее подписался Николай. И только тут, наконец, русского царя стали одолевать сомнения в степени искренности дружбы со стороны немецкого родственника: «Но вот: зачем-то же подписал отец, и не сын его имел право разрушить. А зачем перед тем Германия не продолжила дружеского договора с Россией?... Всё это запутывалось узлами неведомыми, постичь и исправить их было нельзя. А зачем Вильгельм поступил так коварно в Бьёрке и так

---

<sup>233</sup> А-14, кн. 2. С. 395.

настаивал теперь?

Вот это властное насилие особенно оскорбляло Николая и порождало желание вырваться из объятий. Он же не ребёнок был!»<sup>234</sup>

Далее писатель подчеркивает, что больше таких трепетных и теплых отношений между кузенами не устанавливалось, хотя они продолжали состоять в переписке и даже иногда ездить на встречи глав государств. И хотя снова они повторяли уверения о честном сотрудничестве и верной дружбе, хотя никогда не хотел Николай воевать с Германией, в эпосе показано, как через 9 лет русский царь снова будет держать телеграмму от кузена Вилли, только уже другого содержания. Таким образом А.И. Солженицын заканчивает предысторию взаимоотношений русского и немецкого императоров и переходит к событиям непосредственно 1914 года.

Получив телеграмму от Вильгельма, русский царь до последнего момента, до ситуации объявления войны продолжал верить, что Вильгельм так же, как и он, был застигнут врасплох новостью об объявленном Австрией ультиматуме Сербии. Несмотря на отчуждение последних лет, которое сквозило в тексте этой телеграммы, Николай в очередной раз доверился кузену и мысленно порадовался, что им удалось сохранить теплые дружеские отношения: он был уверен, что Германия здесь ни при чем, что это все «козни ненасытной Австрии во главе с Францем-Иосифом». Уже начав постепенно готовить свои войска к мобилизации, после благожелательного сообщения «дорогого Вилли» Николай успокоился и стал просить своего министра передать Сербии его предложение обратиться в Гаагский суд с жалобой для разбирательства в ситуации. Но на следующий день как громом грянула новость о том, что Австрия уже объявила «позорную войну» слабой Сербии. Вечером к нему пришел с докладом министр Д.С.Сазонов, тот самый, которому П.А. Столыпин завещал избегать внешних конфликтов, и стал настаивать на срочной мобилизации: «Он и перед тем, сразу после австрийского ультиматума, настаивал, что мирностью мы ничего не

---

<sup>234</sup> А-4, кн. 2. 396.

добьёмся: уступим Сербию, перенесём ещё одно унижение, – а Германия, раз она рвётся к войне, зацепит русские интересы ещё в новом чувствительном месте. Сазонов уверен был, что австрийский ультиматум прекрасно согласовал с Германией. Николай думал, что – нет, нет! не может быть. Но и у него самого дрожало нутро, так хотелось проучить Австрию! Невыносимо было ещё раз снести боснийское унижение, ещё раз не осмелиться помочь славянам! Неужели мы не великая держава?»<sup>235</sup>

В итоге министр убеждает царя, что вся российская общественность сейчас на подъёме и жаждет вступить за Сербию, и нельзя сейчас упустить момента такого народного единения с царем. Но позже, после его ухода, русский император дрожащей рукой набирает телеграмму германскому, в которой содержится просьба не допустить ухудшения ситуации до всеевропейской войны. Вспоминая все их теплые встречи до этого, Николай был уверен, что Вилли его поддержит. Но на следующее утро к нему стали являться один за одним его министры и докладывать, что частичную мобилизацию произвести технически никак невозможно – или полую, или совсем никакой не проводить. Янушкевич настаивал на том, что удобнее сразу готовить всеобщую, и даже привез с собой указ, где содержался призыв ко всеобщей мобилизации. Царь изначально отшатнулся от него с ужасом, но потом, как это обычно у него и бывало, дал себя уговорить. В итоге он поддался доводам своих министров, что это просто заблаговременная мера, и подписал приказ о мобилизации.

На следующее утро перед Николаем появился германский посол с телеграммой от канцлера: там говорилось о том, что если Россия не прекратит свои военные приготовления, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться. Николай Второй почувствовал себя оскорбленным: «С нами разговаривали как с Сербией, не как с великой державой. Даже простых предупредительных мер не разрешали»<sup>236</sup>.

---

<sup>235</sup> А-14, кн. 2. С. 399.

<sup>236</sup> Там же. С. 402.

В этот момент подспела новая теплая телеграмма от Вилли, которая ввела русского царя в заблуждение: там он уверял в былой дружбе и лучших намерениях, просил только не доводить до войны. После этой телеграммы снова Николай воспрял: он слал своему кузену в ответ восторженные послания с подтверждением их общего желания избежать кровопролития, но и с просьбой прояснить ситуацию – почему посол говорит ему совсем иное. А дальше произошла «рассинхронизация»: телеграммы глав двух стран перестали совпадать во времени. И пока Николай ждал ответа, вместо него пришло сообщение о том, что австрийцы уже бомбят Белград – а, значит, они намеренно выигрывали себе часы, чтобы начать атаку. Одновременно с этим пришло сообщение русскому государю с просьбой санкционировать всеобщую мобилизацию, чтобы не сорвать ее совсем. Решение нужно было принимать молниеносно, а, как было показано, Николай не был готов к быстрым и твердым решительным действиям. И тут снова пришла спасительная телеграмма от Вильгельма, в которой говорилось, что он готов выступить посредником между Петербургом и Веной, что все еще можно решить мирно, но вот мобилизация со стороны России только ухудшает дело. И царь стал звонить в военное министерство и Генеральный штаб, чтобы немедленное ее остановить, но оказалось, что мобилизация уже запущена без ведома царя, собраны необходимые подписи министров, без которых было обещано не начинать активных действий. А.И. Солженицын показывает, как снова все вышло из-под контроля русского царя в его же владениях. Он ответил Вилли, что военные приготовления не могут помешать мирным переговорам, это просто формальность; и тут же отдал приказ об остановке мобилизации. После этого подчиненные ему министры попытались ему что-то возразить, но он гневно пресек всяческие возражения, и принял у себя генерал-адъютанта и министра иностранных дел С.Д.Сазонова. Тот сразу же, буквально «с порога» стал говорить о том, что война неизбежна, и Австрия с Германией ее уже начали, и что Россия не может так просто отступить от своей славянской политики. Он подчеркнул, что от нашей страны требуют

очередной капитуляции, Германия решила довести до столкновения – и нужно немедленно озаботиться мобилизацией, иначе может стать слишком поздно, и в противном случае она вообще может нам не понадобиться: «Россия попадёт в катастрофу, мы проиграем войну раньше, чем вытащим пашки из ножен. Несравненно лучше стать во всеоружии – мы же не начинаем войны! – чем из страха вызвать войну – оказаться застигнутыми врасплох. Да мы произведём мобилизацию как-нибудь тайно, в Европе даже не узнают»<sup>237</sup>. Царь, пораженный необходимостью принятия очередного срочного решения, нервно зашагал по комнате: сейчас ему нужно было решить самому, и даже голос Господа не был слышен. И тут, в эту трудную минуту он вспоминает Столыпина как человека, который мог ему помочь, взять на себя ответственность за это суровое решение. И – снова царь поддался на уговоры своих министров, согласился отдать приказ о всеобщей мобилизации.

А.И. Солженицын не упускает из внимания, что после этого телеграммы Вильгельма перестали быть такими благожелательными – он обвинял Николая и перекладывал на него ответственность за войну и за мир во всех задействованных странах. Только тут царя настигло осознание того, что военного столкновения с Германией не избежать, а значит, нужно идти войной на того самого дорогого кузена Вилли: «Николай живо представлял Вильгельма – его горящие глаза, его живую страстную манеру разговора, – и пытался вообразить его окончательным врагом, и не мог: он никогда за 20 лет не выступал врагом, это какое-то жуткое недоразумение, какая-то роковая недоговоренность, как 8 января 1905 года: задержать толпу, но не сказано было, **как** задержать.

И проступило просветлением: о, Вилли, очнёмся! Что же мы делаем? Мы погубим наши троны!

Но – неловко было звонить отмену. (Он не знал, что телефон

---

<sup>237</sup> А-14, кн. 2. С. 406-407.

Янушкевича отныне сутки будет сломан)»<sup>238</sup>.

Вот таким стечением нелепых обстоятельств, неверных решений, разминувшихся телеграмм и предстает в эпосе начало Первой мировой войны, если наблюдать за ним с самой высокой позиции – с царского трона.

После сообщения о том, что Германия объявила нам войну, стали приходить письма – от Григория Распутина из Сибири с наказом не начинать войну и не губить Россию, другое пришло Николаю от матери, состоящее только из слов «Побойтесь бога!» С огромной болью уезжал из Петрограда немецкий посол, не ожидавший, что когда-нибудь он покинет этот город при таких обстоятельствах. Потом вдруг снова промелькнула надежда – пришла срочная телеграмма от Вильгельма, где он надеялся, что русские войска не перейдут границы. Николай не мог понять, как это возможно, ведь немецкий император уже объявил России войну. Посол предположил, что телеграмма была отправлена на сутки раньше, просто задержалась в пути. Но Николай не хотел в это верить: «Возможно ли такое: от императора к императору – сутки в пути и в такой момент? Нет, говорило сердце: это – истинная телеграмма, этого вечера. Так он рассчитывал – обмануть?... Выиграть время для войск? Может быть Николай – поколеблется? в последнюю минуту сделает какой-нибудь отходный, слабый, смешной шаг?

В эту последнюю минуту Николай и выздоровел от дружбы с Вильгельмом. Охолодел. Свалился спать»<sup>239</sup>.

На следующее утро русский царь решил не предаваться унынию и вновь верить свою судьбу и судьбу России в руки Божьи. И, как всегда у него бывало после принятия тяжелого, долго мучившего его решения, Николай почувствовал облегчение: «Война – не больше как на год, а то на три месяца. От войны укрепятся национальные чувства, после войны Россия станет ещё более могучей»<sup>240</sup>. Так в то время думали все.

---

<sup>238</sup> А-14, кн. 2. С. 408.

<sup>239</sup> Там же. С. 413.

<sup>240</sup> Там же. С. 413.

### § 3. Николай Второй в восприятии полковника Воротынцева и других офицеров

Оценка деятельности императора в эпопее А.И. Солженицына нередко дана через точку зрения полковника Воротынцева. Как мы отмечали ранее, этот персонаж в некоторых аспектах становится выразителем авторской точки зрения на происходящие события. Он в книге часто оказывается в ситуации спора с ослепленными монархистами, например, со своей возлюбленной Ольдой Андозерской или с генералом А.Д.Нечволодовым, «рыцарем», защищающим трон, который его отверг. Спор с генералом представляется нам особенно показательным. В ответ на предложение А.Д.Нечволодова выступить опорой монархии и доказать, что Россия не может без нее существовать, полковник удивляется слепоте этой преданной любви к царю: «Во всех монархических преувеличениях всегда поражало Воротынцева, как могут самостоятельные, стойкие и развитые люди так слепо-покорно относиться ко всем действиям непогрешимого царя? Сила их чувствования могла вызвать восхищение – но

программа действий?»<sup>241</sup>

Полковник не видит той «твердой руки», под которой могли бы объединиться умные люди России:

– Под чьей же это твёрдой рукой? – не пощадил Воротынцев своего собеседника. –

Если венценосец невиданно слаб – то под чьей? Если помутился национальный дух – то не на самом ли и верху? А возиться трону с Распутиным – это не помутнение? Разве может Государь так свободно распоряжаться своей частной жизнью? Где же ореол?<sup>242</sup>

Несмотря на то, что оценка писателем деятельности Николая II, вероятно, довольно близка к позиции полковника Воротынцева, который не готов пойти на слепую любовь к монарху, он все же подробнейшим образом

---

<sup>241</sup> О-16, кн. 2. С. 439.

<sup>242</sup> Там же. С. 439-440.

разворачивает позицию «заядлого монархиста» Нечволодова. Такой принцип работы был описан еще И.С.Тургеневым в работе «По поводу "Отцов и детей"». Там писатель XIX века с негодованием замечает, что современные ему критики не понимают, в чем заключается истинная радость и призвание художника. Они считают, что автор только и делает, что в художественном произведении «проводит свои идеи», в то время, как главная задача писателя – максимально точно отобразить истину, реальность жизни (даже если она противоречит его собственным убеждениям). И.С.Тургенев приводит такой пример: «Я – коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в "Дворянском гнезде") все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого "разбить его на всех пунктах". Почему я это сделал -- я, считавший славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в данном случае – таким именно образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым»<sup>243</sup>. Конечно, И.С.Тургенев и А.И. Солженицын – писатели совсем разных эпох с различными художественными принципами, но в этом моменте (воссоздания некой позиции, не всегда близкой автору, но при этом отражающей реальную полноту взглядов на проблему) их творческие методы сближаются.

Точка зрения генерала Нечволодова служит более полному и глубокому осмыслению образа русского царя: «Да, Государь наш бывает избыточно мягкосердечен. Но монархист не может считать себя слепым исполнителем государевой воли, – ибо тогда все ошибки и промахи власти окажутся – чьи? Монархист должен сказать: царь всегда прав, а я – отвечаю за всё, и если виноват, то – я. Государю нужны верные люди, а не холопы. Монархическая сила – выше монарха! Усумниться в одном монархе – значит

---

<sup>243</sup> Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. – М., "Детская литература", 1989. Режим доступа: [http://az.lib.ru/t/turgenev\\_i\\_s/text\\_0610.shtml](http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0610.shtml)

усумниться во всякой монархии. Царь – воплощение народных надежд»<sup>244</sup>.

По мнению же полковника, объединяться вокруг одного символа монархии бессмысленно, а царь должен быть достоин чаяний своей страны: «Можно укреплять, когда есть личность в центре. Но невозможно укреплять вокруг пустоты, которая и сама стыдится слишком верных сторонников.

<...>

Я бы даже сказал: стала власть сама до того неверна, что слишком честно служить ей – уже и опасно: предаст, ответно не защитит. Вероятно от этого и служат ей многие только вполкорпуса. Лишь бы казаться в строю. И так обвисает, обстоит трон – превосходительный сброд, без совести, без разума, с одними шкурными интересами, – и разве он собран не по манию царя? Мошенники, а не монархисты»<sup>245</sup>.

Генерал Нечволодов призывает оценить чистое сердце Государя, его «простодушие небесное» и любовь к русским святыням. Но простодушие царя не трогает полковника: Воротынцев считает, что это же мнимое простодушие толкнуло императора на то, чтобы посылать огромное количество своих солдат гибнуть для защиты сомнительных интересов союзников в Первой мировой войне. По мнению полковника, Государь не может себе позволить такой наивности и доверчивости, потому что несет ответственность за целую страну и ее народ. Воротынцев считает также, что в целом эта война не нужна ни одной из европейских стран, поскольку возникла из «жира» Европы (здесь, конечно, имеется в виду выражение «с жиру беситься»). Но России среди всех она была особенно не нужна: «И выход к победе проглядывается из неё не близко, разве что немцам ещё хуже, они в мышеловке. А верней, эта война перешла уже столько граней уничтожения, что и победитель не много будет радоваться перед побеждённым»<sup>246</sup>.

Автор обращает внимание читателя на подслушанный полковником

---

<sup>244</sup> О-16, кн. 2. С. 440.

<sup>245</sup> Там же. С. 440-441.

<sup>246</sup> О-16, кн. 1. С. 129.

разговор в солдатской среде:

– Начальство пора менять. И чего царь-батюшка смотрит? – пора их в шею гнать.

**Их** ! – это ясно отделялось в солдатском сознании. И страшно то, что **они** не придуманы были, а существовали – возвышенный, правящий, нажиревший, забывшийся, дремлющий слой. Они умудрялись плавать как-то над войной, позабыв, не сознавая свою жгучую ответственность<sup>247</sup>.

Полковник одновременно ощущает себя в какой-то мере причастным этому слою, поскольку он тоже «начальство». Но в отсутствии ответственности перед каждым солдатом Георгий Воротынцев себя не может упрекнуть. К солдатской позиции он, как мы знаем, порой оказывается намного ближе, но и полностью не может ее разделить, потому что офицеру по его положению в армии открыто и доступно гораздо большее. Он не может обвинять абстрактных «их», не возлагая при этом ответственности и на «Него» - то есть, на царя. Ведь именно Он и допустил Их до власти, именно Он развязал эту бессмысленную войну. Солдаты, набранные, в большинстве своем, из крестьянского сословия с присущим ему патриархальным укладом жизни, не могут обвинять «Царя-батюшку». Царь для них священен, он – помазанник Божий, его критиковать невозможно и греховно. Поэтому должен быть кто-то другой, кто до всего этого довел страну. Но Воротынцев видит, что и попустительства царя тут тоже немало. И особенно сильна, по мнению полковника, вина Царя именно перед простым русским мужиком, который в него так самозабвенно верит: «Но так, неизбежно, от **них** мысль всегда возносилась к Нему. А он – что чувствует от всех этих наших жертв? Ему – ещё более было послано: вообще не вмешиваться в европейское галдёжное безумие, вообще не окунаться в эту войну, но оставить Россию неподвижной глыбой над разодранным континентом! А он – бултыхнул в войну миллионы захлебнувшихся Иванов.

Если он верит в рисованного мужика, то перед рисованным,

---

<sup>247</sup> О-16, кн. 1. С. 131.

полусвятым – тем больше должна быть его ответственность!»<sup>248</sup>

Воротынцев считает, что российский трон укрепить невозможно, «даже легши трупом на его ступеньки». И самых преданных свои людей, таких, как А.Д.Нечволодов, царь отдаляет от себя и не может по-настоящему оценить их верность. Таким человеком в окружении царя был и П.А. Столыпин. И именно недооценку его деятельности писатель вместе с полковником Воротынцевым не могут простить царю. П.А. Столыпин считал, что внешняя политика не в пример легче, чем внутренняя, и даже предположить не мог, что она в ближайшем будущем может вызвать у страны затруднения. Он всегда от нее старался уклониться и жалел на нее сил: «...по сравнению с внутренней она казалась ему чрезвычайно легко решаемой: тут не было такой запущенности отношений, таких накопленных вековых несуразностей, а главное – такой истребительной ненависти, таких яростных идейных врагов, для которых не существовало жизни вне этой вражды. Ему казалось: во внешней политике достаточно приложить четверть силы, как богатырь передвигает горы: тамошние горы и пропасти – кажущиеся. Он был уверен, что правитель с самым посредственным разумом может остановить внешнюю войну во всякое время»<sup>249</sup>. В последнем высказывании, вероятно, есть авторская ирония, направленная в сторону Николая Второго – ведь тот как раз остановить ее не смог.

В отличие от своего министра, царь ощущал тяготы внешней политики особенно сильно: «Тяжко быть русским царём, особенно поначалу, не освоясь. Но не так было бы тяжело с одними вопросами внутренними, если б не ломала голову ещё политика внешняя, где того многообразнее лица, мнения, возможности, – и в грустные минуты таишь про себя тоску, что выбрать истинный путь непосильно уму человеческому»<sup>250</sup>.

А.И. Солженицын многократно подчеркивает, что, вникнув в работу военного министерства, П.А. Столыпин еще больше утвердился в мысли, что

---

<sup>248</sup> О-16, кн. 1. С. 131.

<sup>249</sup> А-14, кн. 2. С. 197.

<sup>250</sup> Там же. С. 324.

война для России никак не нужна, опасна, губительна. Она может даже привести к революции: «Вывод сам по себе был горек, но очень смягчён для того, кто и не намерялся воевать ни в коем случае, да и не горел панславянской миссией никогда. Временный ущерб самолюбия был ничто перед громадностью внутренней строительной программы. Столыпин не мог вскрыть аргументы публично, он только разубедил Государя, уже решившегося на мобилизацию против Австрии: это потянет и войну с Германией и угрозу династии»<sup>251</sup>. В данном фрагменте речь идет о ситуации, возникшей после захвата Боснии и Герцеговины. В тот момент премьер-министр смог удержать царя, горящего панславянской миссией России, от вступления страны в войну. Но в 1914 году Столыпина не было рядом.

В эпопее Столыпин многократно повторяет эту формулу «если великая держава не хочет войны, то никто ее не заставит воевать». Когда Д.С.Сазонов был назначен министром иностранных дел, П.А. Столыпин требовал от него только одного – чтобы тот избегал международных осложнений. Премьер-министру мечталось, чтобы Россия каких-нибудь пару десятков лет провела в спокойном положении, без внешних потрясений, и тогда можно было бы постепенно воплотить его реформенную политику, которая изменила бы страну (эта мысль была особенно близка автору «Красного «Колеса»).

После встречи с Вильгельмом II, на которой ему довелось присутствовать, П.А. Столыпин еще больше убедился в том, что с Германией можно выстроить очень хорошие отношения, и вряд ли в ближайшее время что-то может этому помешать: «Он не предвидел обстановки, которая позывней истребовала бы Россию к войне, чем аннексия двух славянских областей, – а вот не пошли, и обошлось, и не заметно, чтоб ущербнулся свет самодовлеющего светила. И не было у него раскаяния ни перед честью российского государства, ни перед английским неверным союзником, когда в октябре 1910 в Потсдаме на встрече с Вильгельмом они с Государем обязались не участвовать ни в каких английских интригах против Германии,

---

<sup>251</sup> А-14, кн. 2. С. 197.

за что и Германия обязывалась не поддерживать австро-венгерской агрессии на Балканах. При разумной русской внешней политике просто вообразить было нельзя, с кем бы и зачем России предстояло воевать»<sup>252</sup>. Здесь тоже есть скрытая ирония – очень скоро обе страны нарушат все обещания, исполнив их с точностью до наоборот, а воевать России придется с той самой Германией, на дружественное отношение которой так рассчитывал премьер-министр.

#### § 4. Роль императрицы Александры в Первой мировой войне

Юрий Кублановский в своем исследовании образа императрицы в «Красном Колесе» высказывается о методе работы с документами у А.И. Солженицына: «...из мемуаров, писем, стенограмм, воспоминаний он делает наиболее сакраментальные вытяжки, организует и режиссирует материал, исподволь его комментирует, проводит аранжировку, и уже это придает ткани большое прозаическое достоинство (тут уместна аналогия с «Записками о Пугачевском бунте» Пушкина). Такими ли были императрица, царь и другие исторические персонажи «Красного Колеса», как их нарисовал Солженицын, на самом деле? <...> Естественно, элемент воображения тут присутствует... Но не формирует, не создаёт, а лишь *воссоздаёт* и дополняет, скрупулёзно реставрирует историческую реальность, которая в документально-художественных фрагментах единственно доминирует»<sup>253</sup>.

Чтобы раскрыть личность императора с разных сторон, в эпопее приводится переписка Николая II с женой Александрой – и это, пожалуй, одни из самых трогательных страниц книги. Подробно дана предыстория их отношений, период ухаживаний и долгожданный брак с со своей избранницей. Акцентируется внимание на том, что Николай сердцем выбрал свою будущую жену (это в их монархической среде было большой

---

<sup>252</sup> А-14, кн. 2. С. 198.

<sup>253</sup> Кублановский Ю. Зрячая любовь: Императрица Александра Фёдоровна в повествовании А.И. Солженицына «Красное Колесо». Режим доступа: [http://his.1september.ru/view\\_article.php?ID=200801501](http://his.1september.ru/view_article.php?ID=200801501)

редкостью). Они многое прошли, чтобы быть вместе – поначалу родители будущего царя были против этого брака, поскольку выбрали для своего сына другую кандидатуру; кроме того, Александре пришлось сменить веру и принять православие. В эпопее довольно подробно показаны их взаимоотношения в семейном быту, отношение к детям, общая нелюбовь к светским раутам. Подчеркивается, что встречи с министрами и главами государств воспринимались русским царем как некая повинность, как что-то, что отрывает его от самого дорогого – от любимой семьи. Любым светским развлечениям и балам он всегда предпочитал тихий семейный вечер с Аликс и детьми.

К Александре Фёдоровне в Период Первой мировой войны общественное отношение резко ухудшилось, хотя нельзя сказать, что и до этого народная среда особенно «жаловала» императрицу. В этом большую роль сыграло ее иностранное и конкретно германское происхождение. Крестьянская среда и так воспринимала ее как что-то «инородное», не органичное России, а в начале войны ее национальность совпала с национальностью главного врага нашей страны. Сразу же поползли слухи, что императрица сотрудничает с немцами и передает им секретную информацию. К этому мифологическому образу предательницы добавилось еще и связь с Распутиным, подробно обсуждаемая в народной среде:

– Да, так они травы присылали. Через етого Распутника. Он – царице подносил, а та ему всяк раз – конвертик за своей сургучной печатью. А в конвертике – что ей государь за то время проговорился, всё она записывала. И спрашивала Вильгельма, каких министров снимать. А их императорское величество – не в отца своего, мягкие очень. А в другой раз уговорено было, на какой фронт ейный лазаретный поезд иде, – там и будет наше наступление. А при Распутнике ещё состоял такой жидок, кажись Рувим Штейн. А у жидка того конь такой, что ль невидимый, он сразу – скок и к Вильгельму, скок и назад.

Не верили.

– Ну, може до самого Вильгельма не доходил, не знаю. А только и он миллионщиком стал. Теперь вот попался, говорят. Схопали.

<...>

– В общем, дали немцы нашим министрам миллиард, чтоб они уморили миллион людей, по тыще рублей за человека, хошь бы и не солдат. И граф Федерикс за всех деньги взял. И в Питере, вот уже, с голоду смаривают... А ещё слух есть: в Царском Селе, в лазарете, один ранетый офицер в царицу стрелял. За то, что она немцев одобряет. Не попал<sup>254</sup>.

По мнению некоторых крестьян и рабочих, все окружение царя подкуплено, они получили приказ от Вильгельма развалить Россию. И тут, в первую очередь, подозрение падает на императрицу, и снова из-за ее национальности. Доходит даже до абсурдного – в разговоре солдат рядом с Арсением Благодарёвым тот слышит гипотезы о том, каким именно способом Александра Федоровна поддерживает связь с врагом и передает ему всю информацию:

– Вот чего я, братцы, слышал. С перевязочного Васятка пришёл – так там сестра милосердия рассказывала. Слышьте, из царского дворца из царицыной комнаты – нашли секретный прямой кабель в Берлин. И по нему она Вильгельму все наши тайны выговаривала.

Ай-а-ай! Ай-ай-ай!

И про Гренадерску нашу? А мы тут лежим, ничо не знаем.

Ну, дела-а-а.

– Да ведь немка она, сердце к своим и лежит.

– Да-а-а, – потянул Арсений. – Да-а, братцы. Теперь-то – не иначе замирение будет. Некуда деваться.<sup>255</sup>

Эти слухи были совсем несправедливы по отношению к императрице еще и потому, что она с первых же минут войны активно включилась в помощь фронту: организовала систему госпиталей и лазаретов на

---

<sup>254</sup> О-16, кн. 1. С. 430-431.

<sup>255</sup> М-17, кн. 3. С. 486-487.

собственные средства. Кроме того, она со старшими дочерьми сама же и работала в этих лазаретах, окончив курсы сестер милосердия. Старшая княжна, Ольга, возглавила также комитет помощи солдатским семьям. А.И. Солженицын обращает особое внимание на то, что императрица работала в госпитале на равных с другими сестрами, выполняя ту же черную работу, что и они: «...снимали с раненых кровавые бинты, обмывали, участвовали в перевязках, помогали при операциях, – Александра Фёдоровна подавала и инструмент, не боялась крови, гноя, рвоты, и не смущалась при этом утратить царственный ореол. Она научилась и быстро менять застилку постели, не беспокоя больных, и делать перевязки посложнее (и перевязывала сама себя) – и была высоко-горда, заработав диплом сестры и нашивку красного креста»<sup>256</sup>.

Императрицу соединяла с собственным госпиталем очень глубокая связь. Она ощущала это не только как свою работу и обязанность, но и как отдохновение: часто Александра Федоровна просто сидела у постелей больных и умирающих, держа их за руки и тем самым помогая и поддерживая в столь трудный час; нередко она приносила им цветы. У нее были и излюбленные больные, офицеры, которые видели ее на смотре много лет назад, а теперь становились друзьями. Благодарность больных исцеляла и саму императрицу, которая без мужа и сына чувствовала себя очень одиноко. Когда она ощущала себя особенно несчастной, Александра ехала в госпиталь, чтобы среди чужого горя и страдания забывать свое. Но главное, что она ощущала как некую свою миссию, - это совместная с больными молитва. Видя умирающих людей с молитвой на устах, императрица убеждалась в величии происходящего.

Помимо деятельного участия в Первой мировой войне как сестры милосердия, Александра Федоровна оказывала также определенное влияние на царя – так, она удерживала его от очередных уступок по польскому вопросу, которые «могут плохо аукнуться в будущем». Императрица

---

<sup>256</sup> О-16, кн. 2. С. 366-367.

воспринимала эту войну как личную и национальную катастрофу, она не могла абстрагироваться от слухов, которые слышала о себе, но и не могла поверить, что Германия теперь – главный враг России. Александра также не могла свободно высказываться о Германии, боясь быть обвиненной в измене: «А по всякому вопросу касательно немецких у нас военнопленных императрица была горестно и стыдливо стеснена распространёнными подозрениями, что она сочувствует врагу, тогда как она всего лишь хотела человеческого их содержания, чтоб Россия оказалась в этом выше Германии, и после войны хорошо бы отзывались о нашем обращении с пленными. И стыдливо, как бы на ухо, просила она Государя послать комиссию в сибирские немецкие лагеря или позволить пленным праздновать день рождения Вильгельма»<sup>257</sup>. Трагедия ее заключалась именно в таком промежуточном положении между двух наций, потому что в России ее ненавидели за то, что она немка, а в Германии – за то, что замужем за русским монархом: «Да, конечно, кого не соединяют нежные связи с местом рождения, с кровными родными, – каждая весточка оттуда, через шведскую или английскую родню, или вдруг письмо из Дармштадта через немецких сестёр милосердия тревожили её, наполняли неповторимыми волнами поэзии и юности. Да, конечно, когда она слышала, что у немцев большие потери, – содрогалось сердце при мысли о брате и его войсках. Но и кипела кровь, когда в Германии злорадствовали. Она бесконечно горевала об этой многокровной, бессмысленной войне»<sup>258</sup>.

Императрицу не могла не расстраивать также борьба с немецким засильем, которая вспыхнула после начала Первой мировой войны. Она ратовала против газетной травли и физического преследования баронов на территории России. Как не русская по крови, она могла объективно оценивать и положительные, и отрицательные стороны русского национального характера. По ее мнению, ленивость нашей славянской

---

<sup>257</sup> О-16, кн. 2. С. 387.

<sup>258</sup> Там же. С. 387-388.

натуры и навлекла то самое «немецкое засилье», с которым теперь все боролись: «Наш народ талантлив, даровит – только ленив и без инициативы. Александра искренно полюбила эту страну, ставшую её страной, и её огорчало, когда она видела, что такая огромная Россия зависит от других, а Германия радуется нашей дурной организации. Люди у нас, когда не на глазах, – редко исполняют свои обязанности хорошо. Нашей бедной стране не хватает порядка, потому что он чужд славянской натуре»<sup>259</sup>.

Слухи о Распутине были отчасти верны – он действительно оказывал особое влияние на царскую чету, которое шло именно через императрицу. У этого есть не разумное, но человеческое объяснение: известно, что долгожданный наследник цесаревич Алексей имел врожденную гемофилию, а Распутину удавалось смягчать его приступы и спасать его в тяжелые моменты. Линия с Распутиным не является хоть сколько-нибудь главенствующей в эпопее, равно, как и знаменитая сейчас история с Матильдой Ксешинской и Николаем. Связано это с тем, что писателя интересуют, с первую очередь, не слухи, а факты. А в случае с Распутиным сейчас довольно сложно установить, что было правдой, а что вымыслом – его фигура окутана множеством мифов. В «Красном Колесе» же говорить о Григории предоставлено самой Александре, чтобы попытаться встать на ее точку зрения: «Со встречами и с годами государыня всё более убеждалась, что это и есть тот избранник Божий, который спасёт их династию, ставшую под угрозу. Сила Его молитва была обширна, она помогала не только здоровью наследника. И не только оберегала многих на войне – каждого, за кого Он молился. И не только оберегала Его молитва самого Государя на всех его путях (в эту войну государыня сообщала Другу заблаговременно тайны передвижений Государя, секреты маршрутов – чтобы направленной и достижней была молитва, она старалась получить Его благословение на каждую поездку Государя. Когда же ездила чета во враждебную Одессу – Друг так усердно молился, что еле спал). Но обширней того: Его

---

<sup>259</sup> О-16, кн. 2. С. 387-388.

благословение и Его неустанная денная и ночная молитва возносилась – за всё православное воинство, чтобы небесная сила была с ним, чтобы ангелы были в рядах наших воинов. И когда на фронте складывалось особенно серьёзно или предполагалось большое наступление, как на Юго-Западном, – государыня открывала Ему новые приказания Ставки, чтоб Он особенно обдумывал их и молился. Прошлой зимой Он очень досадовал, что начали наступление, не спросив Его: Он советовал бы подождать: Он всё время молится и соображает, когда придёт удобный момент, чтоб не терять людей без пользы, как Брусилов. Он всегда советует не так упорно наступать: при большей терпеливости прольётся меньше крови. Мешали нашим войскам затяжные туманы – Аня телеграфировала Другу с просьбой о солнечной погоде (и Он, в телеграмме из Сибири, обещал её). Всей императорской семье и самому Государю Он дарил образки и иконы, а этим летом, когда государыня ехала в Ставку, послал икону и генералу Алексееву. (И если Алексеев принял её искренно, с подобающим настроением, то Бог несомненно благословит его военные труды)»<sup>260</sup>.

Как мы видим, писатель в эпопее не полностью развенчивает народный миф о том, что императрица передавала через Григория Распутина информацию о передвижениях государя. Становясь на её позицию, мы видим, что она, действительно, рассказывала Распутину многое из того, что предназначалось не для его ушей. Подобная ситуация была отчасти спровоцирована, помимо заботы о здоровье наследника, верой царской четы не только в каноническое православие, но и в мистику и различные предзнаменования.

Склонность к мистическому проявлялась не только в тяготении царской четы к Распутину. Не раз отмечалось, сколь большое внимание в эпопее уделяется символике левой руки. Вопросом онтологической символики подробно занимался П.Е.Спиваковский<sup>261</sup>. Она проявляется на

---

<sup>260</sup> О-16, кн. 2. С. 369-370.

<sup>261</sup> Подробнее см. Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд // ИНИОН РАН. – М., 1998.

разных уровнях эпопеи: убийца Богров ранит Столыпина в правую руку, и он крестит царя здоровой левой, совершая тем самым антижест. Таким образом, вместо благословения получается нечто с противоположным значением. Позднее установившийся режим в народной этимологии вместо революционного называли «леворуционным», то есть, левым, неверным (ср. «бороться за правое дело»).

Императрице также снится сон с онтологической символикой, причем снится как раз с четверга на пятницу, когда он считается пророческим, так называемый сон «в руку». И снится ей как раз та самая рука. Точнее, она видит во сне, как лежит на операционном столе и осознает происходящее: «Будто ей отрезали правую руку и ей было не больно, но остро жаль: ведь во всякой борьбе за правое дело так нужна правая рука. И как же теперь креститься? И как письма писать Ники?»<sup>262</sup>

Этот сон производит на императрицу огромное впечатление. Она связывает его еще с одним страшным предзнаменованием, которое произошло в момент ее въезда в Россию: ее свадьба с Ники совпала с чередой панихид по царю-отцу, какое-то время свадебная процессия, по сути, сопровождала гроб. А теперь наступила эта война, которая воспринимается Александрой Федоровной как что-то страшное и необратимое. В целом, символика левой руки, явленная в сне императрицы, встраивается в череду страшных предзнаменований, связанных с войной.

## **§ 5. Внешнеполитические ошибки Николая II в оценке А.И. Солженицына («“Русский вопрос” к концу XX века»)**

Позиция, занимаемая А.И. Солженицыным в публицистических работах, может принципиально отличаться от той, которая представлена в его художественных произведениях. Это связано с тем, что в публицистике писатель говорит только «от своего лица», его точка зрения там высказывается напрямую, в то время, как в литературных произведениях может быть представлено все многообразие противоречивых позиций по

---

<sup>262</sup> О-16, кн.2. С. 487.

заданному вопросу. Не раз отмечалось, что в публицистике А.И. Солженицын высказывает идеи, сходные с теми, что прослеживаются в тексте «Красного Колеса». Как нам удалось обнаружить, публицистические статьи отчасти подтверждают близость идей полковника Воротынцева точке зрения автора. Так, в знаковой для писателя статье «“Русский вопрос” к концу XX века» рассматриваются внешнеполитические промахи Николая II с позиций, сходных с точкой зрения полковника Воротынцева в «Красном Колесе».

Одним из таких промахов оказывается подписание дружественного договора с Германией и Францией, а потом резкий отказ от него. Этот же эпизод становится предметом исследования писателя и в «Красном Колесе»: Вильгельм II, подчёркнуто, даже театрально игравший роль сердечного друга Николая II (“благословивший” его и воевать на Дальнем Востоке, впрочем и помогший дружественным нейтралитетом), на свидании в Бьёрке в конце 1905 не без лукавства предложил Николаю *вдвоём* подписать тройственный дружественный договор с Францией, а та — “потом присоединится”.

По мнению писателя, здесь можно усмотреть игру для отеснения Франции, но сам договор в целом был направлен против Англии. Как мы знаем, император Николай подписал этот документ, не поставив в известность собственных министров, но позднее отказался от подписи.

Рассматривая в статье события, приведшие к трагедии Первой мировой войны, в этом ряду А.И. Солженицын называет и тот факт, что Николай Второй в 1907 году подписал договор о союзе с «ненавистницей России» - Англией, после чего расстановка сил в Первой мировой войне определилась. Еще по опыту Петра Первого прочные отношения с и с Францией, и с Пруссией были залогом хорошей внешней политики. И сам Вильгельм, насколько можно судить, не планировал идти войной на Россию, но предвидел жестокое столкновение с Англией – а после подписания договора Николая II с Великобританией все уже было предрешено. В статье А.И. Солженицын поражается тому, как мог царь вместо договора с

Германией вступить в союз с Англией, которая в истории предшествующего века только и искала повода причинить какой-нибудь вред нашей стране.

После присоединения к Австрии Боснии и Герцеговины стали накаляться панславянские идеи в России, и все «взывало к войне». Эта же ситуация описана в «Красном Колесе»: «Это было наглое использование нашей послепонской слабости, наступали на ногу и заставляли улыбаться: Германия потребовала от России даже не молчания, не нейтральности, но – унижительного публичного согласия на оккупацию: преклонить колено и отречься от всей славяно-балканской политики. Русское общество было возмущено, взнялась тряска в печати и в Думе, – а кроме войны отвечать было нечем, упущено»<sup>263</sup>.

Но окончательным аккордом послужила судьба Сербии. Тут уж Россия не смогла стерпеть нанесенного оскорбления: «И конечно, при нашем панславистском накале мы не могли снести грубого австрийского ультиматума Сербии в 1914 (а на это и был германо-австрийский расчёт). И потому так смело на нас напали в 1914, что перестали уважать российскую военную силу с 1904»<sup>264</sup>.

В процитированных фрагментах можно заметить, как текст статьи дополняет содержание эпопеи, и наоборот. Как считал А.И. Солженицын, всего этого не могло произойти при П.А. Столыпине. А дальше случилось то, что мы знаем по станицам «Красного Колеса» - гибель нашей армии в Пруссии, которая, как считает писатель, пала бессмысленной жертвой для спасения союзной Франции.

Из текста эпопеи, а также основываясь на публицистических высказываниях А.И. Солженицына можно предположить, что он негативно относился к идее панславизма в данный исторический период, считая ее ложной. В «Красном Колесе» показано, что в отношении царя к этой миссии России было примешано немало тщеславных побуждений: «Очень было

---

<sup>263</sup> Солженицын А.И. Русский вопрос на рубеже веков / А.И. Солженицын, авт.-сост. Н.Д. Солженицына. – М.:Издательство АСТ, 2016. С. 144.

<sup>264</sup> А-14, Кн. 2. С. 197

заманчиво! – начать новое царствование со славного взятия Царьграда, недоступной мечты всех предков Николая. Действительно, когда-то же и кому-то надо выполнить эту историческую задачу России, возврат к византийскому пепелищу, – и раз навсегда защитить всех славян. Какой-то внутренний голос подсказывал Николаю, что это время пришло и задача – на его плечах. Константинопольский посол уже составил для себя письменные инструкции от имени Государя – право в избранный им момент вызвать в Константинополь наш флот с 30-тысячным десантом – и Николай подписал. Придут в Дарданеллы чужестранные флоты? Ну что ж, примем войну и со всей Европой! (Но Англия воевать не будет, она предпочтёт делить Турцию и захватить себе Египет)»<sup>265</sup>. Здесь показано, что царь «бахвалится» готовностью принять войну с кем угодно, но втайне уверен, что до этого никак не дойдет. Писатель применяет разнообразные способы, чтобы показать всю неготовность нашей страны к войне и уверенность ее главных правителей в том, что война не начнется.

Таким образом, в десятитомной эпопее писатель создает сложный и амбивалентный образ Николая Второго. Он показывает растерянность молодого царя, пришедшего к власти в столь тяжелое время. Николай по неопытности все время пытается понять, достаточно ли его решения выглядят истинно императорскими, хочет хоть у кого-нибудь узнать, как нужно правильно управлять государством. Но нет рядом с ним человека, который мог бы дать ответы на эти вопросы, да и те советчики, которые постоянно окружают молодого царя, только запутывают его и действуют исключительно в своих интересах. Монарх пытается обратиться к предшествующей истории, чтобы понять, как поступать в нынешней, но она тоже не дает подсказок. Обо всех этих сомнениях и терзаниях русского императора А.И. Солженицын не умалчивает, а говорит с сочувствием и жалостью, подчеркивая, что царь после смерти остался «хуже, чем сиротой» -

---

<sup>265</sup> А-14, кн. 2. С. 330.

он постоянно испытывает свое тотальное одиночество:

«Велик был мир – а Россия в нём одинока.

Велика Россия – а император в ней одинок»<sup>266</sup>.

Но при всем человеческом сочувствии писатель предельно строг к нему как к правителю: он понимает, что царя совсем иной спрос в такие сложные исторические периоды. А.И. Солженицын в эпосе указывает на ряд серьезнейших внешне- и внутривнутриполитических промахов Николая II, его слабовольность, неумение сформировать и отстоять собственную твердую точку зрения, его наивность и подверженность чужому влиянию – при всем благородстве его высших мотивов, направленных на благо и процветание России. И публицистическое наследие писателя только подтверждает и дополняет его концепцию.

Нужно также не забывать, что главы, посвященные Николаю II, особенно важны для формирования авторской концепции и взглядов на Первую мировую войну, поскольку только на уровне восприятия, доступном монарху, А.И. Солженицын может ввести в текст целый пласт политических предпосылок войны.

---

<sup>266</sup> А-14, кн. 2. С. 349.

## Глава 5. Первая мировая война в восприятии революционеров

### § 1. Исторические деятели: позиция В.И. Ленина и других социалистов

В «Красном Колесе» есть еще один пласт, еще одна категория лиц, которые формируются вокруг смежной «точки зрения». В процессе чтения становится очевидным, что речь идет о сходных взглядах, однако при номинации этих людей как определенной группы персонажей, объединенных общими или близкими политическими взглядами, возникают некоторые сложности. К этим лицам относится, в первую очередь, сам В.И. Ленин, А.Парвус, а также Саня Ленартович, его тетушки и еще несколько человек, которые группируются вокруг них. Сразу же встает вопрос: как их назвать? Революционные демократы? Социалисты? Социал-демократы? Или просто революционеры? Существует точка зрения, что до событий Первой мировой войны социал-демократами называли представителей всех «левых» взглядов, а не только последователей марксистской идеологии, но сейчас эта терминология в науке закрепились более строго.

Вероятно, предвосхищая проблемы, возникающие перед исследователями «Красного Колеса», А.И. Солженицын попытался сам ответить на этот вопрос, каким-то образом назвать и обозначить эту группу лиц. Вот что думает по этому поводу В.И. Ленин в эпопее: «Какую линию в создавшейся обстановке должны повести *революционные демократы* всего мира? Прежде всего: необходимо опровергнуть басню, что в поджоге войны виноваты Центральные державы!»<sup>267</sup>

В другом случае речь идет уже о социалистах, внутри которых выделяются две категории: «Вместо прежнего разделения *социалистов* на оппортунистов и революционеров, деления неясного, оставляющего лазейки врагам, она переводит международный раскол в полную ясность: на патриотов и антипатриотов. Мы – антипатриоты!»<sup>268</sup> Вероятно, сам писатель считал бы это определение максимально точным, но мы в данной главе чаще

---

<sup>267</sup> А-14, кн. 1. С. 201.

<sup>268</sup> А-14, кн. 1. С. 201-202

будем пользоваться более привычным для нас обозначением «социалисты» с некоторыми уточнениями в том или ином случае. Действительно, отношение к патриотизму определяет эту категорию персонажей и исторических лиц в «Красном Колесе». Сам В.И. Ленин напрямую и многократно называет их «антипатриотами», тетушка Агнесса также выражает свое негативное отношение к этому понятию, называя его «эпидемией», мешающей вспыхнуть революции: «Теперь, когда война началась, – и эта жуткая эпидемия патриотизма непредсказанно, внезапно захватила, запьянила даже рабочий класс Выборгской стороны, прервала его великолепные забастовки, привела его покорного с казёнными знамёнами (а красные – свёрнуты) на призывные пункты вместо того, чтобы всем взбунтоваться и отказаться от призыва»<sup>269</sup>.

В большей степени точку зрения социалистов в «Красном Колесе» представляет, конечно же, В.И. Ленин. Об особой работе А.И. Солженицына над образом В.И. Ленина писали многие – прежде всего, сам автор, предоставивший подробное описание творческого процесса в «Дневнике Р-17». В этом «ритуале» есть даже что-то мистическое: портрет, висящий на стене, под одобрением (или неодобрением) которого шел процесс создания образа революционера. К работам, где так или иначе отмечается мистическая связь А.И. Солженицына с Лениным, можно отнести исследование П.Е.Спиваковского «Ленин и черт: история одной (не)встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»»<sup>270</sup>, где ученый подробно рассматривает эпизод встречи Ленина и Парвуса, окрашенный в фантастические тона. Фантазмагоричность этой сцены заключается прежде всего в том, что оставленный баул каким-то чудесным образом превращается в самого настоящего Парвуса, а потом они вместе с Лениным, беседуя, летят на кровати над миром. Особенно поразительно то, что такой эпизод встречи

---

<sup>269</sup> Там же. С. 61.

<sup>270</sup> Спиваковский, П.Е. Ленин и черт: история одной (не)встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Записки русской академической группы в США= Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A. New York, 2010. Vol. XXXVI. – С. 121-139.

(которой на самом деле не существовало) появляется в произведении такого писателя, как А.И. Солженицын, в наибольшей степени ориентированного на историческую достоверность и строгую документальную подтвержденность любого исторического факта. Исследователь подчеркивает, что в данной сцене писатель нащупывает «мистические предпосылки революции» и предвосхищает поэтику современной литературы. В этом эпизоде целью изображения А.И. Солженицына является болезненное и воспаленное сознание героя, читающего письмо Парвуса, поэтому сама сцена происходит как бы «в полусне».

Не может не потрясать личное признание А.И. Солженицына, записанное о Шмеманом в дневниках: «...у меня в "узлах" три прототипа (то есть в них я вкладываю себя, пишу о себе) – Воротынцев, Саня Лаженицын (был ещё Саша Ленартович, да безнадежно разошлись...) и... Ленин! У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно анти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела... Разве не символично: он из Цюриха – в Москву, я из Москвы – в Цюрих...»<sup>271</sup>

Ирина Роднянская отмечает, что Ленин у Солженицына – «человек судьбы», «муж судеб», и потому-то — «центральная фигура». Это выражение — *l'homme du destin*, — имеющее античные корни, прилагалось чаще всего к Наполеону (в том числе и в пушкинских стихах; у него же — к Петру: «О мощный властелин судьбы!»), и христианин Честертон как раз предостерегал от увлечения «тёмной мистикой человека судьбы». Вот и Ленин видится зомбированному им Саше Ленартовичу «сверхчеловеком», да и сам Троцкий вынужден признать: «Всюду берёт как имеющий власть» (эта произвольная цитата из Евангелия не в Троцком уже, а в нас возбуждает мысль об «антихристе»)"<sup>272</sup>.

Ленин в «Красном Колесе» и сам осознает эту «центральность». : «А он

---

<sup>271</sup> Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2007. С. 102.

<sup>272</sup> Роднянская И. Ленин: художественно-исторический портрет за гранью идеологии // Путь Солженицына в контексте Большого времени, М.: Русский путь, 2009. С.270.

— не левый-левый фланг социал-демократии, а центр событий, этого ещё не поняли»<sup>273</sup>. И. Роднянская называет его никудышным стратегом, но «гением въезда в историю на чужих спинах». Ее мысль поддерживает и А. Немзер : «Этот великий «практик» придет на готовенькое, созданное общими усилиями противоборствующих держав Европы и противоборствующих групп в России»<sup>274</sup>.

О значимых чертах образа Ленина говорит и А.В. Урманов: «В одном из интервью Солженицын, определяя самую характерную черту большевистского вождя, сказал, что «Ленин был весь направлен на разрушение». В эпопее «Красное Колесо» этот персонаж – в символическом аспекте – не столько является политиком, взявшимся за практическое осуществление программы наиболее радикальных группировок русских и европейских социалистов по социальному переустройству мира, сколько призван осуществить некую глобальную «космическую» миссию – пробудить дремлющие (в том числе в самом человеке) демонические стихии, вызвать из небытия духи зла и разрушения, способные расчленив Россию, огнем и топором пройти по Европе, расколоть, сокрушить до основания весь Божий мир, построенный на принципах любви, добра, гармонии, истины и красоты»<sup>275</sup>.

Одной из ключевых особенностей художественного мира А.И. Солженицына является отказ от однозначной характеристики действующего лица: даже по отношению к деятелям, сыгравшим роковую роль в русской истории, проявляется умение показать их эмоциональную, скрытую, человеческую сторону. Поэтому В.И. Ленин в «Красном Колесе» представлен как упорный, неутомимый человек, постоянно занимающийся самообразованием. Не скрыты и его мучения от головной боли и страдания по Инессе Арманд.

---

<sup>273</sup> А-17, кн. 1. С. 159.

<sup>274</sup> Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. – М.: Время, 2010. С. 86

<sup>275</sup> Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие / А.В.Урманов. – 3-е изд. – М: Флинта: Наука, 2009. С. 333.

Все перечисленное связано, прежде всего, с глубинной авторской установкой, которой руководствовался писатель при создании «Красного Колеса»: «...для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить свою главу полностью в его психологии, и стараясь передать его правоту. Больше того, я свой язык – не прямую речь, а свой авторский язык – строю так, чтобы он был верным фоном именно этому герою, именно в этой главе. И вот у меня столько точек зрения в романе, сколько героев»<sup>276</sup>. Важно, что стиль речи в «ленинских главах» эпопеи воссоздавался с опорой на реальные письма политика. Сам писатель признавался, что в «ленинских главах» столкнулся с трудной языковой задачей – «выплющить, высушивать речь», чтобы приблизиться к ленинской речевой манере.

Возвращаясь к теме «антипатриотизма» как ключевой черте революционеров, нельзя не заметить, что в образе Ленина постоянно подчеркивается антипатриотизм, отсутствие понятия «родина» как такового и, в целом, негативное отношение к России: «И что ж можно вымесить из российского кислого теста! И зачем он родился в этой рогожной стране?! Четвертушкой ли крови он связан так, что привязала судьба к дрянной российской колымаге? Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной страной. Ничего не знал Ленин противнее русского амикошонства, этих трактирных слез раскаяния, этих рыданий якобы загубленных натур. Ленин был – струна, Ленин был – стрела. Ленин с первого полувзгляда оценивал дело, обстоятельства и верное и даже единственное средство к цели. И что ж его связывало с этой страной? Да не хуже, чем этим полутатарским языком, он овладел бы и тремя европейскими, потрудясь больше. С Россией – двадцать лет конкретных революционных связей? Ну, только вот они. Но сейчас, после создания циммервальдской левой, он уже достаточно известен в мировой социалистической сфере и

---

<sup>276</sup> Цит. по: Спиваковский П. Академик Александр Исаевич Солженицын // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. – М.: Наука, 2003. Т. 62. - № 6. С. 65.

может перешагнуть туда. Социализм – безнационален. Вот уехал Троцкий в Америку – правильный выбор. И туда же Бухарин. Наверно и надо, в Америку»<sup>277</sup>. Тут снова подчеркивается «безнациональность» социализма, которая очень близка «антипатриотизму».

Как видим, у писателя вырабатывается довольно сложное отношение к фигуре Ленина (как к персонажу эпопеи, так и к историческому деятелю). Но так или иначе, А.И. Солженицын относит политика к редким людям, обладающим историческим чутьем. Несмотря на то, что в момент начала войны будущий вождь страдает от того, что не смог предугадать ее зарождение, все же он довольно быстро понимает, как ее повернуть в нужную сторону и использовать в собственных интересах. Он радостно приветствует войну, поскольку считает, что теперь центр тяжести русской общественной мысли переместится в эмиграцию, где В.И. Ленин на тот момент и находится. Свою блестящую мысль он первому доверяет Якубу Ганецкому, своему доверенному лицу, ближайшему соратнику и помощнику за границей: «надо понять, что раз война началась, то не отмахиваться от неё, но – использовать! Надо переступить через поповское представление, иногда зароненное и в пролетарские головы, что война – несчастье или грех. Лозунг “мир во что бы то ни стало” – поповский лозунг! Какую линию в создавшейся обстановке должны повести революционные демократы всего мира? Прежде всего: необходимо опровергнуть басню, что в поджоге войны виноваты Центральные державы! Антанта будет сейчас прикрываться, что “на нас, невинных, напали”. Они даже придумывают, что “для дела демократии” нужно защищать республику рантье. Смять, раздавить это оправдание! Какая разница – кто на кого первый напал? Следует пропагандировать, что виноваты все правительства в равной мере. (И даже: немецкие – меньше других). Важно – не “кто виноват?”, а – как нам выгоднее использовать эту войну. “Все виноваты” – без этого невозможно вести

---

<sup>277</sup> О-16, кн. 2. С. 111-112.

работу на подрыв царского правительства»<sup>278</sup>.

По мнению В.И. Ленина, Первая мировая война – это наилучший путь к мировой революции, именно ее ждали и не дождались Маркс с Энгельсом, чтобы «раздуть мировой пожар». Ленин в «Красном Колесе» ощущает некую мистическую связь с этим событием, он будто был рожден для него – для того, чтобы понять его истинный смысл: «Двадцать семь лет политического самообразования, книги, брошюры, партийная перебранка, холодное неудачное наблюдение первой революции, для всех в Интернационале – нарушитель порядка, зарвавшийся сектант, слабая маленькая тающая группка, называемая партией, – а ты ждал, сам не зная, вот этого момента, и момент пришёл! Крутится тяжёлое разгонистое колесо – как красное колесо паровоза, – и надо не потерять его могучего кручения»<sup>279</sup>.

Читая газеты, знаменитый революционер понимает, что все социалисты смогут только требовать мира, а никто не осмелится на то, что задумал он: не только не призывать «мир», но еще больше разгонять эту войну и постепенно переносить ее на другую арену – внутрь своей же страны. Далее мы увидим, что при случае он не гнушался позднее и к миру призывать, но только если это отвечало его интересам и задачам.

Точку зрения В.И. Ленина кратко можно свести к одной фразе, которая осеняет его в одно мгновение: «Превратить в гражданскую!» Но за ней скрывается довольно много различных факторов. Одно из желаний политика – чтобы на этой войне погибли все правительства Европы. Требование мира он называет «тупоумным предательским лозунгом»: «Для чего же пустышка никому не нужного “мира”, если не превращать его тотчас в гражданскую войну и притом беспощадную ?! Да как предателя надо клеймить всякого, кто не выступит за гражданскую войну!»<sup>280</sup>

В.И. Ленин предлагает, прежде всего, разобраться в том, кто кому на самом деле союзник, и тогда выяснится, что главный союзник социалистов-

---

<sup>278</sup> А-14, кн. 1. С. 201-202.

<sup>279</sup> Там же. С. 208-209.

<sup>280</sup> Там же. С. 210.

революционеров – это Германия, хотя она в этой войне воюет против России. Следовательно, называя себя «антипатриотами» и считая Германию главным союзником, социалисты во главе с В.И. Лениным фактически утверждают себя в качестве врагов России: «Самое главное – трезво схватить расстановку сил, трезво понять – кто теперь кому союзник ? Не с поповской глупостью вздымать рукава между фронтов. Но увидеть в Германии с самого начала – не равно-империалистическую страну, а – могучего союзника. Чтобы делать революцию, нужны ружья, нужны полки, нужны деньги, и надо искать, кто заинтересован дать их нам? И надо искать пути переговоров, тайно удостовериться: если в России возникнут трудности и она станет просить о мире – есть ли гарантия, что Германия не пойдёт на переговоры, не покинет русских революционеров на произвол судьбы?»<sup>281</sup>

Помимо отношения к Германии как к потенциальному источнику финансирования и снабжения восстания, революционера захлестывает волна восхищения противоположной стороной, ее технической оснащенностью и организованностью: «Германия! Что за сила! Какое оружие! И какая решительность – решительность удара через Бельгию! Не опасаются, кто и как заскулит. Только так и бить, если начал бить! И решительность комендантских приказов – вот уж, не пахнет русской размазнёй. (И даже та решительность, с какой хватают русских социал-демократов. Тем более – с которой освобождают их).

Германия – безусловно выиграет эту войну. Итак – она лучший и естественный союзник против царя.

А-а, попался хищный стервятник с герба! – схвачена лапа, не выдернешь! Сам ты: выбрал эту войну! Об-кор-нать теперь тебя – до Киева! до Харькова! до Риги! Вышибить дух великодержавный, чтоб ты подох! Только и способен давить других, ни на что больше! Ампутировать Россию кругом. Польше, Финляндии – отделение! Прибалтийскому краю –

---

<sup>281</sup> А-14, кн. 1. С. 210-211.

отделение! Украине – отделение! Кавказу – отделение! Чтоб ты подох!...»<sup>282</sup>

В.И. Ленин в эпопее даже называет такую войну «подарком истории» и разрабатывает стратегию дальнейших действий: конечно, внешне ни в коем случае нельзя показывать, что социалисты выступают в поддержку войны, наоборот, надо громче всех кричать и выступать именно против нее. Но по закону диалектики, необходимо при этом максимально длить и затягивать Первую мировую войну и желать ей продолжения, потому что для революционеров такая война – это благо.

Эта категория людей в «Красном Колесе» довольно утопично считает (а может, только убеждает в этом других, чтобы переманить на свою сторону), что, как только установится социалистический строй, то сразу все войны в мире прекратятся и их больше никогда не будет. Как им кажется, все войны происходят из-за власти капиталистов, а как только их свергнут – никакая сила не заставит две социалистические страны воевать между собой: «Социалистическое государство уже никто воевать не заставит! Войны затевают правители, а не народы. Кончится капиталистический строй – и кончатся людские страдания»<sup>283</sup>.

А.И. Солженицын не только многократно показывает В.И. Ленина за работой в библиотеке, но и частично знакомит нас с книгами, которые тот изучает, вводя тем самым в «круг чтения» будущего вождя. Знаковой здесь представляется трактат прусского офицера Карла фон Клаузевица «О войне» (1832), посвященный военному искусству, где война представлена как социальный феномен. Примечательно, что В.И. Ленин интересуется именно этой книгой и делает из нее выписки: «Клаузевиц: война – это политика, где перо сменено, наконец, на меч. Всякая политика ведёт к войне, и только в этом её ценность.

<...>

Три стороны войны по Клаузевицу: действия рассудка достаются

---

<sup>282</sup> А-14, кн. 1. С. 210-211.

<sup>283</sup> О-16, кн. 1. С. 457.

правительству, свободная духовная деятельность – полководцам, ненависть – народу»<sup>284</sup>.

Все, что читает Ленин, происходит не для его личного удовольствия. Этот трактат он изучает, чтобы, поняв некие общие законы всех войн мира, применить их сначала к событиям Первой мировой войны, а потом к войне гражданской, в которую, по задумке политика, превратится первая. Но писатель отмечает, что работа Клаузевица в действительности не сильно помогает В.И. Ленину, поскольку можно постичь и изучить все предыдущие войны, но ни на шаг не приблизиться к пониманию законов и механизмов войны настоящей и, уж тем более, будущей.

В сознании Ленина русский народ оказывается самым терпеливым. Но для него это определение носит абсолютно негативный смысл – непонятно, зачем этот загадочный народ так долго терпит эту кровавую войну, на которой он гибнет, вероятно, больше всех других народов, поскольку Россия все равно не может сравниться с Германией в техническом оснащении: «О Восточном фронте вообще пишут невнятно, неточно, корреспондентов там нет, знают мало и интересуются мало, да пресса Антанты и стыдится такого союзника, стараются меньше писать, но часто приводят цифры потерь. Эти цифры русских потерь всякий раз находил и ногтем отмечал Ленин – с удовольствием и удивлением. Чем крупней были цифры, тем радостней: все эти убитые, раненые и пленные вываливались как колья из самодержавного частокола и ослабляли монархию. Но и эти же цифры приводили в отчаянье, что нет на Земле народа покорней и бессмысленней русского. Границ его терпению не существует. Любую пакость, любую мерзость он слопает и будет благодарить и почитать родного благодетеля»<sup>285</sup>.

Видно, что такая покорность раздражает будущего вождя, и не без очевидной причины: Ленин считает, что если русский народ терпит такую войну и такое правительство, то он стерпит все – а это значит, что с ним

---

<sup>284</sup> О-16, кн. 2. С. 92.

<sup>285</sup> Там же. С. 110-111.

невозможно сделать революцию, потому что для бунта как раз необходимо, чтобы это бесконечное терпение лопнуло.

Больше всего вождь боится сепаратного мира, заключенного при монархии, поскольку если он наступит, правительство и царь будут спасены: Вот – страшно. Вот – не может быть хуже чего. Тогда проиграно – всё. И мировая революция. И революция в России. И – вся жизнь Ленина, все усилия двух десятилетий. Такое сообщение – о подготовке сепаратного мира, о тайных переговорах, уже официально идущих между Германией и Россией, и что в главном обе державы уже столковались, – недавно напечатала газета Гримма “Бернер тагвахт”. Подпись была – К. Р. Не надо спрашивать плута Радека, чтоб догадаться, что это – он. (Но как мог Гримма убедить!)<sup>286</sup>.

Ленин понимает также, что Карл Радек эту новость просто выдумал, скрывшись за анонимным корреспондентом, но опыт подсказывает, что Радек явно что-то предчувствовал, если позволил себе так написать.

В.И. Ленин в кругу социалистов среди немногих равных себе по уму признает гений Александра Парвуса, особенно его чутье и возможность предугадывать события. Он признает, что именно Парвус первым догадался, что мировая война и мировая революция в будущем будут неразрывно связаны. Двух социалистов объединяет также представление о том, что в этой войне нужно желать победы Германии, чтобы потом объединиться с ней в деле революции. По мнению А. Парвуса, Первая мировая – это не война Германии с Российской Империей и союзниками, это борьба мирового социализма с империализмом, где, как нетрудно догадаться, Россия отождествляется с империализмом (и отчасти капитализмом), которые должны быть подавлены. Поэтому все социалисты мира должны объединиться и поддержать именно Германию, ведь путь водворения социализма во всех странах лежит только через разгром России и революцию в ней. Парвус также считает в корне неверной постановку вопроса о том, кто в этой войне на кого напал, поскольку это неважно: «Не надо искать этих

---

<sup>286</sup> О-16, кн. 2. С. 111.

пустых причин, но надо думать социалистически: как нам, мировому пролетариату, использовать войну, значит: на чьей стороне сражаться? У Германии – самая мощная в мире социал-демократия, Германия – твердыня социализма и поэтому для Германии эта война – оборонительная. Если социализм будет разгромлен в Германии – он будет разбит везде. Путь к победе мирового социализма – военное укрепление Германии. А то, что царизм на стороне Антанты, ещё более открывает нам, где истинный враг социализма: значит, победа Антанты принесёт новое подавление всему миру. Итак, рабочие партии всего мира должны воевать **против русского царизма**. А советовать пролетариату принять нейтралитет (Троцкий) – значит самоисключиться из истории, революционный кретинизм. Итак, задача мирового социализма – уничтожающий разгром России и революция в ней! Если Россия не будет децентрализована и демократизована – опасность грозит всему миру. А Германия несёт главную тяжесть борьбы против московитского империализма, и революционное движение в ней должно на время прекратиться. А потом победа в войне принесёт и классовые завоевания пролетариату. *Победа Германии – победа социализма!*<sup>287</sup>

Процитированный фрагмент содержит реальные документальные высказывания политика из его знаменитого «плана Парвуса». Это план довольно подробно представлен в этой части эпопеи, хотя, как известно, в данный исторический период Ленин и Парвус встречаться не могли. Но для понимания действий социалистов, для осознания роли Первой мировой войны в дальнейшей революции учитывать «План Парвуса» было необходимо, и А.И. Солженицын не мог не обратиться к нему.

Эти мысли А.Парвуса во многом перекликаются с ленинскими, так, как они представлены на страницах «Красного Колеса». В эпопее Парвус олицетворяет бесовское начало, он околдовывает Ленина, внушает ему свои идеи. Восприятие Парвуса как беса вполне укладывается в концепцию «Бесов русской революции», берущей свое начало еще в романе

---

<sup>287</sup> О-16, кн. 2. С. 166-167.

Ф.М.Достоевского с почти одноименным названием.

В «Красном Колесе» социалисты показаны не как совсем однородная масса: так, например, после того, как Парвус открыто призвал помогать Германии в этой войне, подчеркивается, что против него ополчились все социалисты Европы. Их желание выдержать нейтралитет в сложившейся политической ситуации вызывает у Парвуса раздражение, и все свои ставки он делает на социалистов русских.

Но и сам А. Парвус, и В.И. Ленин, и другие социалисты понимают, что Германское правительство может не захотеть делать революции в России, их интересует только победа и заключение мира на своих условиях, а не свержение монархии в Российской Империи. И тогда они догадываются – нужно убедить Германию, что мир нужно заключать на социалистических основаниях и с другим правительством: «...да царь уже и *не в состоянии* заключить мир! если он вдруг и заключит с вами мир – то тогда власть в России может перенять сильное национальное правое правительство, которое не посчитается с обязательствами царя, – и вы только усилите их позиции!... Втолковывать пруссакам: нет уж, нет, *реальный* мир с Германией может подписать только правительство социалистическое. Дайте же “миру” быть первым лозунгом революции, первой заботой нового правительства! Ему будет и легче идти на уступки: потому что оно не виновно в войне. От такого правительства Германия получит значительно **больше** ...»<sup>288</sup>

Кроме Ленина и Парвуса, в ряду социалистов эпопеи также ярко выделяется А.Г. Шляпников. Его точка зрения тоже важна в историософской концепции «Красного Колеса», но и она во многом близка ленинской. Он тоже выступает за классовую войну и против ложного патриотизма, не понимает, почему общественность японскую войну порицала, а эту если не восхваляет, но и не выступает резко против. Некоторые его размышления напрямую пересекаются с ленинскими: «И что это за ложные рассуждения – кто *начал* ? Разве в том дело, кто первый напал? Виновник войны – мировая

---

<sup>288</sup> О-16, кн. 2. С. 183-184.

буржуазия, и бельгийская ничуть не меньше, чем германская, и нет никакой “бедной Бельгии” или “бедной Сербии”, а – долой войну!! да здравствует революция! амнистия политзаключённым, мученикам свободы!!»<sup>289</sup>

Здесь в художественную форму переведен текст листовки, написанной А.Г. Шляпниковым. Кроме того, мысль о ложных рассуждениях, кто же начал войну, почти дословно перекликается с идеями Парвуса и Ленина.

А.И. Солженицын многократно подчеркивает, что социалистов-революционеров и других разрушителей России объединяет как раз отсутствие ценностного восприятия России как своей родины, отсюда и обвинения других в ложном и наивном патриотизме. Этим путем следует и А.Г. Шляпников: «Вообще: что такое Россия? Россия – как что-то своё??? “Защита” – “несчастливого” – “отечества”? Вот уж что меня не трогает, это “судьба России”, меня сжигает судьба революции! – горела Сашенька. – Вот уж чего не хочу – это победы России! А по ту сторону огня – кто будет гибнуть? не такие же пролетарии? небось, не буржуазные сынки. Нет, нет для нас ни России, ни Германии, не надо нам ни ваших поражений, ни ваших побед, всё это одинаково. Пролетариату нужен – мир!!»<sup>290</sup>

Правда, тут Ленин довольно быстро убеждает Шляпникова и его возлюбленную Александру Коллонтай, что пролетариату как раз нужна гражданская война, а не мир, и они оба соглашаются с правотой его суждений.

Ленин считает, что в победе Германии и ее дальнейшем союзе с социалистами выигрывают обе стороны: победа немцев в Первой мировой войне не будет считаться полной, поскольку все равно будет оставаться угроза, исходящая из России. А социалисты заинтересованы в этом, прежде всего, с точки зрения финансирования революции.

В планы Парвуса и Ленина входила также активная пропаганда в действующей армии для ее разложения. Политики выбрали верную и самую

---

<sup>289</sup> О-16, кн. 2. С. 324.

<sup>290</sup> Там же. С. 324-325.

уязвимую цель – в армии народ и так измучен и недоволен правительством, втянувшим их в эту бессмысленную войну. Кроме того, в армии лучше всего поднимать восстание, поскольку там есть оружие. Важно было внушить народу мысль о том, что революция – это единственный способ выйти из ненавистной войны.

В «Красном Колесе» большинство Цюрихских глав посвящены В.И. Ленину. Там же представлены кружки социалистов и их дебаты по различным политическим вопросам. В 37 главе «Октября Шестнадцатого» на одной из подобных встреч Ленина и социалистов вырабатывается установка, заключающаяся в возбуждении ненависти к своему правительству и подчеркивается, что «только такая работа может считаться социалистической»: «Можно тысячу раз знать марксизм, но когда грянет конкретный случай – не найти решения, а кто находит – тот делает подлинное открытие. :Осенью 1914, когда 4/5 социалистов всей Европы стали на защиту отечества, а 1/5 робко мычала “за мир”, – Ленин, единственный в мировом социализме, увидел и всем показал: **за войну !** – но **другую** – и немедленно!!»<sup>291</sup>

Отдельный огромный пласт точек зрения на события Первой мировой войны представлен в газетах, листовках, прокламациях и прочих документах того времени. А.И. Солженицын приводит их в изобилии на страницах «Красного Колеса», но рассмотрение этой части текста могло бы послужить основой для отдельного диссертационного исследования. Но в нашем контексте особенно показательна одна из них, иллюстрирующая позицию Ленина и выношенный им план:

## **ДОКУМЕНТЫ – 1**

**Октябрь 1916**

**К ПРОЛЕТАРИАТУ ПЕТЕРБУРГА**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**Преступная война, затеянная хищниками международного**

---

<sup>291</sup> О-16, кн. 1. С. 483.

**капитала... Правящие классы, только выпустив все жизненные соки из народов противной стороны, скажут, что их задачи выполнены. Война несёт небывалые выгоды господствующему классу, давая громадные проценты на капитал.**

**Для России дело усложняется господством разбойничьей царской шайки. Над свистопляской зарвавшихся хищников парит двуглавый орёл.**

**Только объявив решительную ВОЙНУ ВОЙНЕ... ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЭТА ВОЙНА! ВРАГ КАЖДОГО НАРОДА НАХОДИТСЯ В ЕГО СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ.**

**Да здравствует РСДРП!**

**Петербургский комитет РСДРП<sup>292</sup>**

Важно, что газетный пласт, столь важный в «Красном Колесе», становится особенно актуальным именно в связи с фигурой Ленина: он уделяет особое пристальное внимание газетам и изучает их подборки в библиотеках Швейцарии.

В двух последних узлах эпопеи, «Марте Семнадцатого» и «Апреле Семнадцатого», тема Первой мировой войны поднимается намного меньше: тут уже писателя интересует свершившаяся февральская революция и ее предварительные итоги, поэтому Первая мировая постепенно растворяется в тексте и переходит в революцию. Но тем не менее, эта тема иногда точно, пунктирно появляется на страницах книги, например, в подборке документов:

**ДОКУМЕНТЫ – 24**

**Лондон, 11 марта**

**ЛЛОЙД ДЖОРДЖ – кн. ЛЬВОВУ**

**... Как бы мы ни ценили лояльность и верное сотрудничество бывшего императора и русских армий в течение последних двух с половиной лет, мы полагаем, что революция, с помощью которой**

---

<sup>292</sup> О-16, кн. 1. С. 278.

**русский народ связал свою судьбу с твердой основой свободы, является лучшей лептой, которую Россия принесла на алтарь союзников... Русская революция еще раз подтверждает ту истину, что великая война является борьбой за народоправство...** <sup>293</sup>

Здесь показано, как воспринимали связь революции и Первой мировой войны с западной стороны, со стороны бывших союзников Российской империи.

Также в последних двух узлах тема войны поднимается в следующем аспекте: большевики возвращаются к лозунгу «Долой войну!», который после свержения монархии и после Февральской революции принимается буржуазным обществом довольно негативно. В защиту этого лозунга в узле «Апрель Семнадцатого» выступает как Шляпников, так и сам Ленин (не отменяя при этом своих предыдущих планов). Вот что он говорит: «На меня клеветают, будто я сторонник сепаратного мира. А я утверждаю только, что нынешняя война затеяна Николаем Кровавым и капиталистами всего мира, и новое правительство ведёт такую же разбойничью войну, в интересах тех же капиталистов. А рабочему классу эта война не нужна. Почему Временное правительство отказывается не только расторгнуть тайные грабительские договора, но даже опубликовать их? От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну, капиталисты, перерядившиеся в „республиканцев“. Значит, договора, заключённые царской шайкой, остаются в силе, – и мы воюем ради них? А между тем – там заключён план разделения Китая между Францией, Англией и Россией»<sup>294</sup>.

На вопрос, что же он предлагает взамен, В.И. Ленин отвечает, что войну можно закончить только революцией пролетариата и перехода власти к рабочим, то есть, к Совету Депутатов. Также политик призывает к поддержке братания на фронте: «Одним из способов ликвидации войны является систематическое братание на фронте. Русские и германские рабочие

---

<sup>293</sup> М-17, кн. 4. С. 113.

<sup>294</sup> А-17, кн. 1. С. 289.

и крестьяне в серых солдатских шинелях могут, по взаимному уговору, сделать дальнейшее продолжение войны невозможным. И братание – уже началось! И не только на нашем фронте. Нужна немедленная, энергичная, всесторонняя и безусловная помощь с нашей стороны – братанию солдат **на всех** фронтах. Такое братание – уже началось: давайте ему помогать!<sup>295</sup>

По мнению Ленина, это приведет к тому, что скоро в Германии все будут на стороне социалистов, а затем уже революция прокатится по всему миру: «Если в России власть будет в руках Совета депутатов, а в Германии не произойдет революции, свергающей Вильгельма, но это только полдела, а свергающей и немецких Гучковых-Милюковых, – вот тогда будем крепче держать винтовку против врагов нашей революции! Вот тогда мы согласны на революционную войну против капиталистов любой страны! И мы закончим её всемирной революцией, без грабежа земель и удушения народностей!»<sup>296</sup>

На вопросы же о том, почему они призывают к гражданской войне, вождь всячески отрицает это, хотя мы знаем, что «превратить в гражданскую» - его главный лозунг и цель в Первой мировой войне. Как видно из приведенных фрагментов, к марту-апрелю 1917 года В.И. Ленин внешне встал совершенно на противоположные позиции – он начал агитировать за мир и против Первой мировой войны, напоказ отрекался от желания развязать гражданскую. Это указывает на то, что В.И. Ленин как абсолютно прагматичный политик мог менять свою позицию в зависимости от ситуации и личных целей.

## **§ 2. Вымышленные персонажи: социалистические воззрения в кругу семьи Ленартовичей**

Помимо реальных исторических лиц, А.И. Солженицын к социалистам относит некоторых вымышленных персонажей: например, семью

---

<sup>295</sup> А-17, кн. 1. С. 290.

<sup>296</sup> Там же. С. 290-291.

Ленартовичей – двух тетушек Адалию и Агнессу, их племянников Саню и сестру Веронику. Подчеркивается, что Саня Ленартович и Вероня – очень разные между собой. Саня – ярый социалист, наследник позиции своих тетушек, а Вероню как раз совсем не интересует политика. Она оказывается под влиянием подруги Ликони и в большей степени увлекается культурой Серебряного века. Ее, безусловно, тоже касается война, но девушка воспринимает ее поверхностно: «Вероника искренне трогалась всеобщими страданиями, но в жажду борьбы, но в ненависть к притеснителям никак это не переходило, в её расплывчатом безграничном сочувствии не прочертилось категорической границы, отделяющей жертв социального угнетения от жертв прирождённых уродств, собственного характера, ошибившихся чувств и даже зубной боли. (Так и сегодня, в наступившей войне, Вероника только и видела то простейшее, поверхностное, что вот теперь убитые, пропавшие без вести, вдовы и сироты, не выше того)»<sup>297</sup>.

Отношение к войне прапорщика Ленартовича резко негативное, но по другим причинам. Оно проявляется в различных диалогах, где он высказывает свое критическое отношение к русской армии и устройству войны, оказавшись на фронте. Например, он недоволен работой российской почты и освещением ключевых событий в газетах:

– Родители умерли. Сестра, бестужевка. Как раз сегодня пришло от неё письмо – и что же? Написано на четвёртый день войны, 23-го июля, – а сегодня какое? 12-е августа? Это что? – это почта? На волах? Или в чёрном кабинете моют? – И всё более горячился. – Так и газеты: за 1-е августа! и это почта? Как же жить? Что в России? что в Германии? что в Европе? Нич-чего не известно! Вот видим одно: Найденбург взят, можно сказать, без боя, однако мы его зачем-то бомбардировали, подожгли, а теперь туши, русские Иваны ведра носи...

– Ну, тут и немцы поджигали...

– Крупные магазины – немцы, а окраины – казаки. Ладно. А на

---

<sup>297</sup> А-14, кн. 2. С. 61.

австрийском фронте ничего не знают о нас. А мы ничего не знаем про австрийский, – так можно воевать? Слухи, слухи! Проехал кавалерист, шепнул что-то – вот наши и новости! Кто уважает Действующую армию? Нас – презирают! А вы – Россия, Германия! Солдаты выбили двери в оставленных квартирах, что-то там понесли – так это позор христолубивого воинства, за это карай, гауптвахта. А подполковник Адамантов набрал серебряных молочников да кувшинчиков – это ничего, это можно. Вот ваша Россия!<sup>298</sup>

И далее следует авторская речь, которая отчасти и оспаривает позицию героя: «Но если б не было этой мерзкой войны – не накинули бы девушки такой белизны, не натягивали бы на лоб, к самым бровям, так строго, чисто, ново»<sup>299</sup>.

Саня Ленартович, представитель социалистических взглядов, не желает победы России в войне, относится к ней по принципу «чем хуже, тем лучше». Ему не спится ночью на фронте, потому что он размышляет о неуместности этой войны и его возможной смерти на ней. С детства Саня мечтал умереть за что-то великое и светлое, перевернуть мир, но его страшно мучит, что он попал не туда и сражается не за то: «Нельзя было влипнуть хуже: в двадцать четыре года погибнуть за самодержавие! После того, что так рано удалось тебе узнать истину, и стать на верную дорогу, и значит остальная жизнь уже пошла бы не на слепые поиски, не на гамлетовские сомнения, а на **дело** , – погибнуть в кровавом чужом пиру, жалкою пешкой держиморд!...»<sup>300</sup>

Саша страдает, что ему не удалось попасть ни в тюрьму, ни в эмиграцию – по его мнению, именно там идет настоящая жизнь, собираются для великих дел революционеры. А вместо этого он оказался на этой ненужной войне, поэтому всячески пытается из нее выбраться, любыми способами – например, попасть под суд за агитацию: «Да в агитации и был бы истинный смысл его пребывания в армии, он пытался, но всё зря.

---

<sup>298</sup> А-14, кн. 1. С. 140.

<sup>299</sup> Там же. С. 140.

<sup>300</sup> Там же. С. 310.

Солдаты его взвода оказались, как на подбор, далёкие не то что от пролетарской идеологии, не то что от зародыша классового самосознания, но даже простейшие экономические лозунги, которые в их прямую пользу идут, – долдонными своими головами не могли освоить. Своей тупостью и покорностью – отчаяние вызывают они!

Как же сложно-петлиста история! Вместо того чтобы прямо идти к революции, заворачивает вот на такую войну – и ты бессилен, и все бессильны»<sup>301</sup>.

Мысли приводят его к Еле – той самой Ликоне, однокурснице сестры Вероники, в которую он влюблен. И он с тоской думает о том, что он мог быть с ней, а вместо этого приходится защищать «чертово Отечество». Последние слова писатель выделяет жирным шрифтом – и здесь нельзя не вспомнить об «антипатриотизме» как ключевой черте социалистов в эпосе. В сознании Ленартовича (как и одного из любимых героев А.И. Солженицына – полковника Воротынцева) война предстает бессмыслицей: «Да при всеобщей воинской повинности никакой другой и не может быть война, вот только такой бессмысленной: людей гонят насильно, не спрашивая с них ненависти, гонят против неизвестных им, подобных же несчастных. Такая война не имеет оправданий»<sup>302</sup>.

Но все-таки у Ленартовича другие причины считать эту войну лишённой смысла. Он не против войны как таковой, просто хотел бы направить эту энергию в иное русло, сделать ее гражданской (как и В.И. Ленин): «Другое дело – война добровольная, война против твоих действительных извечных социальных врагов: ты сам этих врагов узнал, ты сам их выбрал, ты – хочешь их уничтожить, потому тебе не страшно, что могут убить и тебя.

Если б десятую часть этих потерь, десятую часть этого терпения да половину этих снарядов потратить бы на революцию – какую прекрасную

---

<sup>301</sup> А-14, кн. 1. С. 310.

<sup>302</sup> А-14, кн. 1. С. 392.

можно было бы устроить жизнь!»<sup>303</sup>

Саша хотел бы кардинально изменить всю войну, но это невозможно, поэтому нужно поменять ее для себя. Он рассматривает разные варианты, понимает что эмигрировать упущено время, и остается единственное – сдаться в плен. Но он опасается, что его убьют при попытке сдачи, да и неизвестно, сможет ли он попасть сразу к социалистам. Тем не менее, он пытается уйти от своих войск, но оказывается в лесу в окружении, где встречает полковника Воротынцева и других солдат и офицеров. В этой ситуации, когда полковник сообщает ему, что здесь, в лесу, «под звездами» нет деления по чинам, а только есть здоровые и раненые, Ленартович сразу же соглашается: об этом он думает как демократ, его больше всего оскорбляло это деление на «высших» и «низших». Попытка дезертировать Ленартовичу не удастся – ему приходится вместе со всеми готовиться к прорыву: «Сдаться в плен оказалось ещё опаснее, чем биться до последнего. Вот она, война! – её и бросить нельзя, от неё отвязаться нельзя. И если здесь не заподозрили, не упрекнули, обещали вывести – оставалось идти, стрелять, воевать. Если тебя хотели убить, почти убивали – ты вправе ответить тем же, а то дошутимся»<sup>304</sup>.

Через семью Ленартовичей также вводится в эпопею мощная линия революционного террора. Две тетушки Сани Адалия и Агнесса культивируют фигуру погибшего брата Антона, революционера, казненного за совершение террористического акта. Обе сестры заметили, что Саня оказался более «внимчивым», больше чтит память дяди, чем Вероня. В «Красном Колесе» по задумке его тетушек Саша Ленартович должен стать неким «духовным наследником» революционно-террористической деятельности дяди Антона: тот был казнен, когда мальчику было 16 лет, и эта казнь изменила сознание подростка: Саша готов был в любой момент присоединиться к участию в терроре. Этот порыв он сохранил и дальше – его

---

<sup>303</sup> А-14, кн. 1. С. 392.

<sup>304</sup> Там же. С. 411.

всегда больше всего волновали общественные интересы: «Каждого человека, каждое событие, каждую книгу истолковывал Саша в главном контрасте: служат ли они освобождению народа или укреплению правительства»<sup>305</sup>.

Вернемся к вопросу о том, как все-таки называть эту общность людей, представляющих сходную точку зрения в «Красном Колесе» (социалисты, революционеры, демократы) – наглядной иллюстрацией того, что их наименование не так уж принципиально важно, а взгляды схожи, могут служить две сестры-революционерки: «Направления понимали тёти по-разному: Адалия ни к какой партии не принадлежала, была народницей вообще, по душе, конечно левее кадетов, так, на меридиане народных социалистов; Агнесса же – то анархистка, то максималистка. Но все разъединения русской интеллигенции в конце концов второстепенны, вся русская интеллигенция в конце концов есть одно направление и одна партия, слитая в общей ненависти к самодержавию, презрении к жандармам и общей жажде демократических свобод для пленённого народа. Партийных программ сестры между собою не делили, а, почти погодки, сжились, любили друг друга, преклонялись перед погибшим братом, на десяток лет моложе их, – и восхищения, отвращения, похвалы, хулы, тревоги и надежды сестёр были почти всегда общие»<sup>306</sup>.

Все попытки сестер внушить Вероне революционный дух разбивались - они с подругой Ликоней противопоставляли общественному благу культуру и литературу.

Суеверная Агнесса связывала в своем сознании начало Первой мировой войны с днем подавления Свеаборгского восстания (вооруженного восстания матросов морской крепости Свеаборг), что, как ей казалось, свидетельствовало о грозящем возмездии. По мнению старой революционерки, всплеск патриотизма в период войны мешает развитию революционного восстания (и это снова заставляет нас вспомнить

---

<sup>305</sup> А-14, кн. 2. С. 60.

<sup>306</sup> Там же. С. 60.

«антипатриотизм» социалистов): «...А ещё страшней – позорная рабская сцена на Дворцовой площади, на той самой Дворцовой, где запеклась, ещё не испарилась кровь расстрела 9 января – и десятки тысяч свободных, непринуждённых людей – кто заставлял их? кто стянул их туда? какая сила ослабила их подколенки? – опустились на колени перед ничтожным императришкой на балконе безвкусно наляпанного дворца – опустились не лавочники только, не мещане, – опустились интеллигенты! опустились **студенты** !! – и в едином экстазе пели “Боже, царя храни”!?? Наш великий император, наш великий народ – разве это не черносотенство? И ещё несколько дней после того бессмысленная толпа с гимнами ходила по городу. Что с ними случилось со всеми? Безднадёжный народ. Безднадёжная страна. Как же можно с такой лёгкостью забыть казни, столыпинские галстуки, издевательства над свободной прессой, процесс Бейлиса – и опуститься на колени в гимне?! Нет, эта страна достойна была своего порабощения – царского, татарского, хазарского, какого угодно, это не страна, не народ! Но – интеллигенция???»<sup>307</sup>

В то время, как полковник Воротынцев и еще несколько прозорливых офицеров осознают, что война России была совершенно не нужна, последователи социализма наоборот, подчеркивают, что война им как раз очень **НУЖНА**, но для своих, определенных целей. На Бесстужеских курсах, где учатся Вероня и Ликоня (и где преподает историю Средних веков Ольга Андозерская) идет бурное обсуждение, нужна ли все-таки война ли нет:

– Да! – встряхивала головой та рослая в клетчатом платьи, в крупном тугом навиве светлых волос, – война была нам **нужна** ! Даже прежде всего не для сербов нужна, но для нашего собственного спасения! Потому что мы стёрлись характерами, мы разуверились, мы одряхлели, мы скатились ниже некуда – до “Синего журнала” и до “танго”. Нам нужен подвиг, чтобы обновиться! Нам нужна победа, чтоб освежить атмосферу, в которой мы

---

<sup>307</sup> А-14, кн. 2. С. 65.

задыхались!<sup>308</sup>

<...>

Вероника думала. Вид первых раненых наводил и на другую мысль: сколько же, сколько же будет их?...

Но раздался и гордый отклик:

– Как можно щепкой вливаться в патриотические хождения толп? Для чего же мы столько лет искали сознания и открытых глаз?

И ещё одна бойкая сухоликая возражала тонко, резко:

– Мы задыхаемся? – да! Но от внутренних неустройств! Нам не война нужна, а долгий мир! А если б мы в эту войну не вмешивались?

На неё почти прикрикнула совсем не молодая курсистка, не ровесница им всем:

– Надо мыслить в категориях национального существования! Это – дуэль насмерть между славянством и германизмом. И если б мы оставили Францию одну – уже в этих бы днях её Германия разбила, и повернулась бы на нас, – и нам пришлось бы один на один! Мы – в Союзе, и выход – только победа союзников!<sup>309</sup>

Юные курсистки-бесстужевки не только много болтали о войне, но и старались помогать стране по мере своих сил: кто-то устраивал благотворительные сборы, кто-то бросал учебу и шел в сестры милосердия. Вот как показывает войну А.И. Солженицын сквозь призму сознания Вероники Ленартович: «Как будто нелепо – с высших курсов, но и так же была неуклюжа, непримерена война, врезанная в существование. Первые дни войны разразились как гром, обещали ужас, и эгоистическое движение было – остаться в стороне, но сразу и выше того, и настойчивей порыв – участвовать всеми силами тела и духа! Даже: спешить успеть принять участие в первой войне их поколения! Быть может, она продлится всего 3-4 месяца! Россия борется за мировую справедливость – и как же нам остаться в

---

<sup>308</sup> А-14, кн. 2. С. 415.

<sup>309</sup> Там же. С. 415-416.

стороне? Россия борется за своё существование – и как же нам не помогать?

И так говорили:

– Но можно служить войне тем, что критиковать правительство, предостерегать его от ошибок! Например, от ограничения евреев<sup>310</sup>.

### **§ 3. Конституционные демократы и «Союз 17 октября»**

Конечно, социал-демократы – это не единственная партия, чьи взгляды на Первую мировую войну представлены в «Красном Колесе». Например, А.И. Солженицын просто не мог не дать слово «кадетам», представителям конституционно-демократической партии. Известно, что кадеты внешне поддерживали политику правительства в Первой мировой войне, но их патриотизм носил внутренне антиправительственный характер. Их позиция более развернуто представлена в 19 главе «Октября Шестнадцатого», главе под штрихом – это те главы, которые содержат узкоспециальную историческую или политическую справку и могут быть, по утверждению самого автора, при желании опущены в процессе чтения. Данная глава помечена как «Общество, правительство и царь – 1915» и содержит стенограммы заседаний правительства, посвященные военным вопросам. Писатель отмечает, что кадеты оказались в странном положении в связи с Первой мировой войной: она привела к всплеску патриотизма, против которого они как раз выступали (и тут отношение к патриотизму роднит их с социалистами). Патриотизм оказался той силой, которая утвердила ранее попорченный авторитет правительства, и бранить его оказалось сложно. Нельзя было даже выступать против этой войны, как ранее было с русско-японской.

И кадетам осталось только пропагандировать следующее:

«Да будут забыты внутренние распри. Да укрепитя единение царя с народом.

Не возомнить, что кадеты полюбили царя, но уже формировался у них проницательный дальний расчёт: вступив в войну в союзе с Англией и

---

<sup>310</sup> А-14, кн. 2. С. 416-417.

Францией, русский император сам себя отдал в руки великих западных демократий, и будущая победа будет – уже не царя, но – свободной русской общественности»<sup>311</sup>.

Кадеты поняли, что в их интересах использовать этот самый патриотизм и временно отложить споры ради того, чтобы удержать положение России на мировой арене: «... не в примитивном дикарском смысле – к России как обители русского духа, но – к государству, крепко сколоченному, твёрдо ставшему, в котором есть где пожить и есть чем поуправлять, войдя в наследство»<sup>312</sup>.

Лидер партии кадетов П.Н. Миллюков, как показано в «Красном Колесе», на протяжении всей войны говорил о том, что цели этой схватки очень высоки: защита духовных ценностей и русской культуры от варварского нашествия германской силы. Он называл это «войной во имя уничтожения всякой войны». Кроме того, он видел в ведении Первой мировой войны следующие преимущества для Российской Империи: «Константинополь и достаточная часть примыкающих берегов, Hinterland... Ключи от Босфора и Дарданелл, Олегов щит на вратах Царьграда – вот заветные мечты русского народа во все времена его бытия»<sup>313</sup>.

Лидер кадетов знаменит своей обличительной речью 1 ноября 1916 года против правительства и его военной политики, против преступной халатности многих должностных лиц, где особенно много было критики деятельности министра Сухомлинова. Там же прозвучали его обвинения в адрес царской семьи и знаменитые слова, оставшиеся в истории «Что это – глупость или измена?» Существует точка зрения, что все эти упреки в недостаточной оснащённости российских войск и измене правительства служили разжиганию революционных мыслей в обществе и настраиванию его против царя и правительства. А.И. Солженицын в главах «под штрихом» подробнейшим образом описывает заседание Государственной Думы, где

---

<sup>311</sup> О-16, кн. 1. С. 217.

<sup>312</sup> Там же. С. 217.

<sup>313</sup> Там же. С. 218.

обсуждались эти вопросы, и приводит стенограммы заседания.

Писатель делает акцент на сложном положении, в котором оказались кадеты после того, как в стране произошел всплеск патриотического настроения в связи с войной:

«Но так безотказно поддержав свою ненавидимую отечественную власть, в какое же кадеты попали положение? — идти в хвосте за правительством? Немыслимо! К такой роли они не привыкли! Значит, у них не было теперь иного выхода, как опередить правительство в патриотизме и даже в самой борьбе с германским милитаризмом. И даже оттеснить правительство от многого, что связано с войной (не от ведения военных действий, конечно), и тем временем захватывать повсюду как можно больше видных мест.

В соревновании перехватывать себе отрасли вокруг войны помогли земский Союз и новосозданный Союз городов (вскоре почти слитные под именем Земгора). В чрезвычайной атмосфере первых дней войны они получили у Государя разрешение на помощь больным и раненым воинам на государственные средства — и при этом оказались не связаны никакими формальностями в расходовании казённых денег, ни отчётами, ни сметами, ни штатами, ни размерами окладов, — ибо не могли допустить государственных контролёров из общественной гордости»<sup>314</sup>.

Все это привело к тому, что они стали платить сотрудникам в несколько раз больше и освобождали их от необходимости службы в армии, и это способствовало их увеличению в численности. Это также работало на их цель — подорвать престиж правительства. Но были и другие способы сделать это — например введение сухого закона им удалось превратить в фарс: «В первые дни войны, создавая очищенную народную атмосферу, Государь распорядился отменить (государственную монопольную) продажу водки в России. Это собрало правительству всенародное сочувствие. И тогда кадеты публично предложили: а пусть правительство запретит и всем

---

<sup>314</sup> О-16, кн. 1. С. 218.

частным торговцам всякую продажу всякого вина, даже и слабого виноградного. Расчёт был: если правительство откажется, значит, оно покажет, что с водкой лицемерило, но хочет спаивать другими средствами, чтоб увеличить доход с акциза. Правительство – клюнуло приманку и согласилось, был провозглашён запрет всеобщий. Но так создалась, выяснилась с месяцами всеобщая нелепость: торговля вином лишь была загнана в тайную продажу, озлобляя многих»<sup>315</sup>.

Таким образом, недоверие между обществом и властью все усугублялось, и эта ситуация нисколько не способствовала укреплению российских позиций при вступлении в войну. А.И. Солженицын также подчеркивает, что правительство и партии долго не хотели верить в несчастный ход войны, и даже после того, как Гучков привез тяжелые вести с фронта, кадеты продолжали не доверять его словам. И только к 1915 году обнажились проблемы со снабжением войск и снарядами, после чего кадеты снова хотели возобновить конфликт с правительством, но против публичной борьбы выступил Милюков, чтобы «не подрывать бодрость армии, не давать пищу злорадству противника»<sup>316</sup>.

Линия кадетов и их взгляды на войну также появляются в той части эпопеи, когда полковник Воротынцев приходит в гости к Шинагрёву и оказывается в кадетском обществе (подробнее эта ситуация рассмотрена в первой главе). А.И. Шинграев известен своей врачебной и общественно-политической деятельностью, он был ближайшим соратником П.Н. Милюкова, а в 1917 году стал лидером кадетской фракции Государственной Думы. Этот человек на страницах «Красного колеса» показан с долей симпатии – у него большая и дружная семья, недюжинный ум. Несмотря на это, по многим вопросам Воротынцев с кадетским обществом расходится, хотя изначально воспринимает их разговоры без видимого противоречия. Когда они начинают говорить о том, что власти

---

<sup>315</sup> О-16, кн. 1. С. 217-219.

<sup>316</sup> О-16, кн. 2. С. 220.

специально провоцируют тяжелое экономическое положение, чтобы не выходить из войны, полковник вспоминает, что раньше до 1914 года они говорили обратное: войну провоцируют для того, чтобы выйти из тяжелого экономического положения. И далее нападки на правительство и государя перестают устраивать Воротынцева, хотя его уж точно нельзя назвать слепым монархистом. Можно предположить, что писатель придерживался следующей позиции по этому вопросу: даже такая слабая монархия (которая раскачивалась со всех сторон, в том числе, и кадетами) лучше случившейся далее революции. А.И. Солженицын намеренно выделяет курсивом фразу, прозвучавшую в кадетском обществе: «Да в конце концов, чем хуже, тем лучше! И катастрофа тоже нас куда-то приведет! Всё лучше, чем так позорно гнить!»<sup>317</sup>

Ровно эта же фраза звучит также в сознании Сани Ленартовича, юного социалиста. Через эту кодовую фразу писатель объединяет позиции разных партий (кадетов и социал-демократов), обращая внимание на то, что их представители примерно в равной степени хотели довести страну до ужасающего положения в войне, чтобы это способствовало недовольству народом своим правительством и властью, а затем привело к ее смене.

То, как позиции собеседников по вопросам Первой мировой войны раскрываются в беседе «шингаревского общества» и полковника Воротынцева, показано более подробно в главе, посвященной точке зрения высшего военного командования.

Кроме социал-демократов и кадетов, А.И. Солженицын касается взглядов еще одной партии «Союз 17 октября», а точнее, ее лидера Александра Ивановича Гучкова. Этот герой появляется в эпосе в момент знакомства и встречи с полковником Воротынцевым, а также удостоивается моногеройного очерка в главе под штрихом. По мнению Гучкова, единственный смысл затеваемой войны — пробиваться на Балканы, к Константинополю, но становилось очевидно, что в этой войне такой цели не

---

<sup>317</sup> О-16, кн.1. С. 289.

достичь. Оказавшись в окружении со Второй армией, А.Н. Гучков добивался приема у Государя, чтобы сообщить о тяжелом положении на фронте, требовал снять министра Сухомлинова. Писатель подчеркивает, что Гучков ощущал себя самым нужным России человеком в этой войне, а оказался лишним на ней, и затем все более убеждался в необходимости дворцового переворота. Позиция Гучкова в эпопее неординарна: он настаивает на монархии без конкретного монарха, считает, что дворцовый переворот может спасти Россию от революции, и надо поторопиться совершить его русскими руками, без вмешательств извне. В начале их разговора со Свечиным и Гучковым Георгий Воротынцев ощущает в нем единомышленника, но его смущает и отталкивает то, что Гучков предлагает все это делать «ради военных успехов России», то есть, он ЗА эту войну. В дальнейшем их пути расходятся.

Как видим, А.И. Солженицын в своем стремлении дать максимально широкую, полную и объективную картину Первой мировой войны, показал позиции основных крупных партий того периода, представил их точки зрения в устах лидеров этих партий, показал их в столкновении. Но все-таки сконцентрировал основное свое внимание на социалистах.

Таким образом, писатель в «Красном Колесе» постарался показать, что все действия В.И. Ленина и социалистов были направлены на «раскачивание» ситуации в стране в тяжелую для нее пору, на то, чтобы настроить народ против своего правительства и царя. А.И. Солженицын подчеркивает также, что все действия социалистов были «антироссийскими» и сами они себя открыто называли «антипатриотами», что и стало их основным идентификатором в эпопее.

## Заключение

Традиционно в русском сознании любое знаковое историческое событие, сколь масштабным бы оно ни было, прежде чем войти в народную память, осмыслялось литературой, и уже в этом ракурсе становилось достоянием национального опыта. Но Первая мировая война, нашедшая свое отражение в поэтическом и философско-публицистическом наследии, практически оказалась вне сферы осмысления русской эпической традицией. Возможно, это связано с тем, что она явилась лишь первым звеном цепи столь же масштабных катаклизмов: война привела к революциям Февральской и Октябрьской, большевикам удалось реализовать ленинский лозунг о превращении войны Империалистической в войну Гражданскую. Но дело не только в том, что последующие события как будто заслонили ее собой. Это связано еще и с тем, что Первая мировая война не оказалась предметом русской литературы, не стала объектом художественной рефлексии того уровня, который мог бы объяснить это событие и укоренить его в народной памяти. Безусловно, она упоминается во многих известных текстах, вошедших в «золотой фонд» русской классики, также есть ряд произведений советских авторов, которые сейчас почти не известны даже специалистам, но большинство этих книг не делают основной своей целью художественное осмысление важнейшего исторического события начала века. Все, кроме одного.

А.И. Солженицын в главной своей работе, посвященной истокам Русской революции, разворачивает также масштабную панораму Первой мировой войны: в «Красном Колесе» дан широкий анализ этого исторического явления на разных уровнях и с различных точек зрения.

Прежде всего, в эпопее А.И. Солженицына представлено два уровня осмысления Первой мировой войны: конкретно-исторический, направленный на рациональную интерпретацию военно-политических событий, и онтологический, мистический, не поддающийся рациональной

интерпретации, но связанный с попыткой осмыслить войну и последовавшие за ней события как проявление Божественного промысла, ниспосланного испытания, вскрывающий онтологические корни исторических событий.

Повествование в книге организовано крайне сложно, поэтому одной из важнейших для понимания историософской концепции А.И. Солженицына нам представляется проблема «точки зрения». Причем это понятие включает в себя не только формальный уровень структуры текста, но и глубинные мировоззренческие установки писателя. В художественном мире А.И. Солженицына очень важным является понятие Божьего промысла: все произошедшие события, кардинально поменявшие русскую жизнь, случились не без Божьей воли. Осмыслением онтологической символики исторических событий и формируется философия истории Солженицына, поэтому особо важную роль в эпосе играют точки зрения на происходящие события тех героев, которым дано осмыслить онтологический смысл и мистические причины Первой мировой войны. Среди них – генерал Самсонов, который поднимается до уровня мистического прозрения накануне своей смерти и гибели Второй армии.

Одним из самых важных аспектов анализа представленных в эпосе взглядов на войну является подробное изучение позиции главного среди вымышленных героев эпоса – полковника Георгия Воротынцева, которая в некоторых ситуациях оказывается близка авторской. Полковник представляет взгляд на войну с точки зрения профессионального военного, блестящего стратега, но при этом он стремится к сближению с народом, пытается встать на его сторону, поэтому учитывает и позицию простого солдата. В столкновении Георгия Воротынцева с позициями других офицеров раскрывается весь спектр точек зрения верховного командования и военной среды в целом. Этот персонаж хотя и не относится к категории реальных исторических деятелей, однако именно ему писатель «доверяет» самые сокровенные идеи, связанные с пониманием бессмысленности вступления в эту войну России и ее пагубного воздействия на дальнейшее

историческое развитие державы. Он оказывается причастным к самсоновскому онтологическому откровению, и через этого героя вводится также позиция П.А. Столыпина. Не зря именно Воротынцеву дано присутствовать при прощании генерала Самсонова со своей армией. Этот мистический уровень, до которого уже поднялся генерал (знак смерти лежит на его челе), ненадолго приоткрывается и полковнику Воротынцеву: он видит, что Самсонов – это «семипудовый агнец», которого бессмысленно принесли в жертву войне. Другое онтологическое прозрение постигает полковника на лесной поляне «под звездами» перед выходом из окружения. Там он осознает, что эта война России не нужна и ведет к катастрофе. По Солженицыну, именно с трагедии Первой мировой войны, в частности, с Самсоновской катастрофы, начинается «сползание в революцию», которое уже невозможно остановить. В целом, именно через полковника Воротынцева вводится самый большой пласт осмысления Первой мировой войны, чем и обусловлен объем первой главы, ему посвященной.

Вторым героем, близким к выражению авторской точки зрения в некоторых аспектах осмысления войны в «Красном Колесе», является Саня Лаженицын, прототипом которого стал отец писателя, Исаакий Солженицын. С помощью него в эпопею встраивается личная семейная линия писателя – подобно Л.Н. Толстому в «Войне и мире», А.И. Солженицын в «Красном Колесе» также реконструирует историю своей семьи. Отчасти поэтому данный персонаж оказывается нужен А.И. Солженицыну еще и для того, чтобы через него ввести линию полемики с Л.Н. Толстым: Лаженицын отправляется на войну убежденным «толстовцем», но довольно скоро отказывается от этой философии под влиянием увиденного. Сам Л.Н. Толстой появляется в эпопее не только на уровне идей, но и в качестве персонажа: в воспоминаниях Сани о встрече с писателем в Ясной Поляне. В интервью А.И. Солженицын признавался, что такая встреча его отца с классиком действительно была, но подробности этого разговора узнать было невозможно, поэтому в художественном мире «Красного Колеса» Саня

Лаженицын транслирует мысли самого автора. Разговор Сани с отцом Северьяном затрагивает также христианские толкования смысла войны, и этот момент можно назвать вершинной точкой полемики А.И. Солженицына со взглядами своего литературного предшественника. Писатель в «Красном Колесе» иногда вступает в полемику с Толстым как бы с позиций П.А. Столыпина. А.И. Солженицын был сторонником реформенной политики, предлагаемой министром, и считал, что она привела бы страну к процветанию. Современникам были известны разногласия между премьер-министром и автором «Войны и мира», одним из главных «камней преткновения» П.А. Столыпина и Л.Н. Толстого было отношение к земле: писатель был ярким противником частной собственности и призывал всех от нее отказаться, а Столыпин, наоборот, был уверен в том, что именно наличие собственной земли залог богатства крестьянина и основа укрепления государства. А.И. Солженицын, вне всякого сомнения, в этом споре стоит на позиции П.А. Столыпина

Если говорить о народной точке зрения, то, по мнению писателя, в этой войне сказалась накопленная усталость от всех предыдущих военных действий. В книге есть выразитель народной точки зрения – Арсений Благодарёв, чья семейная линия и облик родной деревни включены в эпопею. Арсений в книге играет роль некого «идеального» солдата, приставленного к мудрому офицеру Воротынцеву. Прислушиваясь к его мнению, полковник расширяет свои взгляды на Первую мировую войну. Но это не единственный способ демонстрации народной точки зрения. Большое внимание в данной главе уделяется также фольклору и слухам о войне как двум разным формам мифологизации Первой мировой войны.

В разделе, посвященном точке зрения Николая Второго и его ближайшего окружения, большое внимание уделяется взаимоотношениям двух императоров: российского и германского. Показан путь их отношений с момента восхождения Николая на престол до событий Первой мировой войны. Этот ракурс позволяет под новым углом посмотреть на прямые

предпосылки развязывания этой войны. Весь подобный материал в «Красном Колесе» базируется на документальных источниках, реальных дневниковых записях и телеграммах императоров. Кроме того, в этой главе мы обращаемся к позиции императрицы Александры Федоровны, через которую А.И. Солженицын отчасти затрагивает и точку зрения Распутина. В этой главе также не обходится без П.А. Столыпина, и тут А.И. Солженицын готов простить царю многое, но не предательство самого верного своего премьер-министра, способного предотвратить войну.

Представление социалистов и революционеров лучше всего выражается одной краткой и емкой фразой, которая звучит в сознании В.И. Ленина – «Превратить в гражданскую!» Знаменитый «вождь мирового пролетариата» воспринимает войну как удачную ситуацию для разжигания революции в стране, использует сложившееся положение в собственных интересах, не гнушаясь при случае и сменить позицию, если это потребуется для будущих великих целей. Кроме точки зрения В.И. Ленина, в эпопее показана также позиция Парвуса, Шляпникова и других социалистов. Среди них выделяется линия вымышленного персонажа Сани Ленартовича и двух его тетушек-революционерок. В целом при создании некоего собирательного образа социалистов в «Красном Колесе» А.И. Солженицын определяющей чертой для этой категории персонажей сделал «антипатриотизм» и отсутствие всякого отождествления себя со страной, в которой им довелось жить.

Практически в каждой главе мы так или иначе затронули точку зрения П.А. Столыпина. Показывая бессмысленность и ненужность войны, ее неоправданность какими-либо целями, Солженицын вводит в эпопею образ знаменитого премьер-министра, убитого незадолго до начала военных действий. Мы не посвятили ему отдельную главу в исследовании, поскольку Столыпин даже хронологически не мог являться очевидцем этих исторических событий, но его позиция принципиально важна для А.И. Солженицына. По мнению писателя, министр предугадал многие

последующие изменения, и если бы он был жив, то смог бы не допустить войны. В эпосе убийство П.А. Столыпина предстает как «выстрел в Россию» и косвенная причина Первой мировой войны и революции.

Взгляды Воротынцева, политические ориентиры Столыпина, воссозданные в ретроспективной главе, множество различных политических векторов, существовавших в русской общественной жизни накануне войны и в первые годы войны, можно назвать рационально обусловленными, политически мотивированными (или немотивированными). В стремлении дать их с наибольшей очевидностью писатель внедряет в текст «Красного Колеса» огромный массив документального материала – это и отрывки из газет той эпохи, фрагменты переписки реальных исторических деятелей, таких, например, как Николай Второй и Вильгельм, стенограммы речей депутатов думы, политические лозунги и т.п. И этот массив документального материала обнаруживает удивительное явление: каждый журналист, политический деятель, публицист, автор частного письма или же прокламации ставит перед собой совершенно реальные и психологически обусловленные цели.

Чаще всего эти цели противоречат друг другу: Ленин всеми силами стремится развязать войну и раскрутить Красное Колесо, Николай предпринимает робкие попытки не допустить войны, Гучков жаждет свержения монархии, военный министр Сухомлинов пытается проводить армейские реформы, двор занят поисками рычагов влияния на Государя, столица преисполнена патриотическим возбуждением. Каждый из реальных исторических лиц, образы которых создает писатель, преследует свои и притом вполне понятные, психологически и идеологически обусловленные цели. Но самое удивительное состоит в том, что все их усилия, взаимодействуя и переплетаясь, с неизбежностью формируют некое единое силовое поле, которое втягивает Россию в пучину войны, засасывает в воронку грядущей катастрофы. Полифония множества голосов, звучащих в «Красном Колесе», противоречащие друг другу устремления общественных

и политических деятелей незаметно для них самих и каким-то рационально непостижимым образом направлены к одному: столкнуть страну в войну. Это парадоксальное соединение противоположных усилий к одному общему вектору дано осмыслить Воротынцеву: «И Гучков – чтоб избежать революции. И Нечволодов в другую сторону – чтоб избежать революции.

Все думают врозь. Все тянут врозь. А Россия – ползёт по откосу»<sup>318</sup>.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что представленные в эпопее разнообразные позиции не только до определенной степени поддаются группированию вокруг какого-то «очага», но иногда еще и выполняют различные функции. Например, точка зрения Николая Второго и его ближайшего окружения нужна писателю для того, чтобы через образ царя ввести «предысторию» этих событий, их исторические предпосылки. Саня Лаженицын становится «проводником» семейной линии писателя и вводит полемику с Л.Н. Толстым. Полковник Воротынцев выражает взгляды А.И. Солженицына на стратегический уровень ведения войны. Народная точка зрения, данная через линию Арсения Благодарева, позволяет показать, как была воспринята Первая мировая война в широком массовом сознании – народ не принял эту войну душой и не понимал ее целей. Точка зрения В.И. Ленина и других социалистов важна, чтобы перейти напрямую к основному объекту исследования в «Красном Колесе» – к Русской революции.

Делая своей целью показать самые разные, порой даже противоположные точки зрения, А.И. Солженицын в «Красном Колесе» при этом не может позволить себе говорить «устаами» какого-либо персонажа, не делает одного из них своим «рупором» – это бы значительно упростило структуру текста. Однако можно говорить о том, что с позициями некоторых героев его точка зрения сближается в большей или меньшей степени.

Изначально писатель обратился к Первой мировой войне и «узловой точке» в ней (Самсоновской катастрофе) для того, чтобы наметить вехи

---

<sup>318</sup> О-16, кн. 2. С. 441.

«сползания» России в революцию и гражданскую войну. Но в процессе работы над «Красным Колесом» это историческое событие приобрело для него самостоятельное значение. Раскрытие и осмысление его исторического, онтологического, религиозно-философского смысла составляло одну из важнейших творческих задач автора «Красного Колеса».

## БИБЛИОГРАФИЯ

### Произведения А.И. Солженицына

1. Солженицын Александр. Собрание сочинений. В 30 т. – М.: Время, 2010. – Т. 7-16.
2. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни – Paris: YMCA-PRESS, 1975.
3. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А. Подлинная свобода: избранная публицистика в годы изгнания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 175-238.
4. Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. Т. 1
5. Солженицын А.И. Приемы эпопей: Из «Литературной коллекции» // Новый мир, 1998. – №1.
6. Солженицын А.И. Пьесы. – М., 1990.
7. Солженицын, А. Размышления над Февральской революцией (1980—1983) // Солженицын, А. Публицистика : в 3 т. — Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 457-503.
8. Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. Т. 1.
9. Солженицын А.И. Речь в Гарварде // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. Т. 1.
10. Солженицын А.И. Русский вопрос на рубеже веков // А.И. Солженицын, авт.-сост. Н.Д. Солженицына. – М.: Издательство АСТ, 2016.
11. Солженицын А.И. Темплтоновская лекция // Солженицын А. Подлинная свобода: избранная публицистика в годы изгнания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 101-110.

12. Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.

13. Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир, 1998. - № 9, 11; 1999. -№ 2; 2000. - №9, 12; 2001. - № 4; 2003.- №11.

### **Художественные произведения и публицистика**

14. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 - 1922. М.: Астрель, 2007.

15. Бердяев Н.А. Судьба России : опыты по психологии войны и национальности.. – Репр. воспроизведение изд. : М. : Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – М. : Изд-во МГУ, 1990.

16. Бердяев Н.А. Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М. : Канон+, 2004.

17. Гарсиа Маркес Г. Любовь во время чумы. – М.: Издательство АСТ, 2018.

18. Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М. : Изд. Т-ва И.Д.Сытина, 1915.

19. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. 1914. № 5.

20. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. – М. : Даръ, 2005.

21. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение / В. В. Розанов. - Петроград : [Тип. т-ва А. С. Суворина - "Новое время"], 1915.

22. Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. – М., "Детская литература", 1989.

23. Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1914.

24. Трубецкой Е. Спор Толстого и Соловьева о государстве // О религии Льва Толстого. — М.: Путь, 1912.
25. Хемингуэй Э. Прощай, оружие!: роман: Вешние воды: повесть. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
26. Чосич Д. Время смерти: Роман. — М., 1985.
27. Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. — М. 2007.
28. Шолохов М. Тихий Дон. — М.: Художественная литература, 1985.

### **Монографии, брошюры, сборники статей**

29. Александр Исаевич Солженицын: Материалы к биобиблиографии / Сост.: Д. Б. Азиатцев, Н. Г. Левитская, М. А. Бенина. При участии Г. А. Мамонтовой. Отв. редактор тома Н. Г. Захаренко. — СПб., 2007.
30. Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С.Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / Министерство культуры РФ; ГМИИ им. А.С.Пушкина; Архив А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2013.
31. А.И. Солженицын и русская культура: сборник научных трудов. Выпуски 1 - 3: — Саратов: Издательский центр «Наука», 2009.
32. Герасимова Л.Е. Этюды о Солженицыне. — Саратов: Новый ветер, 2007.
33. Голубков М.М. Александр Солженицын. — М.: Изд-во МГУ, 2001.
34. Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.

35. Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013.
36. Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
37. «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. - Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005.
38. Лопухина-Родзянко, Т. Духовные основы творчества Солженицына. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974.
39. Лурье Я.С. После Льва Толстого. – СПб., 1993.
40. Малые жанровые формы в творчестве А.Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Отв.ред. А.В. Урманов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011.
41. «Матрёнин двор» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 1999.
42. Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына /Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.
43. Мещеряков С.Н. Сербский исторический роман (1970-е годы). – М., 2008.
44. Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. – М.: Время, 2010.
45. Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Перевод с французского В. А. Петрова в сотрудничестве с автором. — СПб.: Вита Нова, 2014.
46. Нива Ж. Солженицын. – М.: Художественная литература, 1992

47. «Один день Ивана Денисовича»: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
48. Паламарчук П.Г. Александр Солженицын: путеводитель. – М., 1991
49. Первая мировая война в русской литературе: Антология / Сост. Г. Красников, К. Семенов. – М.: Вече, 2014.
50. Проза А.И. Солженицына 1990-х годов: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008.
51. Путь Солженицына в контексте «Большого времени» / Сост. Л.И. Сараскина – М.: Русский путь, 2009.
52. Ржевский Л.Д. Творец и подвиг : Очерки по творчеству Александра Солженицына. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972.
53. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2014.
54. Русские философы о войне : Ф.М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005.
55. Сараскина Л. И Александр Солженицын (ЖЗЛ: Биография продолжается). – М.: Молодая гвардия, 2009.
56. Сараскина Л.И. Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
57. Синенко В.С. Этика стоицизма Александра Солженицына // — Уфа, 1999
58. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне / Сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. - М.: Русский путь, 1998.

59. Соколов Б. В. Сто великих тайн Первой мировой. - М.: Вече, 2014.
60. Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. – М.: Русский путь, 2010.
61. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2012.
62. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 2 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2013.
63. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2014.
64. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 4 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2015.
65. 43. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 5 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2016.
66. Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд // ИНИОН РАН. – М., 1998.
67. Урманов А. Поэтика прозы Александра Солженицына. — М.: Прометей, 2000.
68. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие / А.В.Урманов. – 3-е изд. – М: Флинта: Наука, 2009.
69. Урманов А.В. Художественное мироздание А.И. Солженицына. – М.: Русский путь, 2014.
70. Фассел П. Великая война и современная память. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2015. – 470 с.

71. Цехновицер О. В. Литература и мировая война 1914-1918. – Москва : Гослитиздат, 1938.
72. Чуковская Л.К. Процесс исключения. Paris: YMCA-Press, 1979.
73. Шешунова С.В. Национальный образ мира в эпосе А.И. Солженицына «Красное Колесо». – Дубна, 2005.
74. Штурман Д.М. Городу и миру: о публицистике Александра Солженицына. – Париж-Нью-Йорк: Третья волна, 1988
75. Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. – М: Памятники исторической мысли, 2010.
76. Шнеерсон, М. Александр Солженицын : очерки творчества. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984.
77. Юдин В.А. Исторический роман русского зарубежья: Учеб. пособие / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1995., 1995.

### **Статьи и рецензии**

78. Алтынбаева Г. Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013.
79. Бальзамо Е. «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013.
80. Басинский П. Век мой, волк мой [Интервью с А. Варламовым]. Режим доступа:  
<http://www.rg.ru/2014/03/28/varlamov.html>

81. Бёлль Г. Четыре статьи о Солженицыне // Иностранная литература. 1989. - №8.
82. Быков Д. Другая Россия Александра Солженицына // Собеседник. 2008. 5 авг. № 30.
83. Вайль П., Генис А. Поиски жанра: Александр Солженицын // Октябрь. 1990. - № 6.
84. Вишневский Вс. Заметки непрофессионального критика // Литературная газета. 1932. 5 апреля.
85. Воробьев А. "Август Четырнадцатого" с военной точки зрения // Рус. мысль. — Париж, 1971. 18 нояб. № 2869. С.7.
86. Воронцова Г.Н. Тема Первой мировой войны в творчестве А.Н.Толстого. Режим доступа:  
<http://ruslitwwi.ru/files/content/2411/voroncova-g-n-tema-pervoj-mirovoj-vojny-v-tvorchestve-a-n-tolstogo-808-pdf.pdf>
87. Гаман Л.А. Н.А.Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3(29). С. 41-47.
88. Гаркавенко О. К вопросу о достоверности изображения Николая II в "Красном колесе" А.И. Солженицына. Режим доступа:  
[http://ruskline.ru/monitoring\\_smi/2009/01/12/k\\_voprosu\\_o\\_dostovernosti\\_izobrazheniya\\_nikolaya\\_ii\\_v\\_krasnom\\_kolese\\_a\\_i\\_solzhenicyna/](http://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/01/12/k_voprosu_o_dostovernosti_izobrazheniya_nikolaya_ii_v_krasnom_kolese_a_i_solzhenicyna/)
89. Геллер М. Я. Вчера и сегодня в «Красном Колесе» А. Солженицына // Обозрение. – Париж, 1985. Ноябрь. № 17. С. 11–19.
90. Геллер М.Я. Солженицын и Ленин // Вести. РХД. — Париж, Нью-Йорк, 1976. С. 170-177.
91. Герасимова Л.Е. Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу» : Сб. ст. / Сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. С. 132-140.
92. Глушков С.В. Антиномия «солдат — офицер» в «Красном Колесе» А.И. Солженицына // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2016. № 1.

93. Голубков М.М. А.И. Солженицын // История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена – М.: Изд-во МГУ, 2008.
94. Голубков М.М. А.И. Солженицын // Русская литература XIX-XX веков: Учеб. Пособие для поступающих в МГУ им. М.В. Ломоносова: В 2 т. – М.: Аспект Пресс, 2000. Т. 2.
95. Голубков М. М. А.И. Солженицын как религиозный писатель // Война в славянской литературе. Сборник научных трудов. — Гомель: Издательство Гомельского университета, 2006.
96. Голубков М.М. Рубеж веков глазами современника: опыт историко-литературного описания // Трансформации русской классики. URL: <http://transformations.russian-literature.com/rubezh-vekov-glazami-sovremennika>.
97. Голубков М. М. Солженицын в школе // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания - Воронеж: Воронежский государственный университет. — 2009. — № 28-29. — С. 391–395.
98. Голубков М.М. Творчество А.И. Солженицына как итог литературного столетия // А.И. Солженицын и русская культура: научные доклады. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 13–23.
99. Гуськов В.В. Многообразие связей рассказа «Эго» с исторической эпопеей «Красное Колесо» // Проза А.Солженицына 1990-х годов: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В.Урманова. — Благовещенск, 2008.
100. Елисеев Н.Л. "Август Четырнадцатого" Александра Солженицына сквозь разные стекла // Звезда. — СПб., 1994. — № 6. С.145-153.
101. Живов В.М. Как вращается «Красное Колесо» // Новый мир. – 1992. - №3.

102. Жидков Т.П. «Красное Колесо» А. Солженицына глазами историка // Отечественная история. 1994. - № 4/5.
103. Ильина Г.Я. Время романа // Новые явления в литературах европейских социалистических стран: Художественная проза 70-х годов. – М., 1976. С. 226.
104. Кириллова О. Сербская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Том второй. 1970-1980-е гг. / Отв. Редактор В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2001
105. Клеофастова Т.В. Художественный космос эпопеи Александра Солженицына "Красное Колесо" / Киевский гос. лингв, ун-т. — Киев: Collegium, 1999.
106. Клеофастова Т. Творчество А. Солженицына в контексте XX века // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.
107. Климов А. Тема нравственного пробуждения у Солженицына // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005. С. 315-321.
108. Климов А.Е. Тема исторической предопределенности в «Августе Четырнадцатого» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова . – Благовещенск, 2005.
109. Ковтун Н.В. «Русская идея» в малой прозе А. Солженицына // Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учебник. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 114–172.
110. Колесников А. Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: К проблеме интерпретаций истории // Русская литература XIX века в контексте мировой культуры. – Ростов н/Д, 2002.

111. Краснов В. Воспринял ли Солженицын полифонию Достоевского? // Достоевский и мировая культура: Альм. – СПб., 2001.
112. Кривонос В.Ш. Наука разрушения»: революция в романе А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 76–80.
113. Кублановский Ю. М. «Март Семнадцатого»: Хроника исторической катастрофы // Грани. 1987. № 144. С. 183–189.
114. Кублановский Ю. Зрячая любовь: Императрица Александра Фёдоровна в повествовании А.И. Солженицына «Красное Колесо». Режим доступа: [http://his.1september.ru/view\\_article.php?ID=200801501](http://his.1september.ru/view_article.php?ID=200801501)
115. Кублановский Ю.М. Стиль и историософия “Красного колеса” А. Солженицына // Материалы конференции “А. Солженицын и его творчество” – Париж: Нью-Йорк, 1988.
116. Кублановский Ю.М. Хроника, роман, эпос...// Книжное обозрение. – М.: 1989. - №42.
117. Кукулин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
118. Лаврёнов П. Образ Времени в творчестве А.И. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.
119. Латынина А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyj\\_mi/1993/11/latin.html](http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1993/11/latin.html)
120. Латынина А.Н. Солженицын и мы // Новый мир. 1990. - №1

121. Лерт Р. Б. Этика и история в романе «Август Четырнадцатого» // Лерт Р. Б. На том стою: Публикации «самиздата». М., 1991. С. 136–165.
122. Лосев Л. В. Великолепное будущее России: Заметки при чтении «Августа Четырнадцатого» А. Солженицына // Континент. 1984. № 42. С. 289–320.
123. Лосев Л.В. Поэзия и правда у Солженицына // Литературное обозрение. – 1999. - №1.
124. Лурье Я.С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда. – 1994. – № 6.
125. Любимов Б.Н. Миросозерцание Солженицына // Любимов Б.Н. Действо и действие. – М.: «Языки рус. культуры», 1997.
126. Маёрова К.В. Заметки о языке и стиле эпопеи А.И. Солженицына "Красное Колесо" // Лит. обозрение. — М, 1999. — № 1. С.55-57.
127. Мещеряков С.Н. Добрица Чосич. Писатель, политик, человек // Мультиязычный научный журнал «Стефанос» филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. № 3(5)
128. Немзер А. Земной удел. Заметки об «Октябре Шестнадцатого» // Собрание сочинений. В 30 томах. Т.10.
129. Немзер А. Диалог с русской классикой в «Августе Четырнадцатого». // Путь Солженицын в контексте большого времени», – М., Русский путь, 2009.
130. Немзер А. Она уже пришла: Заметки об «Августе Четырнадцатого» // Солженицын Александр. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 8. – М.: Время, 2010.
131. Нива Ж. Живой классик // Между двумя юбилеями (1998-2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына /Сост. Н.А.Струве, В.А.Москвин. – М.: Русский путь, 2005.

132. Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/12/niva.html>
133. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына // Континент-Мюнхен. – Париж, 1978. - № 18.
134. Нижников С.А. «Красное Колесо» А.И. Солженицына в контексте современности // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2012. № 1. С. 97-106
135. Николсон, М. Солженицын на мифотворческом фоне // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 50-92.
136. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн. Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1996/7/orlov1.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/7/orlov1.html)
137. Потапов В. Ю. Звезда, река, загадка... Заметки об «Августе Четырнадцатого» // Литературное обозрение. 1990. № 11. С. 18–22.
138. Распутин В. Жить по правде // Восточно-Сибирская Правда. 1998. 19 дек. № 247/248. С. 13&
139. Роднянская И. Ленин: художественно-исторический портрет за гранью идеологии // Путь Солженицына в контексте Большого времени, М.: Русский путь, 2009.
140. Роднянская И. Летописец роковых часов России // Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 546–548.
141. Роднянская И. Б. Уроки четвертого узла (Александр Солженицын) // Роднянская И. Б. Движение литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 657–666.
142. Руденко Ю. К., Шепель А. С. История и художественный вымысел в романе А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Русская литература. – СПб.: Наука, 2009. № 4. С. 230.

143. Рутыч Н.Н. От Воротынцева к Столыпину: [О кн. А. И. Солженицына «Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел 1: Август Четырнадцатого»] // Рус. мысль. 1983. 27 окт.
144. Сараскина Л. КГБ против Солженицына. Операция "Паук" // *Ad multos annos.* = [На долгие годы]: К юбилею В.А. Москвина. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2015. С. 33-57.
145. Сараскина Л. Код Солженицына // Россия, 1996. № 1.
146. Сараскина Л. В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 276-286.
147. Сараскина Л. Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в "Красном Колесе" А.И. Солженицына // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 533-546.
148. Солженицына Н. Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013.
149. Сорокина Н.В. Русская литература периода Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2005. — Т. 39, № 3.
150. Спиваковский П. Академик Александр Исаевич Солженицын // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. — М.: Наука, 2003. Т. 62. - № 6.
151. Спиваковский П. История, душа и «эго» // Лит. обозрение. 1996. № 1. С. 48—50.
152. Спиваковский П.Е. Ленин и черт: история одной (не) встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Записки русской академической группы в США, — New York, 2010.

153. Спиваковский П.Е. Полифония трансцендентальных миров: Некоторые особенности художественной структуры эпопей А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Филологические науки. – М., 1997. - № 2.
154. Спиваковский П. Символика Вавилонской башни и мирового колодца в эпосе А. И. Солженицына «Красное Колесо»// Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2000. - № 2.
155. Струве Н.А. О Солженицыне // Струве Н. Православие и культура. – М.: «Христианское издательство», 1992.
156. Темпест Р. Александр Солженицын – (анти)модернист : пер. с англ. // Нов. лит. обозрение. 2010. № 103.
157. Темпест Р. Герой как свидетель: Мифопоэтика А. Солженицына // Звезда. – 1993. - №10.
158. Темпест Р. Солженицын и Наполеон // «Красное Колесо» А.И Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В.Урманова . – Благовещенск, 2005.
159. Темпест Р. Солженицын — писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сб. памяти: 1918–2008 / сост., подготовка текста и общ. ред. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2009. С. 277–291.
160. Темпест Р. Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. - М.: Рус. путь, 2005.
161. Тоёфуса Киносита. Повествовательный стиль А.И. Солженицына и поэтика Достоевского // Путь Солженицына в контексте Большого времени: сборник памяти (1918-2008) / Сост. Л.И. Сараскина. – М.: Русский Путь, 2009.
162. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Режим доступа: [http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol\\_7/0030\\_6.htm](http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_7/0030_6.htm)

163. Тредголд, Дональд. Интеллектуальные предшественники Солженицына // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. – М.: Русский путь, 2010.
164. Трубецкова Е. «Узлы» истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 73–78.
165. Умеров Ш.Г. Александр Солженицын и ненасилие // Литературное обозрение. – 1999. – № 1.
166. Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве Солженицына // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.
167. Урманов А.В. Парадоксы пространства и времени в исторической эпопее А. Солженицына // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск, 2005
168. Урманов А.В. Своеобразие художественной концепции мира А.И. Солженицына // «Матренин двор» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск, 1999.
169. Фоминых Т.М. «Август Четырнадцатого» А. Солженицына и русская советская проза о Первой мировой войне. Режим доступа: [http://netrover.narod.ru/lit3wave/2\\_2.htm](http://netrover.narod.ru/lit3wave/2_2.htm)
170. Франк С.Л. О поисках смысла войны // В.Ф. Эрн : Pro et contra : Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей : антол. – СПб. : РХГА, 2006. – С. 442–449.
171. Шепель А. С. Концептуальный источник военных глав романа А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Мир в новое

время: Сб. материалов Двенадцатой всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных по проблемам истории международных отношений XVI-XXвв. – СПб.: Изд-во Петербург, ун-та, 2009. С. 233-236.

172. Шепель А. С. Роман А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» и отечественная историография о начальном этапе Первой мировой войны // А. И. Солженицын и русская культура: Сб. науч. трудов. Вып. 3. / Отв. ред. и сост. проф. Л. Е. Герасимова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 50-56.

173. Шепель А. Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013.

174. Шешунова С. Колесо и крест // Посев : журнал. — 2003, декабрь. — № 12. С. 3-6.

175. Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983 / Сост. Е.Ю.Дорман; Предисл. А.И.Кырлежева. — 2-е изд. М.: Русский путь, 2011.

176. Шнеерсон М. Будущее в прошедшем: «Март Семнадцатого» А. Солженицына // Посев. 1987. № 11. С. 55–60.

177. Шнеерсон М. Главы, напечатанные петитом: Из наблюдений над «Красным Колесом» А. Солженицына // Грани. 1987. № 143. С. 86—108.

178. Шнеерсон М. Документальная правда и художественный вымысел: Из наблюдений над «Красным колесом» А. Солженицына // Стрелец. — Париж; Нью-Йорк, 1987. – №1.

179. Щедрин Н.М. Авторская оценка романа "Красное Колесо" в публицистике А.Солженицына // Критика и публицистика в системе духовной культуры. — Тюмень, 1992. С.67-69.

180. Щедрина Н.М. Концепция истории в романе А. Солженицына «Красное Колесо» // Русская литература конца XX века (80-90-е годы). Пути развития прозы и драматургии. – Уфа, 1993.
181. Щедрина Н. Природа художественности в «Красном Колесе» А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998- 2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына /Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь, 2005.
182. Щедрина Н.М. Первая Мировая война в романе А. Солженицына «Август Четырнадцатого» («Красное Колесо») // Первая Мировая война в художественно-эстетическом осмыслении современников: коллективная монография. Научн. ред. В.В.Леденева– Москва: ИИУ МГОУ, 2016. С.147-163.
183. Щедрина Н.М. Стилиевые приемы кинематографа в «Красном Колесе» А. Солженицына // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск, 2005.
184. Щедрина Н.М. Философский "спор" А.Солженицына с Л.Толстым в романе "Красное Колесо" // Классика и современный литературный процесс. — Орск, 1992. С.43-45.
185. Щедрина Н. М. Формы выражения авторского сознания в романе А. Солженицына «Красное Колесо» // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа, 1998. С. 193–206.
186. Шмидт С. Солженицын-историк // Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 266–269.
187. Штруман Д.М. Остановимо ли Красное Колесо? Размышления публициста над заключительными Узлами эпопеи А. Солженицына // Новый мир. 1993. – №2.

188. Якобсон Р.О. Заметки об «Августе Четырнадцатого» / Перевод с англ. Т.Т. Давыдовой; комментарий П.Е. Спиваковского // Литературное обозрение. 1999. №1. С. 19.

189. Яковлева Н. Добрица Чосич и его роман «Время смерти» // Чосич Д. Время смерти: Роман. М., 1985.

### **Диссертации**

190. Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914-1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи: Дис. докт. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2013.

191. Гуськов, В. В. Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: Дис. канд. филол. наук : 10.01.01. – Владивосток, 2006.

192. Калашникова С.М. "Красное Колесо" А.И. Солженицына в контексте русской историсофской прозы: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Ростов-на-Дону, 2009.

193. Кострова, О. К. Отражение общественно-политических взглядов А. И. Солженицына в публицистике и литературно-художественной критике : Дис. канд. филол. наук : 10.01.01. – Ростов-на-Дону, 2003.

194. Кошкин, С. А. Художественная концепция личности в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо»: Дис. канд. филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2011.

195. Спиваковский П.Е. Формы отражения жизненной реальности в эпопее А. И. Солженицына “Красное Колесо”: Дис. канд. филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2000.

196. Тихомирова Е.С. "Красное Колесо" А.И. Солженицына и традиции романа-эпопеи в русской литературе XIX-XX вв.: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Кострома, 2010.
197. Урманов А.В. Поэтика прозы А.И. Солженицына: Дис. докт. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2001.
198. Шепель А.С. Восточно-Прусская операция 1914 г. и ее отражение в художественно-исторической прозе: Дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 2010.
199. Щедрин Н.М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века: Пути развития. Концепция личности. Поэтика.: Дис. докт. филол. наук: 10.01.01. – Уфа, 1995.

#### **Общетеоретические работы**

200. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next. 1994. С. 73-77.
201. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994.
202. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. «Эстетика словесного творчества». – М., 1976.
203. Большакова А.Ю. Теории автора в современном литературоведении // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. — М.: Наука, 1998. Т.57, №5. С. 15-24.
204. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.
205. Виноградов В. О языке Толстого (50—60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1939.
206. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). – М.: Академия, 2008.

207. Голубков М. Русская литература XX века: После раскола. – М., 2001
208. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. – М., 1994.
209. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина. // Проблема автора в русской литературе XIX—XX вв. — Ижевск, 1978. С. 188—189.
210. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. — М.: Просвещение, 1972.
211. Лотман Ю. М. Замечания о структуре повествовательного текста // Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб., 1997.
212. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992.
213. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002.
214. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
215. Манн Ю. В. Автор и повествование // Историческая поэтика, литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994.
216. Ортега-и-Гассет Х. О точке зрения в искусстве / Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. С. 186.
217. Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2004.
218. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. – М.: Аграф, 2000.
219. Тamarченко Н.Д. Точка зрения // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. С. 425-432.
220. Тынянов Ю. Н. Об основах кино // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.

221. Шешкен А.Г. Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. Учебное пособие. – М., Макс пресс, 2003.
222. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000.
223. Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
224. Яковлева Н.Б. Современный роман Югославии. – М.: Наука, 1985.

**Зарубежные источники:**

225. James, Henry. The Art of the Novel: Critical Prefaces. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1934.
226. Lubbock, Percy. The Craft of Fiction. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1921.